

Н.В. Хисамутдинова

ГОВОРИТ
ВЛАДИВОСТОК

Н.В. Хисамутдинова

ГОВОРИТ ВЛАДИВОСТОК

дела и люди
Приморского радио

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса (ВГУЭС)

Н.В. Хисамутдинова

ГОВОРИТ ВЛАДИВОСТОК

ДЕЛА И ЛЮДИ ПРИМОРСКОГО РАДИО

Монография

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2019

УДК 908
ББК 74.58
Х51

Рецензенты: *В.А. Казакова*, канд. полит. наук,
директор Департамента коммуникаций
и медиа Дальневосточного федерального
университета;
А.А. Набиуллин, канд. хим. наук, директор
Центральной научной библиотеки ДВО
РАН

Хисамутдинова, Наталья Владимировна
Х51 Говорит Владивосток: дела и люди Приморского
радио : монография / Н.В. Хисамутдинова ; Владивосток-
ский государственный университет экономики и серви-
са. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – 212 с.; ил.

ISBN 978-5-9736-0557-5

Книга посвящена истории радиовещания в Приморском крае, которое зародилось в 1920-е годы с движения радиолюбителей и перешло в дальнейшем под контроль государства. В основу повествования легли воспоминания сотрудников Приморского радио. Также использованы газетные и журнальные публикации, архивные материалы и тексты радиопередач разных лет.

Предназначена для всех, кто интересуется историей радиовещания и журналистики в целом и конкретно работой Приморского радио.

УДК 908
ББК 74.58

ISBN 978-5-9736-0557-5

© Хисамутдинова Н.В., текст, 2019

© ФГБОУ ВО «Владивостокский
государственный университет экономики
и сервиса», оформление, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений.....	4
Предисловие.....	5
Закон о свободе эфира.....	9
От передач «Пролетрадио» к регулярному вещанию	24
«Радио приобретает исключительно важное значение...»	36
В составе Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию	42
Искусство – массам	56
Даешь массовую радиофикацию!	65
Радио слушали все. Приморское радио в годы Великой Отечественной войны	71
На новый уровень	80
Вместе с Семёном Юрченко.....	90
1960-е: Внимание местному вещанию	101
Новый Дом радио – новые возможности радиовещания.....	113
Голоса Приморского радио	119
Не быть подставкой к микрофону.....	129
ГЛАВЛИТ, или советская цензура	149
На волне «Тихого океана»	155
Наш ответ «вражьим голосам».....	165
«Тише! Микрофон включен!»	173
«Эфир-105» и другие.....	185
Послесловие	203
Библиографический список	205
Указатель имен	208

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГТРК	– Всесоюзная (Всероссийская) государственная телерадиокомпания
ВКП(б)	– Всероссийская коммунистическая партия (большевиков), (затем – КПСС)
ВЦИК	– Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ГАПК	– Государственный архив Приморского края
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГДУ	– Государственный дальневосточный университет (Владивосток, 1920–1930 гг.)
Главлит	– Главный комитет по делам печати
ГПУ	– Главное политическое управление
ГУЛаг	– Главное управление исправительно-трудовых лагерей
Дальревком	– Дальневосточный революционный комитет (1922–26 гг.)
ДВГУ	– Дальневосточный государственный университет (Владивосток)
ДВМП	– Дальневосточное морское пароходство
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДОСААФ	– Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
Крайлит	– краевое управление Главного комитета по делам печати
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
Наркомпрос	– Народный комиссариат просвещения
НКПиТ	– Народный комиссариат почт и телеграфа
(Наркомпочтель)	
нэп	– новая экономическая политика
ОБХСС	– Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности
ОДР	– Общество друзей радио
Рабкор	– рабочий корреспондент
РОСТА	– Российское телеграфное агентство
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ЦК	– Центральный комитет

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Была ль
 небывалей мечта!
Сказать –
 так развесили б уши.
Как можно в Москве читать,
А из Архангельска слушать...*

– так писал о радио Владимир Маяковский. Но мы не о Москве и не об Архангельске, мы – о Владивостоке, где еще в начале XX века радио тоже казалось небывалой мечтой, но вскоре так прочно вошло в жизнь каждого приморца, что без него не начинался ни один день. Как только ни называли радио: и газетой без бумаги и расстояний, и «великим невидимкой», и рупором революции. Действительно, несколько десятилетий радио было основным источником информации для жителей многих стран, а в Советском Союзе еще и главным пропагандистом коммунистической идеологии, и подлинным народным университетом, приобщавшим население к знаниям и культуре.

Говорить о конкретной дате, с которой началось развитие радио, чрезвычайно трудно. В России отцом отечественного радиовещания принято считать Александра Степановича Попова. В 1889 г. он, тогда преподаватель физики в кронштадтском Техническом училище Морского ведомства, высказал фантастическую по тем временам гипотезу о возможности беспроводной связи. Через шесть лет, 7 мая 1895 г., на заседании физического отделения Русского физико-химического общества он продемонстрировал прибор, который можно считать первым радиоприемником, – стеклянную трубку с металлическим порошком внутри, соединенную с батареей и телеграфным реле. Последующие годы ушли на совершенствование прибора: ученый добивался все большего и большего увеличения расстояния, на которое можно было передавать сигнал.

Попов был не одинок в исследованиях радиоволн. Он использовал в работе идеи Г.Р. Герца, О.Д. Лоджа, Н. Теслы, а с итальянцем Г. Маркони они долгое время шли нога в ногу, и до сих пор можно спорить о том, кому же из них принадлежит первенство в развитии радиосвязи. А еще вспомним американского профессора Александра Белла, который изобрел в 1876 г. телефонный аппарат. Ведь именно телефон пытались первоначально использовать для передачи мас-

совому слушателю новостей, музыки, театральных постановок¹, да и в дальнейшем не забывали о возможностях телефонной связи. Для нас же важны все эти изобретения и исследования без исключения, ведь в результате благодаря им мир обрел радиовещание.

В Приморье оно зародилось в 20-е годы XX века благодаря движению радиолюбителей, объединенных в общество «Пролетарское радио», и работало поначалу на общественной основе, чтобы в дальнейшем стать государственным и перейти под полный контроль советских и партийных органов. Государство быстро оценило огромные возможности радио в деле пропаганды советских идей и умело пользовалось им в своих интересах. Радиопередачи Приморского радио, начавшись 1 января 1926 г. с коротких новостей и небольшого концерта, с каждым годом становились продолжительнее и полновеснее, охватывая постепенно все большую территорию и приобретая новых и новых слушателей и читателей.

«Слово не воробей: вылетит – не поймаешь» – это о радио. «Написано пером – не вырубишь топором» – это о газете. Вот и сравните, какую историю проще писать. Газетные подшивки – на полках любых библиотек. Бери, читай, анализируй: какие темы привлекали журналистов в те или иные годы, какими средствами и насколько успешно они их раскрывали, каким был отклик читателей на эти публикации. В отличие от газетных материалов радиопередачи рассеяны по эфиру десятилетий. Как восстановить их? Существуют, правда, микрофонные папки. Заверенные подписями руководителей и штампами цензоров, еще недавно они кипами лежали на чердаке Дома радио, превращенном в архив. В общих чертах эти тексты дают представление о передачах прежних лет, но, оторванные от эфира, они мертвы. В них нет ни ритма, ни эмоций, ни образов. Вот и получается, что историю радио надо составлять не столько по документам, сколько с голоса, со слов тех, кто делал и выпускал в эфир радиопередачи, кто жил заботами радио, забывая часто о собственных.

Первые попытки собрать воспоминания сотрудников радио – бывших и тех, кто еще работал в Приморском государственном комитете по телевидению и радиовещанию – были предприняты в 1985 г. при подготовке к 60-летию Приморского радио. По просьбе Валентина Александровича Ткачева, тогдашнего председателя Телерадиокомитета, свои воспоминания написали радиоинженер Алексей Степанович Квач, ставший и одним из основателей Приморского телевидения, певица Мария Марковна Волошинова, диктор Евгения Антоновна Лихачева, первые радиожурналисты Леонид Наумович Зельцман, Сергей Алексеевич Иванов, в дальнейшем историк и литератор, Николай Андреевич Глушенко,

¹ Венгерскому изобретателю Тивадару Пушкашу в 1892 г. был выдан патент на организацию «телефонной новостной газеты», и уже в следующем году в Венгрии начала работу Служба новостей по телефону. В последние годы XIX в. сетка вещания включала обзоры газет, новости, криминальную хронику, биржевые сводки, обзор погоды и даже уроки иностранных языков (английского, французского и итальянского). По заявкам подписчиков «Новостей по телефону» устраивали концерты классической и современной музыки, литературные беседы и музыкальные вечера. Один раз в месяц звучала передача для детей, и «по особому объявлению» проводили трансляции из Оперного театра. Примерно в это же время в Одессе и Нью-Йорке тоже делались попытки доставлять музыку ее любителям прямо на дом с помощью телефона. Именно тогда в ход пошли рупоры: их пристраивали к телефонным трубкам, чтобы усилить звук.

продолжавший сотрудничать с радио и будучи профессором Дальневосточного института советской торговли, а также сотрудники более поздней поры Аглая Михайловна Суроедина (Чернеева), Нина Александровна Хрулькова, Георгий Исаевич Громов, Вадим Анатольевич Тураев, ныне ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Напечатанные на пишущей машинке (о компьютерах тогда и не мечтали!), эти воспоминания – вкупе с памятными для радио историческими справками – были переплетены в большой том с ярко-красной обложкой, своеобразную «Красную книгу» Приморского радио. Ее материалы были использованы в издании, подготовленном в преддверии новой юбилейной даты – 75-летия радиовещания в Приморском крае¹.

Время шло, меняя стилистику радиопередач, их жанры, названия и тематику, людей, которые их создавали. Нет с нами многих из тех, кто вспоминал свою молодость в 1985 г. Успели стать ветеранами Приморского радио уже и те сотрудники, кто в расцвете сил отмечал очередные памятные даты – 75-летие и 80-летие Приморского радио. Их воспоминания – это новая страница истории радиовещания. Автор благодарит всех, кто откликнулся на просьбу вспомнить былые годы и рассказать о собственном опыте работы на радио. Рассказы, письменные и устные, журналистов Ивана Федоровича Гурко, Александра Константиновича Копейки, Александра Владимировича Колесова, Галины Яковлевны Островской, Людмилы Викторовны Моисеевой, Натальи Викторовны Дека, Людмилы Александровны Кондрусь, Елены Леонидовны Песчаницкой, дикторов Алексея Алексеевича Хортова и Лазаря Григорьевича Коробченко, инженеров Николая Тимофеевича Фирсова, Льва Сергеевича Шувалова и Павла Михайловича Никулина, операторов магнитной записи Любови Сергеевны Белокрыницкой и Марины Николаевны Евсеенко дополнили повествование подробностями, которые не найдешь ни в одном архиве. Особая благодарность Н.В. Дека, которая первой прочитала рукопись, исправив некоторые неточности и стилистические огрехи.

Воспоминания бывших сотрудников Приморского радио подкреплены материалами из профессиональных журналов: они помогают воссоздать колорит эпохи и уточнить некоторые факты из истории радиовещания – не только в Приморье, но и по всей стране. Включены в рассказ и фрагменты газетных статей разных лет: работа Приморского радио никогда не оставалась без внимания газетчиков. Использованы и архивные сведения, хотя их информация не всегда оказывается достоверной. Показатели отчетов о работе отдельных редакций и радио в целом могли быть несколько приукрашены, а материалы различных комиссий, проверявших в разные годы работу Приморского радио, напротив, излишне критичными. Не удалось установить и полных имен некоторых сотрудников: отчества журналистов, как правило, по радио не звучат, да и в своей среде они предпочитают обходиться без них. В книге использованы фотографии из личных собраний сотрудников радио.

Повествованием охвачен период с начала 1920-х до конца 1990-х гг., время превращения радио из любительского средства общения с миром в главный источник информации для населения Советского Союза, мощное орудие агитации

¹ Немного о радио и о нас с вами: к 75-летию Приморского радио / отв. сост. и ред. Н. Соловьева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 80 с. : ил.

и пропаганды, умело используемое советским государством. На работников радиовещания возлагалась важная задача пропаганды советских идей и поддержания внутри общества коммунистической идеологии. Это превратило радио в передаточное звено между властью и обществом, сделав журналистов зависимыми от государственных структур. Их деятельность была заключена в жесткие рамки инструкций и постановлений, контролировалась партийными органами и цензурой. Вместе с тем, на протяжении всего указанного периода внутри этой системы, включая региональные подразделения радиовещания, происходили противоречивые процессы, позволяющие увидеть в радиожурналистах не только послушных проводников решений партии и правительства, но и творческих, ищущих личностей, что в полной мере проявилось во время перестройки.

Никакая книга не может претендовать на то, чтобы исчерпывающе передать историю радио – даже в отдельный период и в конкретном регионе. Сколько голов – столько умов. Сколько передач и их авторов – столько различных позиций, событий и памятных встреч, охватить которые во всем объеме просто не представляется возможным. Все они достойны места в книге, но уже в следующей, которая дополнит эту, охватив новые периоды истории радиовещания в Приморье.

XX век оказался на редкость щедрым на достижения науки и техники. Проводное радиовещание со временем стало эфирным, на смену радиоточкам-громкоговорителям пришли приемники, а их в свою очередь потеснили цифровые технологии. Узнавать новости мы стали не столько по радио, сколько по телевизору, а затем и из Интернета. Чтобы услышать любимые песни, не надо было ждать концерта по заявкам – появились магнитофоны – сначала катушечные, потом кассетные, цифровые... Нынче мы и вовсе можем обойтись и без приемников, и без магнитофонов – все эти приспособления непостижимым образом умещаются в одном телефоне! И все же радио по-прежнему остается верным другом многих людей: тех, кто за рулем, туристов, моряков, дачников...

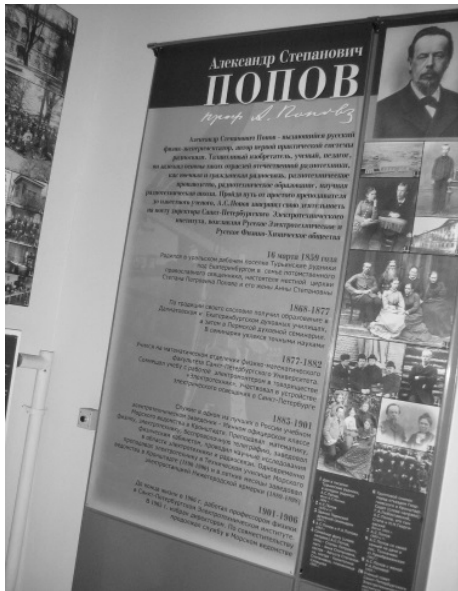
А теперь включаем радио.

Внимание: говорит Владивосток!

ЗАКОН О СВОБОДЕ ЭФИРА

На стене старого каменного здания по ул. Верхнепортовой, 40, во Владивостоке размещено несколько мемориальных досок, напоминающих об исторических событиях, происходивших в этих стенах. Одна из них сообщает о том, что в 1926 г. здесь находилась первая на Дальнем Востоке радиовещательная станция, откуда впервые раздались слова «Говорит Владивосток». Созданная руками энтузиастов-радиолюбителей, эта радиостанция со временем превратилась в мощное средство массовой информации, позывные которого слышали не только жители Приморского края, но и моряки, находившиеся за тысячи миль от родных берегов.

Центральный музей связи имени А.С. Попова (Санкт-Петербург). Стенд, посвященный А.С. Попову

Радистелеграф инженера А.С. Попова, передававший сигнал точками и тире азбуки Самюэла Морзе, применялся сначала лишь как средство связи для нужд военно-морского ведомства и судоходства. С началом Первой мировой войны возникла необходимость использовать его как средство информации: радиограммы с распоряжениями царя и правительства, передававшиеся в 1914–1917 гг. из Зимнего дворца, принимались в прифронтовых полевых типографиях, где их печатали в качестве листовок и публиковали в военных газетах. По этой же схеме радиотелеграф действовал и после Октябрьской революции: именно азбукой Морзе радисты «Авроры» сообщили миру о событиях в Петрограде. Затем

по радиотелеграфу стали передавать декреты правительства, сообщения о важнейших событиях, радиограммы В.И. Ленина, обращенные к народу и местным органам власти. В марте 1918 г. ряд радиотелеграфных станций был специально выделен под передачу информационных радиограмм во все губернские и уездные города. Там их расшифровывали и рассылали в редакции газет, в которых появился специальный раздел – «Радиотелеграммы, принятые из Москвы».

Это начинание горячо поддержал В.И. Ленин, которому возможности радиотелеграфа настолько понравились, что он назвал его газетой без расстояний. В июле 1918 г. Ленин подписал декрет Совнаркома «О централизации радиотехнического дела», который предусматривал передачу ряда мощных радиостанций из военного ведомства Народному комиссариату почт и телеграфов (НКПиТ), а также национализацию некоторых заводов – для начала производства на них радиооборудования.

Согласно другому декрету, «Положение о радиолaborатории с мастерской НКПиТ», в 1918 г. в Нижнем Новгороде была создана радиотехническая лаборатория, которая стала первым в стране научно-исследовательским и промышленным центром в области радиотехники. Перед ее сотрудниками поставили грандиозную задачу: создать радиопередающую сеть, которая соединила бы Москву не только с другими крупными российскими городами, но и с зарубежной Европой.

Поскольку радиоэфир начали рассматривать как средство агитации и пропаганды, средств на развитие радиотехники не жалели. В лаборатории были собраны самые крупные силы в этой области, имевшиеся в стране. В качестве ученых специалистов в штат были зачислены ученик А.С. Попова профессор В.К. Лебединский, инженеры-электротехники М.А. Бонч-Бруевич, А.Ф. Шорин, В.В. Татаринов, В.П. Вологдин, П.А. Остряков, которые еще до революции занимались различными вопросами беспроводной связи. Первым управляющим Нижегородской радиолaborаторией назначили одного из ее организаторов В.М. Лещинского, а после его неожиданной смерти в сентябре 1919 г. руководить опытами по применению радио для широкого вещания стал А.Ф. Шорин.

С созданием радиолaborатории начался отсчет событиям, которые и привели к организации радиовещания – сначала в столице, а потом и по всей стране. 27 февраля 1919 г. лаборант передал в эфир уже не сигналы Морзе, а слова «Алло, говорит Нижегородская лаборатория». Это был первый случай, когда по радио прозвучал голос человека. 11 января 1920 г. провели первую успешную пробу радиотелефонной передачи на небольшое расстояние – в стенах радиолaborатории, но через четыре дня, 15 января, прошла опытная радиотелефонная передача из Нижнего Новгорода в Москву. После этого стало возможно приступить к созданию первого отечественного радиотелефонного передатчика.

17 марта 1920 г. Совет труда и обороны принял постановление, которым Нижегородской радиолaborатории поручалось в срочном порядке, за два с половиной месяца, изготовить для установки в Москве центральную радиотелефонную станцию с радиусом действия 2000 верст. Ввиду чрезвычайной государственной важности этого задания все заказы лаборатории на материалы, необходимые для работы, становились первоочередными – «под личную ответственность заведующих соответствующими отделами и председателей заводоуправлений». Всех строителей радиостанции, независимо от возраста, освободили от призыва в армию.

Надо ли говорить, что передатчик был изготовлен вовремя, и 16 декабря 1920 г. сотрудники Нижегородской лаборатории установили его на Ходынской радиостанции в Москве, первой мощной радиостанции, созданной в годы Первой мировой войны для беспроводной связи с союзниками. Сигналы оттуда долетели до Ташкента, Иркутска и других городов. Были проведены успешные испытания и по двухсторонней связи с Германией, где оборудовали приемный пункт около Берлина. Одновременно, с марта 1920 г., в Москве на Вознесенской

улице (ныне улица Радио) шло строительство Центральной радиотелефонной станции большого радиуса действия (радиостанция имени Коминтерна). В январе 1921 г. «ввиду благоприятных результатов, достигнутых Нижегородской радиолaborаторией», Совет Народных Комиссаров принял постановление о развернутом радиотелефонном строительстве в РСФСР. Этот документ дал старт оборудованию радиоустановок в наиболее крупных российских городах.

Параллельно с Нижегородской лабораторией опыты по радиотелефонии проводили военные инженеры, в том числе на Казанской базе радиотелеграфных формирований Красной Армии, созданной в 1918 г. 1 мая 1921 г. они, впервые в стране, установили на двух площадях Казани рупоры, чтобы через них по телефону сообщать населению новости. Сделать звучание громким помог сконструированный ими усилитель. Когда об этом изобретении сообщили московские газеты, правительство тут же запросило от Казани письменный отчет о работе в области радиотелефонии и выступило с предложением распространить казанский опыт на Москву и Петроград.

Через месяц громкоговорящую радиотелефонную установку испытали в Москве, установив рупор на балконе здания Моссовета, а вскоре передачи Центральной радиотелефонной станции имени Коминтерна начали звучать на шести московских площадях, где появились громкоговорители в виде больших рупоров. Кстати, о рупорах. Разве их изобретение можно обойти стороной, когда говоришь об истории радио? В течение трех десятилетий советские люди слушали радиопередачи через усовершенствованный рупор-громкоговоритель.

После недолгого периода пробного вещания радиостанция стала работать ежедневно кроме ненастных и дождливых дней: с 21 до 23 час. Москвичи могли услышать телеграммы РОСТА, материалы из газет, лекции, подготовленные специально для чтения из студии. Чтобы охватить радиовещанием как можно больше горожан, по улицам ездила грузовая машина с радиопередвижкой. Опытные радиостанции вскоре были установлены также в других городах, где стали проводить пробные радиопередачи.

В конце лета 1924 г. начала работать и другая московская радиостанция, Сокольническая (с мая 1925 г. – радиостанция имени А.С. Попова). Она принадлежала Научно-испытательному институту связи Красной Армии, в котором было проведено много смелых экспериментов в области радиовещания, в частности, по повышению качества звучания передач. Первый пробный радиоконцерт силами собственных сотрудников радиостанция передала 29 августа 1924 г., а через десять дней участвовала в большом массовом мероприятии, организованном Обществом радиолюбителей РСФСР, – трансляции концерта из Большого театра.

В первое время Сокольническая радиостанция работала исключительно на общественных началах и не имела твердого графика вещания. О начале регулярных передач сообщил журнал «Радиолюбитель»: «12 октября 1924 г. останется в истории советского радиолюбительства как день начала регулярной радиовещательной передачи. Почин в этом большом деле проявили рабочие организации в лице МГСПС (Московский городской совет профсоюзов – *Н.Х.*), чем еще раз подчеркнут классовый характер возникшего у нас радиолюбительского движения... Программы передачи специально приспособляются к запросам и потребностям рабочего, повышая его культурный уровень и классовое самосознание. Конечно, в этом направлении работу придется постоянно уточнять, но важ-

но то, что начало сделано серьезно, взят правильный курс, предупреждающий возможности халтурного использования радио: наше радио сразу же поступает на службу рабочим»¹. 23 ноября того же года открыла регулярное радиовещание и радиостанции имени Коминтерна.

С созданием Нижегородской радиотехнической лаборатории в СССР началась популяризация радиотехники. В лаборатории стали устраивать открытые лекции с демонстрациями: о сущности беспроводного телеграфа, видах радиостанций, возможностях радиоприема. В 1919 г. там организовали выпуск журнала «Радиотехник», предназначенного для радиолюбителей². Прямым поощрением радиолюбительства стало постановление Совета Народных Комиссаров от 28 июля 1924 г. «О частных приемных радиостанциях», которое в народе называли Законом о свободе эфира. Постановление не только регламентировало порядок продажи радиоаппаратуры частным лицам, но и позволяло всем жителям СССР – после получения соответствующего разрешения – изготавливать и эксплуатировать приемные радиостанции, как тогда называли любые радиоприемники.

По сути дела, этот документ готовился общественностью в течение нескольких лет. О разрешении изготавливать приемные станции заговорили еще в октябре 1921 г. на 8-м Всероссийском электротехническом съезде, где выступал с докладом Бонч-Бруевич. Через два месяца этот вопрос подняли на заседании Русского общества радиоинженеров (декабрь 1921 г.), после чего Технический совет Народного комиссариата почт и телеграфов (Наркомпочтеля) и стал готовить проект декрета о частных радиостанциях. Механизм действия постановления был прост: человек или организация подавали заявку, регистрировали свои позывные и получали определенную полосу частот. После этого у них появлялась возможность беспрепятственно гулять по эфиру – при условии своевременной оплаты абонемента.

Интерес к радио и радиолюбительству быстро распространился на Дальний Восток благодаря большому числу моряков, как военных, так и из «Доброфлота», которые давно уже использовали изобретение А.С. Попова. На острове Русском в начале XX в. находилась мощная береговая морская радиостанция, связывающая центр России с ее тихоокеанской окраиной. Кроме того, в годы Гражданской войны во Владивостоке – на местных предприятиях и в вузах – появилось немало высококвалифицированных и образованных специалистов, прибывших в числе беженцев. Благодаря этим обстоятельствам одна за другой в городе стали появляться как индивидуальные, так и коллективные радиостанции.

Одна из самых первых, с позывным RA03 и мощностью 900 вт., принадлежала Государственному дальневосточному университету (ГДУ). Радиостанция была создана при участии студентов в научно-исследовательских целях и размещалась в университетской радиолaborатории на территории Дальзавода. Уже в течение первого года работы университетские радиолюбители установили связь не только со многими пунктами СССР, но и с границей: радиолюбителями Японии, Китая, Индии, Филиппин, Гавайев, Австралии, Новой Зеландии, США, Франции, Германии, Бельгии, Англии, Голландии, Венгрии, Австрии,

¹ Большой почин // Радиолюбитель. 1924. № 4. С. 49.

² Популяризация радиотехники // Радиотехник. 1919. № 8. С. 4.

Абиссинии. В середине 20-х гг. XX в. радиостанция ГДУ считалась лучшей коллективной дальневосточной станцией.

Радиолaborаторией и радиостанцией руководил преподаватель технического факультета ГДУ инженер-электротехник Михаил Николаевич Головщиков, хорошо знакомый с радиodelом. Он окончил в 1909 г. во Франции Тулузский университет и после этого несколько лет работал за границей¹. Кстати, в радиodelе Россия мало отставала от заграницы. В США и Франции радиолюбительство и радиовещание берут начало с 1920 г., в Великобритании – с 1922 г., Германии и Австралии – с 1923 г., а в Италии правительство отменило законы, препятствующие радиолюбительству, лишь в 1924 г.² Единственное, что мешало укреплению позиций отечественных радиолюбителей, – это слабость материальной базы. Наладить выпуск радиоаппаратуры в достаточном количестве оказалось непосильной задачей для российской промышленности, разрушенной недавней Гражданской войной.

В 1924 г. владивостокские радиолюбители объединились в добровольное общество «Пролетарское радио», или, как стали его называть сокращенно, «Пролетрадио». Первое собрание, организационное, состоялось 7 февраля 1925 г., через неделю после того, как Дальневосточный революционный комитет (Дальревком), в то время высший орган власти на территории российского Дальнего Востока, принял постановление «О радиостроительстве в Дальневосточной области». Этот документ гарантировал радиолюбителям поддержку местных партийных органов. Председателем общества избрали Григория Васильевича Гончара, работавшего в то время ответственным секретарем газеты «Красное знамя», а раньше, в 1920–1921 гг., руководившего Дальневосточным телеграфным агентством «ДальТА» (Владивосток) под подпольным именем Колко.

Радиолюбители из Владивостока были среди первых в Советском Союзе, кто организационно оформил свое объединение. В Москве официально зарегистрированный радиолюбительский кружок появился в конце 1923 г. – его организовали при Электротехническом институте народной связи имени В.Н. Подбельского (ныне Московский технический университет связи и информатики). Затем радиолюбительское общество было создано в Ленинграде (май 1924 г.), а летом того же года началось объединение на всероссийском уровне. В июле в Москве зарегистрировали Общество радиолюбителей РСФСР, и после первого организационного собрания (7 августа) в него стали вливаться местные радиолюбительские кружки и общества. К середине 1925 г. Общество радиолюбителей РСФСР, переименованное к этому времени в Общество друзей радио, объединяло свыше двухсот губернских и областных организаций, в основном из европейской части России³. В 1927 г. вошло в это Общество и приморское «Пролетрадио». Председателем его в это время был Иосиф Короть, владелец владивостокской типолитографии.

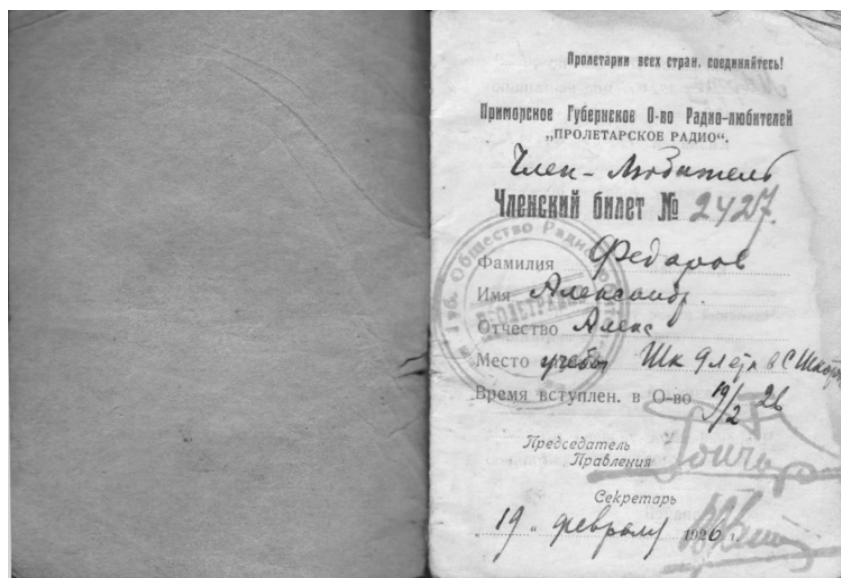
«Добровольные общества существуют у нас сравнительно недолго, – писала пресса. – Они могли возникнуть только после окончания гражданской войны,

¹ Турмов Г.П., Хисамутдинова Н.В. У истоков высшей технической школы на Дальнем Востоке России (1918–1941): материалы к биографиям. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. С. 42.

² Новости // Радиолюбитель. 1924. № 2. С. 13.

³ Н-ов. За радиолюбительство // Красное знамя. 1925. 26 авг.

когда страна приступила к мирному строительству...Положение радиолюбительства было тяжелое. В начале 1924 г. еще не работала ни одна советская радиотелефонная станция. Когда начала работать станция имени Коминтерна, было еще очень мало приемников и слушателей во всей стране. Только после издания декрета о разрешении частных приемников (постановление СНК СССР «О частных приемных радиостанциях» – Н.Х.), т.е. после 7-го сентября 1924 г., радиолюбительство начало расти гигантскими шагами. Далее, не было еще радиолитературы в достаточном количестве. Широкие массы не знали, что такое радио и как овладеть этим новым средством связи. Радиолюбители, с трудом построившие себе приемники, не знали, как продолжать свое самообразование; не знали, в каком направлении работать дальше. Вот почему создание Общества Друзей Радио встретило такой горячий отклик во всем Союзе. Число членов ОДР росло тысячами ежемесячно. Все радиолюбители понимали, что только организованным путем можно добиться успехов в деле развития радио»¹.

Членский билет радиолюбителя из общества «Пролетрадио»,
1926 г.

(Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

Среди задач Общества друзей радио была популяризация радиовещания, активная просветительская деятельность среди населения по распространению радиотехнических знаний и содействия в развитии радиолюбительства. Для этого организовывали лекции и концерты, расширили выпуск печатной продукции. В сентябре 1924 г. появился ежемесячный журнал «Радиолюбитель», затем наладили выпуск еженедельной газеты «Новости радио» (февраль 1925 – 1928 гг.), в дальнейшем преобразованной в еженедельный журнал «Радиослушатель». С 1925 г. два раза в месяц выходил и журнал «Радио всем» (в 1931–1941 гг.

¹ Каплан М. Общество друзей радио и его работа // Радио всем. 1927. № 1. С. 2.

издавался объединенный журнал «Радио-Фронт», с 1946 – «Радио»). Материалы этих изданий сообщали радиолюбителям Советского Союза последние технические новости, знакомили с новым радиотехническим оборудованием, консультировали в деле самостоятельного радиотворчества.

Члены владивостокского «Пролетрадио» также считали своей главной задачей пропаганду радиолюбительства среди жителей Приморья. Уже в первый год работы «Пролетрадио» организовало радиовыставку, экспонаты на которую представили «Доброфлот», военно-морские силы Дальнего Востока, частные фирмы и отдельные радиолюбители. Число посетителей на ней продемонстрировало большой интерес к этой области техники со стороны населения, главным образом молодежи. Беседы и лекции по радиотехнике с демонстрацией приема передач, которые члены общества проводили в рабочих клубах, собирали полные залы.

«Как только общество [Пролетрадио] было оформлено, – сообщал журнал, – правление поставило своей первоочередной задачей вербовку членов путем устройства лекций и докладов в клубах, на собраниях коллективов госучреждений, приняв все меры к вступлению присутствующих в члены общества. К первому апреля губобщество (губернское общество – Н.Х.) объединило уже до 15 ячеек “Пролетрадио” с общим количеством членов до 750 человек. ...В основу своей работы “Пролетрадио” положило вовлечение широких рабоче-крестьянских масс, с целью привить любовь к этой общественной организации, имеющей колоссальное значение в деле насаждения технической культуры среди трудящегося населения»¹.

Для распространения радиотехнических знаний среди населения научно-техническая секция «Пролетрадио» разработала и начала распространять специальные пособия для начинающих с простейшими схемами радиоприемников, которые было возможно изготовить в домашних условиях. Опытные радиолюбители организовали постоянные консультации по вопросам конструирования радиопринимающих устройств – сначала во Владивостоке, а затем и в районах. Последователей оказалось много, особенно среди молодежи. В результате радиолюбительством оказались охвачены более двух тысяч приморцев, объединенных приблизительно в 65 ячеек. В частности, в Спасске было образовано 19 ячеек (400 членов), на Сучанском руднике (ныне Партизанск) – четыре ячейки (150 человек), Зыбунном руднике (ныне Артем) – одна ячейка (сто человек)². Ячейки «Пролетрадио» появились также в Никольск-Уссурийском, Имане (ныне Дальнереченск), ряде сел. Не случайно академик С.И. Вавилов назвал радиолюбительство могучим движением, которое привело к участию в радиоэкспериментах тысяч энтузиастов, посвящающих свой досуг технике. «Ни в одной области человеческих знаний, – заявлял он, – не было такой массовой общественно-технической самостоятельности, охватывающей людей самых различных возрастов и профессий, как в радиотехнике».

Далеко не все радиолюбители сразу решались на сборку приемников: не хватало самого необходимого, но выручала смекалка, и в ход шли всякие подручные материалы и детали. Вместо антенны, например, применяли любые металлические предметы, имеющиеся в доме – от самоваров до кроватей. Журнал писал: «В утешение товарищей из провинции: предпринятые шаги позволяют надеяться, что в ближайшее время отдельные части появятся в достаточном ко-

¹ На Дальнем Востоке // Радио всем. 1925. № 1. С. 15.

² Там же.

личестве на рынке. Не надо забывать, что промышленность была неподготовлена к тому росту любительства, который действительно принял стихийные размеры... уже сейчас дан ряд заказов на радиовещательные передатчики для провинциальных городов. Можно уверенно сказать, что через какой-нибудь год наша провинция окажется в этом смысле в лучшем положении, чем, например, провинция Франции, где, несмотря на сравнительно давнее существование любительства, провинция находится в том же положении, что и у нас теперь»¹.

У владельцев приемной радиоаппаратуры, главным образом, детекторных приемников, по вечерам собирались соседи и друзья, чтобы прикоснуться к чуду: услышать звуки эфира. Едва в приемнике слышались какие-то более или менее отчетливые звуки, торопились подстроить детектор и поймать волну. Если везло, сквозь шум и треск прорывалась музыка, иногда слышна была речь. Хотя разобрать, на каком языке и о чем говорят, было зачастую невозможно, это не мешало всем чувствовать себя счастливыми².

«Пролетрадио» ставило перед собой и далеко идущие цели: с первых дней существования общества его члены стали вести сбор средств на постройку местной радиостанции для радиофикации Приморья: «...общество сразу же решило практически приступить к таковой, предполагая произвести установки в губернском центре городе Владивостоке – отправительную ширококвещательную станцию, ряд радиоприемников с громкоговорителями по уездным городам, рабочим клубам города Владивостока, селам и деревням»³. Была определена и дата – ноябрь 1925 г., восьмая годовщина Октябрьской революции.

На 4-м съезде профессиональных союзов Приморской губернии (31 марта – 5 апреля 1925 г.), где был заслушан доклад о новой организации радиолюбителей, говорилось о том особом значении, какое имеет радио для Приморья: «...здесь мы имеем колоссальные пространства, которые не связаны ни телеграфом, ни телефоном, ни железными дорогами, где даже живой человек ни на лошади, ни пешком не может добраться из одного местечка в другое. Поэтому связь центра с такими медвежьими уголками больше чем необходима.... Возьмем хотя бы Владивосток: у нас имеется Рабочая Слободка, Чуркин, Эгершельд и те мелкие районы, которые не будут связаны трамваем еще в течение 30 лет. Мы должны обслужить эти районы, эту массу, оторванную от нашего советского, партийного, культурного центра связать и вовлечь в культурную работу. Единственным средством для этого, удобным и недорогим, служит радиотелеграф и главным образом радио-телефон».

В резолюции съезда записали, что «цели и задачи, поставленные обществом, являются в данное время одной из основных работ советской общественности, и съезд отмечает полную необходимость всем аппаратам профсоюзов, как в губернском центре, так и на местах, оказывать помощь и поддержку “Пролетрадио”. Осуществление лозунга “Даешь радио-телефон к 8-й годовщине Октября”.

¹ Радиовещание – в провинцию // Радиолюбитель. 1925. № 4. С. 2

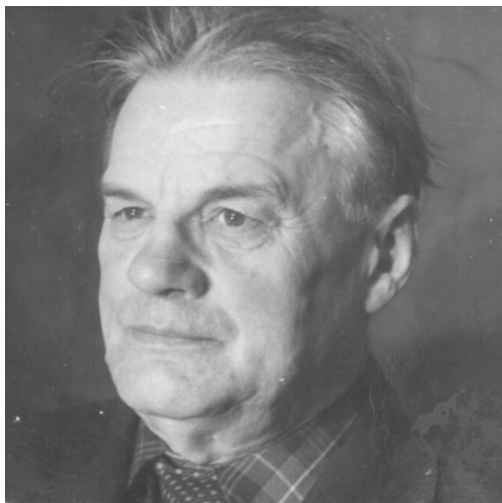
² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с Б.П. Полевым (С.-Петербург), жителем Владивостока в 1922–1930 гг.

³ На Дальнем Востоке // Радио всем. 1925. № 1. С. 15.

ской революции” съезд признает вполне возможным и сообразно с ним обещает обществу возможную материальную помощь»¹.

Первые средства на организацию радиовещания дали взносы членов «Пролетрадио». Их собирали также через подписные листы и платные концерты и вечера. Большую финансовую поддержку оказали местные организации и предприятия. По 10 тыс. руб., в частности, выделили губернский исполком, Владивостокский торговый порт и Государственная мельница, по одной тысяче – местные отделения Общества друзей воздушного флота и Общества «Долой неграмотность». Нужную сумму собрали быстро, уже в 1924 г. В Москву отправили заявку на оборудование для радиостанции, но небольшие в то время отечественные заводы по производству радиоаппаратуры были перегружены государственными заказами, и «Пролетрадио» получало отказ за отказом. Зато членам общества было дано разрешение на приобретение аппаратуры для организации радиовещания за границей.

В Англии был заказана радиопередающая станция с двумя комплектами машин фирмы Маркони радиусом действия 150 верст и стоимостью 45 тыс. руб. Одновременно были закуплены радиоприемники. Шесть мощных, с громкоговорителями, рассчитанными на аудиторию в 500 человек, предназначались для Владивостока. Шесть радиоприемников были поменьше, но тоже для больших аудиторий – численностью 150–200 человек. Их планировали установить в уездных городах. Наконец, двадцать радиоприемников с телефонами на 50 человек позднее установили в рабочих клубах Владивостока, Никольск-Уссурийска, Сучана, Артема, Гродекова (ныне пос. Пограничный) и других населенных пунктов. Один из этих радиоприемников определил судьбу Алексея Степановича Квача, одного из первых технических работников Приморского радио, ставшего затем и одним из основателей Приморского телевидения.

А.С. Квач (1976 г.)

«О радио я прочитал впервые в 1925 году, когда учился в четвертом классе, – вспоминал он. – Слово было мне неизвестным, и кого я ни пытался спросить о нем, никто ничего объяснить мне не мог, даже школьные учителя. Кое-какие сведения я вскоре нашел в “Журнале крестьянской молодежи” в местной избе-читальне Камень-Рыболова. Там же в 1926 году я увидел настоящий радиоприемник. Это был массивный дубовый ящик с наклонной передней стенкой, сверху стояли четыре лампы, а рядом – батареи и громкоговоритель с раструбом. Приемник

¹ Стенографический отчет IV Приморского губернского съезда профессиональных союзов (с 31 марта по 5-е апреля 1925 г.). Владивосток: Изд. Примор. губпрофсоюза, 1925. С. 249.

был английского производства, как я потом узнал. Его установили в избе-читальне, укрепив на крыше дома две жерди с блестящей медной проволокой-антенной, рядом закопали цинковый лист для заземления, и в один прекрасный день первые радиослушатели, главным образом мальчишки, затаив дыхание, слушали трески, шорохи, завывания, доносившиеся из приемника. Сквозь них временами более или менее отчетливо звучала какая-то музыка. На другой вечер нам удалось поймать волну, где музыка слышалась лучше, но вскоре батареи, на которых работал приемник, иссякли, и радио замолчало. Оживил радиоприемник начальник почтово-телеграфной конторы и заядлый радиолюбитель Троицкий. У него дома я с большим интересом рассматривал приемники, катушки, лампы, громкоговорители, прочитал все выпуски журнала «Радио – всем» и вскоре начал активно помогать ему: переделал и перестроил батареи – они были наливными угольно-цинковыми, научился самостоятельно настраивать приемник. С тех пор я и занялся радиолюбительством, не забывая о нем и во время учебы в Уссурийском сельскохозяйственном техникуме, и после его окончания»¹.

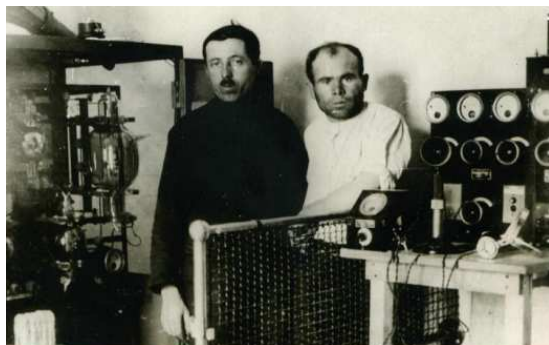
Первая владивостокская широкоэмитная станция. 1927 г. (Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

Современный вид здания по ул. Верхнепортовой, 40

¹ Квач А. К радио относились почтительно // Немного о радио... С. 9.

Помещение для владивостокской радиостанции предоставило Военное ведомство: оно выделило «Пролетрадио» две комнаты в казарме на ул. Верхнепортовой. Помещение мало отвечало техническим требованиям, но энтузиасты смогли приспособить его под свои нужды. Монтаж аппаратуры будущей радиостанции вели мотористы военной радиотелеграфной станции с Русского острова Д.Т. Пиляй и А.И. Глебов вместе со студентами технического факультета Государственного дальневосточного университета Черепниным и Симоновым. Большую помощь в строительстве радиостанции оказал начальник Владивостокской телефонной станции Степан Петрович Коханов. По некоторым сведениям, в установке оборудования участвовал и англичанин по фамилии Мондей, видимо, сопровождавший закупленное оборудование.

Первые радиотехники Приморского радио
Д.Т. Пиляй и А.И. Глебов

(Электр. ресурс: История телевидения и радио
в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

Ветеран Приморского радио радиотехник Дмитрий Титович Пиляй писал в воспоминаниях: «В 1925 году на Эгершельде, в маленьком непригодном для жилья доме мы монтировали первую в Приморье радиостанцию мощностью ... в полтора киловатта. Трудно нам было, но сознание того, что мы делаем большое и весьма нужное дело, помогло нам успешно справиться с монтажом»¹. 23 декабря 1925 г., как только закончилась уста-

новка аппаратуры, радиотехники Пиляй и Глебов, ставшие первыми техническими сотрудниками Владивостокской радиовещательной станции, провели пробную радиопередачу.

Как они убедились позднее, слышимость была отличная: сигнал из Владивостока слышали в Хабаровске и Благовещенске. Радиостанция во Владивостоке РА-17 была зарегистрирована седьмой по счету в СССР и первой на советском Дальнем Востоке. Она же стала и первой в Советском Союзе, построенной на средства и силами общественности.

¹ Немного о радио... С. 5.

Радио поможет!

«Радиопередача, будучи наивысшей формой технической связи, может и должна оказать нам неоценимые услуги в преодолении многих тормозов в нашей работе. Широковещательная радиостанция в состоянии заменить десятки, сотни учителей, агрономов и других нужных в нашем строительстве работников и одновременно является прекрасным незаменимым звеном связи между городом и деревней. Практическое значение радио огромно во всех направлениях нашего строительства, начиная с наших задач в области культурной революции и кончая работой по поднятию сельского хозяйства и по укреплению обороноспособности нашей страны. Вот почему радиофикация является боевым делом не только для партии, но и для всей советской общественности, каждого работника и каждого крестьянина».

Красное знамя. 23 августа 1925 г.

Радио в культработе московских профсоюзов

«Идея использования достижений радиотехники в союзной культработе впервые возникла в Москве еще в 1922 г. в правлении Центрального Научно-Технического Клуба при МГСПС (Московский городской совет профессиональных союзов – Н.Х.), причем конкретно предполагалось связать проводами центральную аудиторию клуба в Доме Союзов с целым рядом рабочих клубов на окраинах с целью одновременного воспроизведения в них лекций, читаемых в центре. Толчком к возникновению этого плана послужили первые опыты А.Т. Углова по установке на площадях Москвы громкоговорителей, связанных проволокой с одним центральным передатчиком. Проект был разработан и согласован со всеми заинтересованными учреждениями, и только последовавшая вскоре ликвидация НТК помешала его осуществлению. Однако идея не умерла, а последующие годы, давшие бурное развитие радиолюбительства в Америке и Европе, со всей очевидностью выявили те захватывающие перспективы, которые открывает радиотелефония для массовой культурной работы, особенно в наших условиях бедности культурными силами и необъятной территории при слабо развитой службе связи. Блестящие достижения М.А. Бонч-Бруевича и, как результат их, мощный голос радиотелефонной станции им. Коминтерна, слышимый по всей территории Союза и регулярно передающий газетные новости, создали предпосылки для развития русского радиолюбительства, нашедшего первых пионеров в среде рабочей молодежи. В конце прошлого года начали появляться сведения о работе отдельных любителей-самоучек. Однако отсутствие формального разрешения на частные приемники ставило все дело радиолюбительства в нелегальное положение и лишало любителей возможности взаимного обмена опытом. Учитывая громадную роль радиолюбительства в союзной культработе, культотдел МГСПС с 1-го января приступил к организации радиолюбительских кружков».

Радиолюбитель. 1924. № 1

«Толчком к развитию радиотехники стало радиолюбительство, которое берет начало в Америке с конца 1921 года. Там им было увлечено почти все взрослое население. В СССР радиолюбительство развивается с середины 1924 года, когда по почину культотдела Московского Совета профсоюзов было создано радио-бюро. Оно быстро объединило до 300 радио-кружков в одной только Москве. Наше Общество друзей радио объединяет в настоящий момент свыше 200 губернских и областных организаций и, пройдя первую стадию своего развития, к концу 1924 года оформило свое существование. Волна радиолюбительского движения к концу 1924 года докатилась и до Приморской губернии, и с этого момента отдельные товарищи начинают вести нормальную работу, а 7 февраля 1925 года было создано 1-е организационное собрание, которое оформило радиолюбительскую организацию».

Н-ов. Красное знамя 26 августа 1925 г.

«В основу своей работы Пролетрадио положило вовлечение широких рабоче-крестьянских масс с целью привить любовь к этой общественной организации, имеющей колоссальное значение в деле насаждения технической культуры среди трудящегося населения. Находящиеся в пределах Владивостока красноармейские части пока нами не охвачены, но работа в этой области должна пойти по линии внедрения идей радиолюбительства среди красноармейских масс».

Радио всем. 1925. № 1

Радио на выборах

«В Америке в ночь с 4 на 5 ноября [1923 г.], день выборов президента Кулиджа, почти все население провело у радиоприемников, следя за ходом голосования. Каждая новая цифра голосов, поданная за того или иного кандидата, немедленно же передавалась с соответствующими объяснениями по радиотелефону. Для того, чтобы передача была слышна по всей Америке, 17 наиболее мощных радиовещательных станций были соединены между собой телефонными проводами. Каждое сказанное слова таким образом одновременно передавалось на 17 различных длинах волн 17-ю расположенными в разных городах станциями».

Радиолюбитель. 1924. № 8

Радио-воспитание

«Современный младенец за границей, не умея еще говорить, уже пользуется услугами радиотелефона: он слушает музыку и мелодичные колыбельные песни, которые поются с передающих станций для многих тысяч ребят. ...Ребенок подрастает, выходит из пеленок, и одновременно растут его симпатии к радиотелефону. Ведь в самом деле, кто из взрослых станет так аккуратно ежедневно петь ему песни, убаюкивать его в постели и каждый вечер непременно рассказывать сказки, то страшные, то веселые, то смешные. Конечно, никто, а вот радиотелефон это делает. Ну как же его не полюбить за это.

Вдобавок с радиоприемником так просто обращаться – нужно лишь повертывать рукоятку, и уж что-нибудь от него да услышишь. Не хочет только он вступать в разговор, и что ему ни говори – приемник не ответит.

Не смейтесь над наивностью малыша. Через несколько лет он наберет достаточно сведений и поймет, почему приемник не ответил ему. Ведь в Америке известен случай, когда мальчик в 7 лет выдержал установленное испытание на радиолюбителя. В дальнейшем, продолжая интересоваться радиотелефонией, ребенок уже в школе вместе с другими своими товарищами научится общению и с более сложными радиоустановками. Это тем более возможно, что радио в школе занимает не последнее место, и ученикам лондонских школ, например, даются по радио уроки французского языка из Парижа. В целом ряде школ радио введено как предмет обучения».

Радиолюбитель. 1924. № 1 (15 августа)

«Опыт запада, главным образом Америки, Германии, Англии, показывает, что наиболее действенным, наиболее массовым из таких мероприятий является развертывание технического любительства, всякого рода моделизма, столярничанья, слесарничества, изготовления и сборки своими руками различной электро- и радиоаппаратуры. Техническое любительство обладает тем достоинством, что проводит техническую грамотность не только через мозг, но и через руки. Подросток, а тем более взрослый, занимающийся технико-любытельством, подходит к машине, даже совершенно новой для него, не как к непонятному чуду, а как к новому сочетанию уже знакомых частей. Но развивается технико-любытельство у нас несоразмерно слабо. За исключением радио ни одна отрасль техники не имеет значительных людских ресурсов в виде соответствующих кадров любителей. Причина – только в необычной трудности заниматься радиodelом при полном отсутствии на рынке или чрезмерной дороговизны необходимых принадлежностей, материалов и инструментов».

Из доклада В. Толмачева «Проблема кадров и техническое любительство» на совещании Всесоюзного общества «Техника массам» (19 октября¹ 1929 г.)

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5576. Оп.1. Д. 6. Л. 44.

Последняя радиомода

«Злые языки уверяют, что в последнее время радиолюбительство становится жестоким конкурентом курению табака. Начавшись, кажется, в конце 1922 года, необыкновенно развивается мода на радиопортсигары. Неизвестно почему, но радиолюбители упорно стремятся заключить свои приемники в изящные деревянные портсигары. Вышеупомянутые злые языки уверяют, что в настоящее время деревянный портсигар в магазинах Москвы является редкостью. Не видя большой беды в указанной моде, редакция готовит описание подобного приемника, давшего отличные результаты, для одного из следующих номеров».

Радиолюбитель. 1924. № 2 (1 сентября)

ОТ ПЕРЕДАЧ «ПРОЛЕТРАДИО» К РЕГУЛЯРНОМУ ВЕЩАНИЮ

1 января 1926 г. радиостанция во Владивостоке вступила в строй: состоялась первая радиопередача. Она началась в 20.00 небольшой речью председателя «Пролетрадио» Гончара по поводу открытия ширококвещательной радиостанции, затем последовала другая речь – об успехах советского строительства и его перспективах. Завершил передачу концерт: оркестр Владивостокской пехотной школы исполнил «Интернационал», рабочий-металлист – соло на балалайке, прозвучали несколько скрипичных произведений.

Установка радиомачты на здании клуба имени Воровского (Владивосток) (Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

Активисты «Пролетрадио» во время передачи проверяли качество вещания и дальность действия станции в разных частях Владивостока и за его пределами. Слышимость оказалась вполне удовлетворительной не только в городе, но и в районах. Черепнин даже вел прием в поезде «Владивосток – Москва», зафиксировав удовлетворительную слышимость вплоть до Читы. Позднее радиостанция получила извещения из Иркутска и других городов Восточной Сибири и Дальнего

Востока об уверенном приеме радиопередач из Владивостока и хорошей слышимости. Уже к концу радиопередачи отовсюду, где имелись радиоустановки, стали поступать приветствия по случаю первого концерта. Как отмечала газета «Красное знамя», одно из сообщений пришло из села Михайловки Владивостокского уезда: крестьяне благодарили советскую власть за установку радио, которое поможет еще крепче связать город с деревней. По сведениям той же газеты, рабочие Владивостокской госмельницы предложили устроить единый живой журнал. «Хорошо бы послушать интересные доклады и музыку, – писали они, – ну а инсценировки и пьесы в заключение мы сами будем ставить». «Красное знамя» сообщило и о том, что первый радиоконцерт услышали жители Токио и Харбина.

С этого времени Владивосток начал регулярные радиопередачи, которые поначалу шли три раза в неделю по вечерам и продолжались два часа – с 18 до 20 час. Передачи строились по примеру московской радиостанции имени Коминтерна и состояли преимущественно из новостей и музыки. Они начинались словами: «Говорит Владивосток. РВ-17 на волне 1300 метров», а открывалась и закрывалась радиостанция исполнением «Интернационала» в граммофонной записи.

О первом расписании сообщала газета «Красное знамя»: «...по вторникам, четвергам и субботам с 18 часов концерты и лекции, по воскресеньям с 17 часов информация ТАСС, новости науки и техники, крестьянская радиогазета, концерт струнного оркестра Союза советоргслужаших...». Делались во Владивостоке и первые попытки внестудийных передач: в конце января 1926 г. радиостанция транслировала концерт оркестра из ресторана «Золотой Рог». «Вместе с музыкой в эфир шло много постороннего шума, звон посуды и голоса подвыпивших людей, – вспоминал Пиляй, – но эта передача подготовила нас к трансляции собраний и конференций».

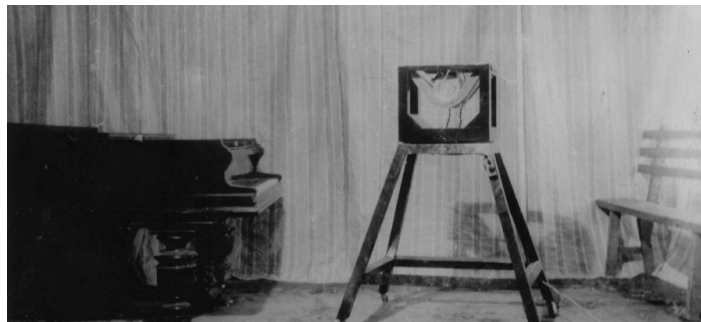

Объявление в газете «Красное знамя»

С каждым днем общественно-политическая жизнь находила все большее отражение в радиоэфире. Политическая часть вещания стала включать в себя сообщения ТАСС – их предоставляла редакция газеты «Красное знамя», выступления руководящих работников Приморья, а также статьи из газет и журналов. В феврале 1926 г. успешно прошли первые трансляции из Москвы, а 15 марта впервые была осуществлена трансляция по проводам из Хабаровска: приморцы могли следить за ходом заседания Первого Дальневосточного краевого съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Правда, слушать все эти радиотрансляции могли только те, кто имел дома хотя бы плохонький приемник: городской трансляционной радиосети в те годы еще не существовало.

Творческих работников в штате владивостокской радиостанции поначалу не было. Вели передачи, читали новости, объявляли концертные номера те, кто радиостанцию обслуживал – инженеры и техники. Студия, задрапированная толстым темно-синим сукном, занимала большую комнату почти во всю длину дома. Посередине ее стоял большой микрофон на массивной подножке. Он был такой тяжелый, что одному человеку перенести его было нелегко. У стены размещался рояль, а у маленького окошка, соединяющего студию с аппаратной, стоял небольшой столик с другим микрофоном, поменьше, и на-

стойной лампой. Художественное вещание проводилось в основном силами самодеятельных кружков из рабочих клубов Владивостока. Позднее стали транслировать концерты из театров и клубов, в которых кроме профессиональных артистов и музыкантов часто выступали и сами радиолюбители.

Первая радиостудия. Владивосток (Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

В 1927 г., когда «Пролетрадио» стало отделением всероссийского Общества друзей радио, его председателем избрали одного из заядлых радиолюбителей, бывшего участника партизанского движения в Приморье Павла Клементьевича Волгина¹. По воспоминаниям современников, он хорошо разбирался в радиотехнике и был человеком большой внутренней культуры. Всем, кто с ним встречался, казалось, что он вышел из интеллигентной семьи и получил фундаментальное образование. На самом же деле, отец Волгина был рабочим, а сам он в молодости окончил всего лишь начальную школу. В период Гражданской войны Волгин был начальником штаба партизанского отряда Михаила Вольского, а затем, до назначения на должность ответственного редактора радио, работал заместителем начальника Приморской областной милиции. В 1922 г. он вступил в партию и в небольшом коллективе радио был единственным коммунистом.

¹ Волгин Павел Клементьевич (настоящая фамилия Желепенец) (1899, пос. Енакиеве Екатеринославской губ. – 1970, Владивосток). После окончания начальной школы (1913 г.) работал на Сучанских рудниках: телефонистом телефонной станции, подручным электромонтера, мотористом. С 1916 г. во Владивостоке: электромонтер в мастерских Владивостокского отделения Акционерного Общества «Семенс-Шукер». С марта 1919 г. в Сучанском партизанском отряде. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. После 25 октября 1922 г. в органах рабоче-крестьянской милиции. В 1927 г. избран председателем общества «Пролетрадио», вошедшего в состав Всероссийского общества друзей радио. С конца 1927 г. – уполномоченный акционерного общества «Радиопередача». В 1928 г. назначен начальником Владивостокского радиоцентра и ответственным редактором радиовещания. Окончив курсы по подготовке в вуз, командирован в 1931 г. в числе парттысячников на учебу в Московский экономический институт (МЭИ). Окончив вуз с отличием (1936 г.), работал на Николаевском судостроительном заводе. В ноябре 1941 г. получил назначение во Владивосток: начальник бюро заказов и сбыта, заместитель начальника планово-экономического отдела завода № 202 (Дальзавод), работал до ноября 1947 г. Кавалер орденов Ленина и Красной Звезды. Почетный гражданин Владивостока (21 марта 1968 г.)

П.К. Волгин

В конце 1927 г. Владивостокская радиовещательная станция вошла в состав общесоюзного акционерного общества «Радиопередача» (официальное название «Акционерное общество для широкого вещания по радио»), организованного в Москве в октябре 1924 г., и получило возможность транслировать московское вещание. Уполномоченным общества во Владивостоке стал тот же Волгин, его же через год назначили начальником Владивостокского радиопередающего центра и ответственным редактором.

В создании «Радиопередачи» прослеживается влияние европейского, прежде всего британского опыта развития радиовещания. Учредители, в число которых входили Народный Комиссариат почт и телеграфов, Высший Совет Народного Хозяйства, Всероссийский электротехнический трест заводов слабого тока и Российское телеграфное агентство (РОСТА, в дальнейшем ТАСС), отводили акционерному обществу роль общенационального радиовещательного центра, сходную с ролью британской Би-Би-Си (BBC, British Broadcasting Corporation). С множеством функций, как организационных, так и творческих, на «Радиопередачу» возлагались все ключевые вопросы организации радиовещания в СССР. Среди основных задач акционерного общества называли устройство на территории страны радиовещательных станций и организацию на них регулярного вещания, а также создание радиопередач и выпуск их в эфир. Государство оставляло за собой лишь контролирующую функцию, которую осуществляли через представителей государственных структур, входивших в правление «Радиопередачи».

Несмотря на стремление советской власти к максимальному контролю и централизации во всех сферах жизнедеятельности, условия нэпа позволяли акционерному обществу «Радиопередача» действовать относительно свободно, особенно в экономических вопросах. Сложное финансовое положение заставляло советское правительство всячески минимизировать государственные расходы. В связи с этим организация радиовещания, или, как тогда называли, ширококлубовое вещание, предполагалась в первую очередь за счет денег, вырученных от торговли радиоаппаратурой и материалами для радиолубительства, установки и ремонта радиоприемников, а также абонентской платы за прослушивание радиопередач¹. Планировалось также широко привлекать для радиостроительства средства населения и общественных организаций.

¹ Бабюк М.И. К вопросу об экономических аспектах развертывания массового радиовещания в СССР // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2408> (дата обращения 12.04.2018).

Плакат 1920-х гг.

По ряду причин акционерное общество не смогло полноценно выполнять все возложенные на него функции, и уже с 1926 г. зашла речь о реорганизации «Радиопередачи». Журнал писал: «Ведутся подготовительные работы к преобразованию “Радиопередачи” из акционерного общества в государственное учреждение, ведающее радиовещанием в Союзе ССР. Состоявшееся 1–3 марта совещание руководителей радиовещания в союзных республиках и областях (Украина, Белоруссия, Закавказье, Северный Кавказ и Северо-Западная область) приняло ряд решений по вопросу о формах будущей организации. Предполагается организовать всесоюзный центр в лице Комитета по радиовещанию при Совнаркоме ССР и аналогичных центров при правительствах союзных республик. Всесоюзный центр будет являться одновременно и оперативным управлением радиовещания в РСФСР. Совещание единодушно высказалось за необходимость полного изъятия техники радиовещания из НКПиТ и передачи ее радиовещательным организациям, как непосредственно и более чем кто-либо в ней заинтересованным»¹.

Тем не менее, владивостокские радиолюбители успели воспользоваться услугами акционерного общества. После включения владивостокской радиостанции в состав «Радиопередачи» началось ее регулярное финансирование, что позволило значительно улучшить постановку радиовещания в Приморье. В частности, благодаря этой поддержке была оборудована радиостудия, появился небольшой редакционный аппарат, в частности, были введены должности редакторов и художественного руководителя, в обязанности которого входила организация и руководство художественным радиовещанием. Редакторов поначалу было всего два: Кохановский для текстовых передач и Федоров – для музыкальных. В 1929 г. одним из сотрудников радио стал Леонид Зельцман, тогда студент педагогического факультета ГДУ, которого привели на радио поиски заработка. «Требовался человек для чтения новостей, – вспоминал он, – но меня взяли скорее всего не за дикторские таланты, а за умение хорошо разбирать почерк.

¹ К реорганизации «Радиопередачи» // Радио всем. 1928 № 3–4. С. 2.

Машинистки в штате не было, и все материалы, в том числе для выпусков «Последних известий», были написаны от руки»¹.

Волгин жил неподалеку от студии на Нижнепортовой улице, его единственная комната служила ему и рабочим кабинетом, и немногочисленные работники радио по всем вопросам и в любое время бежали к нему домой. В обязательном порядке Волгину несли все материалы, предназначенные для эфира. «Он читал новости, просматривал музыкальные программы, визировал их, и только тогда мы отправлялись на вещание, – вспоминал Зельцман. – Если в передаче было много рукописного текста и поправок, Волгин просил меня прочитать отдельные куски при нем и предупреждал: “Не наврите!”»

Выпуски новостей составлял Кохановский. Он подбирал сообщения из районных и областных газет, вырезал их и наклеивал на лист, скрепляя рукописными комментариями и прочими «связками». По воспоминаниям современников, Кохановский имел привычку накануне какого-либо важного события разузнавать обо всех его деталях и заранее готовить свое сообщение, чтобы в нужный день оперативно прочитать его в эфире. При этом, конечно же, некоторые факты оказывались не вполне достоверными. Волгин, разгадав такую «оперативность», заставлял Кохановского проверять сведения, и тому приходилось делать поправки в своих сообщениях, заготовленных заранее.

На редакторе Федорове лежала организация музыкальных передач. Ни собственных музыкальных коллективов, ни просторного помещения для выступления симфонического оркестра или театральной труппы Приморское радио тогда не имело, и редактору приходилось ограничиваться концертами, составленными из грамофонных записей. Лишь изредка для выступления в эфире приглашались отдельные солисты. Из воспоминаний сотрудников Приморского радио той поры мы знаем, что среди первых артистов-энтузиастов радио были бывший артист театра оперетты Владимир Лукьянович Ермолаев, певица Мария Марковна Волошинова, музыканты Дмитрий Николаевич Будрин, Мандрыка, Вайнштейн (скрипач), Френкель (виолончелист). Чаще других выступал со своими музыкальными программами исполнитель на мандолине пожилой итальянец Фагорини. Играл на гуслях и пел под собственный аккомпанемент выходец с Украины грузчик торгового порта Шемет (по некоторым данным – Шеремет – *Н.Х.*). Обычно он приходил по радио один или два раза в неделю, и его концерты особенно нравились украинцам, проживающим в Приморье. Все исполнители участвовали в передачах на общественных началах, никаких гонораров за выступления тогда не было предусмотрено.

Нравились слушателям и студентка музыкального училища Мария Волошинова, начавшая сотрудничать с Приморским радио с первых дней его существования. Еще в январе 1926 г. она, ученица второго курса музыкальной школы, получила приглашение выступить в первом пробном радиоконцерте. Из воспоминаний М.М. Волошиновой: «Я не имела никакого представления, что такое радио. В крошечной комнате дома на Эгершельде меня поставили перед микрофоном – маленькой коробочкой на высоком шесте. Указали на нее и сказали, чтобы я не вертелась и стояла спокойно. Я запела. Удивительно: нет зрителя, никто не реагирует на мое пение, и я решила, что пела плохо. Но мне улыбались, а потом, выключив микрофон, поблагодарили. После этого меня изредка приглашали

¹ Зельцман Л. Меня взяли за умение разбирать почерк // Немного о радио... С. 11.

на радио, и я была по-детски рада. И первый руководитель радио Волгин, и его помощник инженер Пиляй были замечательные люди. Их отличали внимание, деликатность и благородство по отношению к нам, молодым, еще не профессионалам, делавшим только первые шаги в искусстве. И мы это очень ценили»¹.

М.М. Волошинова (1930-е гг.)

Общая музыкальная культура во Владивостоке того времени была довольно высокой: в городе имелись концертные залы, оперная и опереточная труппы. Благодаря этому радио имело возможность транслировать концерты и театральные постановки. Для этого к большим залам, где они чаще всего устраивались, были подведены постоянные линии, а трансляцию осуществляли радиотехники – Пиляй или Симонов. На сцене устанавливали микрофон и за несколько минут до начала выступления объявляли о том, что предполагается трансляция и зал будет включен без предупреждения.

Время антракта тоже не пропадало: читали последние известия или какую-нибудь газетную статью. В такие дни передачи заканчивались не в 20 часов, как обычно, а гораздо позже. За техническую сторону радиовещания отвечал инженер В.Е. Черепнин, окончивший к этому времени университет и ставший начальником радиостанции. Благодаря его фундаментальным знаниям радиотехники и врожденной аккуратности радиостанция и трансляционная сеть работали бесперебойно, без аварий.

Еще на заре радиовещания активисты Общества друзей радио пытались изучать потребности различных социальных слоев населения: анализировали возрастной состав слушателей, их предпочтения, продолжительность нахождения у радиоприемников в зависимости от содержания передачи. Несмотря на упрощенные методы, которыми велись эти исследования, они позволили выяснить, что материалы, передаваемые в эфир, не могли «удовлетворить всю массу радиослушателей: рабочих, крестьян, учащихся, служащих и интеллигенцию». Расчет на малограмотных слушателей из рабочих и крестьян не позволял радио полноценно выполнять свои функции в отношении других социальных групп. Был сделан вывод о том, что музыкальные передачи надо создавать с учетом трех типов слушателей: неподготовленных, т.е. малограмотных, которых было большинство, служащих и сельскую интеллигенцию и, наконец, тех, чьи запросы к музыкальным передачам были еще выше – творческую интеллигенцию и учащихся музыкальных учебных заведений².

Результаты исследований дали основание для первых дискуссий о содержании передач. В 1925 г. при обсуждении программы музыкального «широковещания» в

¹ Волошинова М. Мой второй дом – радио // Немного о радио... С. 29.

² Радиолюбитель. 1925. № 5. С. 103; № 11–12. С. 235

коллективной статье писали: «Чего же ищут рабочие в музыке, в искусстве вообще? Только развлечения?! Нет, они видят в искусстве один из способов поднятия своей внутренней культуры, при посредстве искусства как подсобного средства – хотя бы, выявить и обострить свое классовое чувство. Вот тут-то и уместны, даже необходимы, цикловые исторические концерты, с краткими, сжатыми пояснениями и широкими музыкальными программами, исчерпывающе охватывающими тот или иной период, того или иного композитора, с попутной характеристикой особенности эпохи, в которой композитор жил... Программа подобных концертов должна строиться таким образом, чтобы поистине могла стать показательной для работы в клубе вообще и удовлетворить любознательность рабочего и дать ему вполне доброкачественную художественную пищу»¹.

По мере расширения радиосети и создания радиостанций в разных городах Москва все настойчивее стремилась взять в свои руки контроль над местным вещанием. Постановление ЦК ВКП(б) «О руководстве радиовещанием» (от 10 января 1927 г.) требовало: «Установить обязательный и предварительный просмотр парткомитетами планов и программ всех радиопередач... Тщательно подбирать докладчиков и лекторов, принимающих участие в радиоагитации, обеспечив политически грамотный и выдержанный состав. ...Принять меры к обеспечению охраны микрофонов...». Документальных свидетельств о том, насколько организаторы радиопередач во Владивостоке придерживались установок Москвы, не сохранилось, но в июле 1928 г. постановление Совета Труда и Оборона «О реорганизации радиовещания» завершило дискуссию о путях развития советского радио. Акционерное общество «Радиопередача» ликвидировалось, а организация и руководство радиовещанием в стране возлагались на Наркомат почт и телеграфов. Для выполнения новых задач в структуре Наркомата создали специальное Радиоуправление. Будучи одним из учредителей и акционеров «Радиопередачи», Наркомат и раньше самым непосредственным образом участвовал в процессе радиостроительства. Через него поступала немалая доля средств для деятельности акционерного общества: именно Наркомпочтель собирал абонентскую плату за пользование радиоприемниками. В его ведении находилось и оборудование для проводного вещания, которое предполагалось сделать основным способом распространения радиосигнала.

Структурная реорганизация затронула и Приморское радио, хотя и с некоторой задержкой. В 1930 г. Владивостокская радиостанция осталась в старом помещении на ул. Верхнепортовой, а студию перевели в здание городской телефонной станции на углу улиц Ленинской (ныне Светланская) и Лазо, где ей были выделены комнаты на втором этаже. Одна из первых передач, организованных в новой студии, была посвящена коренному переустройству сельского хозяйства: на Дальнем Востоке начинался процесс коллективизации. Для ведения передачи из Хабаровска, центра Дальневосточного края, приехал секретарь крайкома партии. В студии собрали людей, которые отправлялись в деревни для проведения коллективизации. Они задавали вопросы ведущему и тут же получали ответы. Вскоре подобная передача была организована для крестьян-единоличников, вел ее первый секретарь Приморского обкома КПСС Таныгин. Специальных редакций в ту пору еще не существовало, поэтому такие политически значимые передачи готовил ответственный редактор Волгин.

¹ Новости радио. 1925. № 7. С. 9.

В этом здании городской телефонной станции на углу ул. Светланской (тогда Ленинской) и Лазо в 1930–31 гг. располагалась и радиостудия (фото 2011 г.)

С передачей функций радиовещания Наркомату почт и телеграфов ассигнования на развитие регионального вещания, в частности, радиофикацию Приморья увеличились. Это позволило расширить опыты по использованию для радиопередач телефонных проводов Владивостокской телефонной станции, начатые в 1928 г. Они были важны для расширения аудитории радиослушателей. До сих пор передачи велись главным образом по эфиру, поэтому их могли принимать только те, кто имел дома приемники. Опыты увенчались успехом, и в начале 1930-х гг. передачи по телефонным проводам получили распространение.

Чтобы слушать радио могло большое число людей, а не только те, кто находится у телефона, работники городской телефонной станции под руководством А.С. Коханова и радиолaborатория Общества друзей радио установили мощные репродукторы на самых оживленных перекрестках Владивостока. Построили они и усилитель, через который можно было вести трансляцию радиопередач. Вскоре передачи по проводам стали неотъемлемой частью радиовещания. Благодаря государственным средствам было закуплено оборудование и начато местное радиовещание в Уссурийске, Артеме, Спасске и ряде районов, где были открыты ретрансляционные узлы.

«Радиофикация Приморского района имеет чрезвычайно важное значение, — писали из Владивостока в редакцию журнала «Радио всем», — и вот почему: в Приморской губернии имеются населенные места, с которыми наш губернский центр в течение нескольких месяцев не имеет никакой связи. Села, расположенные по северному и южному побережьям Японского моря, применив усилители в своих приемных приспособлениях, могут свободно слушать, кроме Владивостокской, и радиовещательные станции Японии, а также городов Харбина и Шанхая и радиовещательную станцию города Хабаровска, которую предположено установить в ближайшее время для связи с Камчаткой, Сахалином, Николаевском-на Амуре и другими наиболее важными районами Дальнего Востока, установив там приемные приспособления»¹.

¹ На Дальнем Востоке // Радио всем. 1925. № 1 (сент.). С. 7.

Объем вещания постепенно увеличивался. Передачи из Владивостока стали вестись ежедневно, кроме понедельника, с 18 до 22 вечера, а в выходные и праздничные дни – с 12 до 24 час. Вскоре были введены регулярные дневные передачи, а потом и утренние, как в воскресные, так и рабочие дни. «Последние сообщения из Москвы» и «Новости дня» занимали от 15 до 30 мин., но иногда продолжались и дольше: строгого регламента не существовало. Эти выпуски пользовались большой популярностью в районах, куда газета «Красное знамя» поступала не в день выхода, а на два, а то и пять дней позже.

К этому времени значительно расширились и возможности радиолюбителей. По инициативе Волгина при Обществе друзей радио была создана секция коротковолновиков, которые собственными силами приступили к строительству во Владивостоке коротковолновой радиостанции. Чтобы направить мысли радиолюбителей на создание новых, более совершенных и удобных в эксплуатации радиоприемников, Общество продолжало периодически организовывать радиовыставки в городах и селах Приморья, поощряло премиями наиболее удачные и оригинальные конструкции приемников и радиотехнических деталей. Под руководством инженера Катаева работники радиолaborатории Общества оборудовали первый радиоузел на промышленном предприятии, Дальзаводе. Чтобы популяризировать радио на селе, активисты Общества систематически выезжали в районы вместе с радиопередвижкой – чтобы на месте демонстрировать прием передач из Владивостока.

Государство придавало большое значение развитию радиовещания и радиолюбительства: страна становилась на путь индустриализации, и ее руководство было заинтересовано в распространения технических знаний и углублении технической грамотности населения. Радиолюбительство стало главным направлением, на котором советские власти начали приобщение населения к техническому творчеству. В начале 1928 г. при разработке устава Всесоюзного общества «Техника массам», главной задачей которого провозглашалось «содействовать путем популяризации, распространения и углубления технических знаний в городах и деревнях развитию технической грамотности широких масс трудящихся СССР и приобщения их к техническому творчеству в целях развития производственных сил Союза ССР»¹, радио приводили в пример другим техническим отраслям. «За исключением радио, – говорил один из докладчиков, – ни одна отрасль техники не имеет значительных людских ресурсов в виде соответствующих кадров любителей»².

¹ Устав Всесоюзного общества «Техника массам» // ГАРФ). Ф.5576. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

² Толмачев В. Проблема кадров и техническое любительство: Тезисы доклада на совещании Всесоюзного общества «Техника массам». 19 октября 1929 г. // ГАРФ. Ф.5576. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

Товарищи, внимание! Говорит Владивостокская радиостанция. Так ровно в 8 вечера выкрикнули громкоговорители по всем клубам и красным уголкам Владивостока. Всюду, где только имелись радиоустановки, собрались в этот вечер толпы трудящихся. Первые радио-слова были прослушаны с затаенным дыханием. Еще бы! Разве это не наше советское пролетрадио, построенное на деньги трудящихся Приморья? Первый радиоконцерт-митинг надо признать вполне удачным. Программа была составлена довольно полно и разнообразно. Слышимость прекрасная. В некоторых клубах еще не научились ловить волну, но время быстро устранит этот недочет...

Клуб Воровского в 8 с половиной вышел из сферы радио-волн. Ради халтурной постановки «Запорожец за Дунаем», несмотря на протесты публики, пришедшей послушать первый радиоконцерт, руководители попросили безбилетных удалиться. Такое отношение к нашему советскому радио едва ли можно считать допустимым.

Сегодня в 6 часов начнется второй радиоконцерт. Всем настраиваться на волну 456 метров. Мощная широкопередаточная станция в Приморье – свершившийся факт.

Радист. Красное знамя. 1926. 3 января

Радио, радиолюбительство, радиовещание. Чтобы обслужить громадное пространство, занимаемое Советским Союзом, нужны десятки радиовещательных станций, рассеянных по всем крупным нашим городам. Работа в этом направлении уже ведется. В некоторых городах радиовещательные станции уже установлены; в других установка будет закончена осенью и зимой, так что скоро радиовещание охватит весь наш Союз. ...Правда, это стоит недешево, и не скоро наши средства позволят установить нам такую радиотрансляцию в каждом губернском городе и, таким образом, связать с Москвой всю территорию нашего необъятного Союза. Но все же это время настанет, и тогда в любом месте, в самой глухой деревне можно будет слушать живое слово из Москвы, установив лишь простой детекторный приемник; тогда-то осуществится тот завет, который нам остался после Ильича – при помощи радио создать «митинг с многомиллионной аудиторией»

Радио всем. 1925. № 1

Почему мало слушают. Катастрофическое замедление роста числа радиоприемных установок вызывается главным образом отсутствием напечатанных подробнейших программ радиопередач. Садиться за приемник, не зная, на что натолкнешься, уже надоело. Программы и без того скучны и жалобны (чрезвычайно серьезный вопрос о самих программах требует отдельного серьезного обсуждения), а если к этому присоединяется еще и невозможность свободного выбора, то положение становится совсем безнадежным.

Каждый радиослушатель имеет право и должен знать заранее, что он услышит по радио. Сидеть у приемника и, слушая неинтересное, ждать, когда, наконец, подойдет интересное, и будет ли оно вообще, нельзя, и большое число радиослушателей не подходит к аппарату именно по той причине, что не знает, что в данный момент передается. Это — центральный вопрос организации радиовещания, без разрешения которого не может быть сдвинут с места основной вопрос о недостаточном продвижении радио в массы.

Радиолюбитель. 1928. № 3-4

Отмена обязательного пломбирования радиоприемников. Приказом Наркомпочтеля отменено обязательное пломбирование любительских самодеятельных приемников в органах Наркомпочтеля. Таким образом, для радиолюбителя, изготовившего своими средствами приемник, нет надобности спешить в месячный срок после получения разрешения запломбировать таковой. Размер дозволенного диапазона волн (до 1.500) остается пока в силе.

Радиолюбитель. 1925. № 6

«РАДИО ПРИОБРЕТАЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ...»

К 1930 г. советские и партийные органы успели оценить большие пропагандистские и просветительские возможности радио. Гибкое и оперативное средство коммуникации могло обеспечить защиту государственных интересов и способствовать широкому распространению решений партии и правительства. В феврале 1930 г. при обсуждении проекта развития радиостроительства на ближайшие пять лет Плановая комиссия Владивостокского окружного исполкома вынесла следующее решение: «Принимая во внимание общую отсталость всех видов связи наряду с бурным ростом хозяйства края в целом, его сельскохозяйственной и промышленной колонизацией, открытием новых промышленных районов по добыче угля, золота, нефти, открытием рыбных промысловых районов, расширением лесозаготовок и т.д., утвердить составленный проект развития радиостроительства и радиофинансирования в полном объеме...».

Государственный интерес к развитию радиовещания усиливался с каждым годом «ввиду того, что радио приобретает исключительно важное значение для всей хозяйственной и политической жизни страны»¹. На первой всесоюзной конференции по радиовещанию, проходившей в Москве с 25 июля по 10 августа 1930 г., в качестве основного был выдвинут лозунг «большевиизации радиовещания», определив тем самым новую задачу радио – ориентация на рабочих и колхозников. Так оказалась нарушена установка на дифференциацию аудитории радиослушателей в зависимости от класса и возраста, которую ввели деятели акционерного общества «Радиопередача» и которой придерживались до сих пор.

Наряду с повышенным интересом партийного и советского руководства страны к развитию радио наблюдалось и желание превратить радиопередачи в инструмент управления народными массами. Если условия нэпа еще позволяли сохранять относительную либерализацию в отношениях государства и радиовещания, то в конце 20-х гг. нэп, а вместе с ним и свобода эфира, пошли на спад. Одной из важнейших задач радиостроительства стали называть развитие проводного радио, которое позволяло государству установить полный контроль над передачей и приемом радиосигнала.

¹ Положение о Всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК): Пост. СНК СССР 27 ноября 1933 г. // Сб. законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. М.: Политиздат, 1933.

Репродуктор-громкоговоритель
проводного радио

Новые задачи потребовали очередной реорганизации. В сентябре 1931 г. Радиоуправление при Наркомате почт и телеграфов получило новое название – Всесоюзный комитет по радиовещанию (ВКР) при НКПТ СССР (с 1932 г. – при Наркомате связи). Техническая база (вещательные и звукозаписывающие студии, аппаратные, трансляционные узлы и пр.) при этом оставалась в непосредственном ведении Наркомпочтеля, а часть функций радиовещания перешла под контроль Совета Народных Комиссаров. Это было начало подготовительного этапа для передачи радиовещания новому хозяину. В ведение СНК перешел и журнал «Радиослушатель», издаваемый Радиоуправлением Наркомпочтеля, который отныне получил название «Говорит СССР». Первый же номер журнала охарактеризовал радиовещание минувших лет как «господство в эфире оппортунистической теории и практики».

Здание на углу ул. Первой Морской
и 25 лет Октября / Алеутской (Владивосток).
В 1930-е гг. Дворец труда. Открытка (1950-е гг.)

На базе Владивостокской радиостанции в ходе реконструкции образовали радиоцентр для решения технических вопросов радиовещания и Владивостокский радиокомитет для подготовки радиопередач. К концу 1931 г. радиокомитет перевели из здания Владивостокской телефонной станции во Дворец труда на Первой морской улице (в дальнейшем здание Приморского облисполкома), где он занял четыре комнаты в левом

крыле первого этажа. Здесь было гораздо просторней, чем раньше. Помещений хватило даже на то, чтобы выделить отдельный кабинет главному редактору. На этой должности с 1931 г. работал Василий Макарович Козлов, журналист с большим природным даром, как отзывались о нем современники. Он вступил в партию в 20-е гг. и окончил в 1930 г. Коммунистический институт журналистики (Москва), после чего и был направлен во Владивосток. По воспоминаниям,

внешне Козлов напоминал дюжего бурлака с Волги – с неизменной кепкой на крупной голове. Людей покоряли его добродушие и постоянно хорошее настроение. Развитие тематического вещания и начало подготовки глубоких по содержанию передач называют его заслугой.

К этому времени в радиокомитете выделили несколько редакций: общественно-политических передач, литературного и музыкального вещания, передач для детей. Самой большой редакцией Приморского радио была детская – в ее штате состояли три редактора. Они готовили передачи для дошкольников, пионеров и комсомольцев. Первые годы детскую редакцию возглавляла Юлия Адольфовна Проколова, направленная на радио Приморским обкомом комсомола. Вместе с ней работали Борис Чиквиладзе и Сергей Стрижов. Оба писали стихи и часто вставляли их в передачи для детей. Стрижов, по воспоминаниям современников, был деятельным и инициативным человеком и в дальнейшем стал руководить подготовкой детских передач. Позже на радио пришел И.Л. Редиков, который сначала занимался хозяйственными вопросами, но вскоре нашел свое место в творческом коллективе.

Передачи для дошкольников проводились три раза в неделю – с 12 до 14 час. Первое время в них в основном читали сказки и детские книжки. Потом стали передавать концерты детских садов, устраивать конкурсы на лучшее чтение стихов и исполнение песен. Когда по радио впервые объявили о записи желающих участвовать в таком конкурсе, вестибюль Дворца труда оказался заполненным мамами и папами с ребятами, которым предстояло продемонстрировать свои способности. К такому наплыву юных талантов радиокомитет оказался не готов, и число участников конкурса пришлось ограничить. Это вызвало настоящий скандал: родители детей, не прошедших на конкурс, почувствовали себя оскорбленными и ринулись во все инстанции с жалобами: пусть о талантах их детей судят не «чинуши» из радиокомитета, а широкие народные массы. Чтобы сгладить неожиданный конфликт, радиокомитету пришлось создать специальное жюри для отбора участников на подобные конкурсы. В него вошли авторитетные люди: артист краевого драмтеатра М. Дементьев, профессор Архангельский, известные в городе учителя.

Детская редакция готовила собственные последние известия, обзоры «Пионерской правды», беседы в помощь школьникам по истории, географии, литературе. При отсутствии во Владивостоке той поры детских театров и библиотек радио стало центром воспитательной работы среди детей. Партийные и комсомольские организации уделяли этому направлению большое внимание и помогали становлению детского радиовещания в крае. Имело значение и то, что заместителем ответственного редактора радиокомитета был комсомолец Николай Вижайкин – именно ему, по мнению современников, радио было во многом обязано разветвленной и глубокой постановкой детского радиовещания в те годы. Все, что было заметного в детском движении того времени, привлекало внимание Приморского радио. В студии выступал детский хор клуба железнодорожников, часто читали рассказы для детей и взрослых артисты Юрий Розанов и Иван Пельтцер, в то время актер драматического театра Дальневосточного военного округа в Уссурийске. Рассказчицей «Сказок бабушки Арины» выступала актриса театра им. Горького (с 1936 г.) Елизавета Ивановна Чалеева-Бельская, любимая многими детьми.

По воскресеньям в эфир выходил «Радиопионер», прообраз московской «Пионерской зорьки». Начиная с 1932 г. каждое лето в нем выступали коллективы пионерских лагерей. Из-за закрытия школ во время эпидемии по радио шли уроки для учащихся первой ступени. Проводило радио и особые акции – например, по сбору художественной литературы и учебников для приморских сел и деревень. Массовый характер получил радиопризыв журнала «Октябренок» к сбору лекарственной посуды, в которой нуждались аптеки Приморья. На радио регулярно подводились итоги соревнования, которое дети устраивали с родителями. Только через детскую редакцию Приморского радио прошло около 6 тыс. пузырьков, собранных юными радиослушателями¹.

Политическим вещанием – подготовкой выпусков новостей и международных обзоров – занимался И. Зильберман, преподаватель университета и отличный лектор. Поначалу он работал в радиокомитете по совместительству и появлялся там за 15–20 минут до начала вещания. Он спешно хватал ножницы, клей, бумагу и начинал делать монтаж из вырезок. Затем он садился к микрофону, читал свой монтаж и комментировал его. Дикторов в 1931 г. еще не было, они появились в штате радио только через год. После того, как по радио прозвучало объявление о том, что требуется диктор, пришли около двадцати человек, желавших освоить новую профессию. Увы, все они оказались очень посредственными чтецами. Выручили артисты только что созданного во Владивостоке драматического театра (ныне Приморский академический краевой драматический театр имени М. Горького)².

Как правило, после новостей начинался концерт силами штатных работников. В первое время в их репертуаре преобладала классика, но иногда устраивались и концерты эстрадной музыки. Музыкальными передачами руководил пианист Оберман. В его распоряжении было музыкальное трио: он сам, старичок итальянец Фагорини, игравший на мандолине, и виолончелист Будрин. Кроме них в музыкальных передачах по-прежнему принимали участие певец В. Ермолаев и певица М. Волошинова.

Затем шли передачи отдела «Рабочая жизнь», которыми занимался Н. Вижайкин. Он готовил ежедневную рабочую радиогазету, одним из выпусков которой была «Большевистская путина». Передачи состояли из чтения статей и выступлений на производственные темы. Годовой отчет за 1932–1933 гг. сообщал о следующих показателях: «...организовано до 40 живых выступлений у микрофона, из них 35 выступлений рабочих-ударников. Организован производственный конкурс на лучшую молодежную бригаду на Хлебозаводе, организована бригада тов. Носкова, давшая наилучшие показатели, систематически перевыполнявшая производственный план»³.

Тематика рабочей радиогазеты, как и других политических радиопередач, определялась указаниями из Москвы: «...в центре внимания должна быть пропаганда пятилетки, показ ее в действии, в процессе практического выполнения. Пропаганда пятилетки должна тесно переплетаться с вопросами повышения производительности труда, снижения себестоимости, поднятия трудовой дисципли-

¹ Государственный архив Приморского края (далее ГАПК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 38–39.

² Иванов С. Выпускаем комсомольскую радиогазету // Немного о радио... С. 15.

³ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 38.

плины, с проблемой производственного воспитания рабочих в целом. Большое место в системе политических радиопередач должно быть уделено пропаганде идей коллективизации сельского хозяйства, показу преимуществ колхозов перед разрозненными единоличными хозяйствами...»¹.

С осени 1930 г. по инициативе В.М. Козлова на Приморском радио выходила еженедельная комсомольская радиогазета. Ее редактором, по совместительству, назначили Сергея Иванова, председателя бюро пионеров Владивостокского горкома ВЛКСМ. «Мое первое знакомство с радио состоялось в конце октября 1927 г., – вспоминал Иванов. – Отмечалось пятилетие восстановления советской власти в Приморье, и радиоработники решили посвятить ему литературную передачу. Организовать это выступление поручили руководителю нашей литературной группы поэту Вячеславу Афанасьеву. Он привлек к передаче А. Фетисова, Б. Глушакова, А. Гая (Плешкова) и меня. Радиостудия тогда помещалась в одной из комнат второго этажа здания на углу улиц Ленинской и Лазо. Никаких подсобных помещений у студии не было, и выступающие ожидали своей очереди в коридоре. Студия произвела на меня удручающее впечатление. Она была совершенно пустой, если не считать небольшого столика с микрофоном и настольной лампой под плотным абажуром. Верхний свет отсутствовал. Перед столиком стояли три стула. Окон в ней не было, стены задрапированы темно-коричневым плотным материалом. На полу лежал толстый ковер с густым ворсом. Все звуки необычно сразу же гасли. Полумрак и пустота большой комнаты действовали угнетающе. Свое выступление я начал чтением популярного в то время “Марша красногвардейцев” и сразу же сбился – сказалась необычность обстановки. Выручил ударный ритм стихов»².

Поэт В.Н. Афанасьев
был постоянным
участником радиопередач
в 1930-е гг.

Работу редактора новой радиогазеты Иванов начал с того, что выступил по радио с предложением к молодежи принять в ней участие: писать обо всем интересном, что появляется в их жизни. Увы, откликов не последовало, и редактору пришлось привлечь к первой передаче своих знакомых. Секретарь горкома комсомола В. Калачев обратился с призывом заниматься ежедневно по утрам физзарядкой и делать тот комплекс упражнений, который будет преподавать «отличный инструктор Семен Тертыйный». Он также призвал молодежь вступать в ряды Осоaviaхима, изучать военную технику и сдавать нормы на значок «Ворошиловский

стрелок». Свою речь он закончил рассказом о том, как работают комсомольцы Дальзавода.

Выступил и редактор передачи: о необходимости развернуть подготовку пионерских лагерей. Принять участие в первом выпуске согласился и поэт-комсомолец Вячеслав Афанасьев, готовый читать свои стихи где угодно. «Было условлено, что он прочтет по радио свое новое стихотворение “Паровоз”, – вспоминал Иванов, – но после него он неожиданно заявил, что прочитает еще

¹ ГАРФ. Ф. Р5508. Оп. 1. Д. 1597. Л. 42 об.

² Иванов С. Выпускаем комсомольскую радиогазету // Немного о радио... С. 15.

два стихотворения, написанные этим утром. Я невольно показал ему кулак, но он только отмахнулся. Потом мне пришлось выслушать от главного редактора замечание за то, что вовремя не выключил микрофон».

Наладить регулярные выпуски комсомольской радиогазеты удалось только к концу 1931 г. Их частыми гостями были партизаны и участники большевистского подполья времен Гражданской войны. Особенно запомнилась передача 29 сентября 1932 г. Во Владивостоке проходил 1-й городской слет бывших красноармейцев и красных партизан, посвященный 10-летию окончания Гражданской войны, и гостями студии стали участники съезда. В других специальных выпусках «Комсомольской радиогазеты» принимали участие комсомольцы Дальзавода, решившие добровольно поехать на год в деревню, чтобы передать колхозникам опыт своей ударной работы на производстве (март 1933 г.), комсомольцы-делегаты 1-го Дальневосточного съезда рабочих рыбной промышленности и др. Несколько передач в 1932 г. было организовано по поводу создания Тихоокеанского военно-морского флота. Комсомольские активисты, выступая у микрофона, призывали комсомольцев края, ушедших служить на флот, сохранять славные боевые традиции и отдать все силы усилению обороноспособности Советского Союза и его дальневосточных границ.

Качество вещания в эти годы оставалось неважным, радиокомитет во Владивостоке получал множество писем с жалобами на треск и шум, которые сопровождали все передачи, особенно в плохую погоду. Так, из-за технической неисправности однажды сорвалась радиоперекличка между Хабаровском и Владивостоком по вопросам государственного займа. Техническим проблемам было посвящено расширенное совещание президиума Приморского областного комитета радиовещания 3 января 1933 г., на которое были приглашены и представители районных радиоузлов областного управления связи. Докладывая о техническом состоянии Владивостокской радиостанции и радиоузла, председатель комитета В.М. Козлов отмечал: «Областной комитет по радиовещанию вступает во вторую пятилетку вещания со слабой техникой передачи. По-прежнему плохо работает радиостанция (треск, шум, визг), отчасти неудовлетворительно работает и Владивостокский узел, который должен задавать тон радиоузлам районов». На совещании говорилось и о том, что на радиостанции плохо следят за чистотой и состоянием аппаратуры, отсутствуют слаженность и единство действий сотрудников. Как итог, работа радиостанции была признана неудовлетворительной, а трансляционных узлов – отчасти неудовлетворительной. Решено было вопрос о качестве радиовещания передать в Управление связи – для срочного принятия мер.

В СОСТАВЕ ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА ПО РАДИОФИКАЦИИ И РАДИОВЕЩАНИЮ

Начавшаяся в сентябре 1931 г. реорганизация завершилась в начале 1933 г. На основании постановления СНК СССР от 31 января Всесоюзный комитет по радиовещанию был выделен из Наркомата связи и передан Совету Народных Комиссаров СССР как Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию, что подчеркивает возросшее значение радиовещания для выполнения государственных задач. При этом два важных участка работы радио – технический и творческий – вновь оказались объединенными. Задачи новой организации, изложенные в «Положении о Всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СНК Союза ССР» от 27 ноября 1933 г., оказались весьма обширными. На нее возлагались организация, планирование и оперативное руководство всем радиовещанием в СССР, включая низовые радиовещательные узлы в районных центрах, совхозах и т.д., а также контроль за выполнением планов радиофикации Народным комиссариатом связи и другими учреждениями. Комитету предписывалось также содействовать развитию радиосвязи и внедрению достижений радиотехники в важнейшие отрасли народного хозяйства и обороны Союза ССР; координировать научно-исследовательскую работу в области радио, помогая соответствующим учреждениям и организациям. Творческие задачи включали планирование всего радиовещательного дела в масштабах Советского Союза, дифференцируя обслуживание рабочих, колхозников, национальных меньшинств, детей, красноармейцев и др.

Председателем Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию назначили П.М. Керженцева, до этого управляющего делами Совнаркома СССР (1930–1933). При вступлении в должность он выступил со статьей, содержание которой позволяет считать ее программной для развития радиовещания в Советском Союзе. «Радио и радиовещание приобрели сейчас исключительное политическое значение. Через радиовещательные станции путем докладов, сообщений, переключек ведется оперативная политическая работа по руководству крупнейшими политическими и хозяйственными кампаниями. Умелое и правильное использование радиовещания помогает проведению весеннего сева и осенней пахоты, выполнению промфинплана, соцсоревнованию, борьбе за лучшие качественные показатели и т.д. Радиокомитеты сейчас руководят самыми быстрейшими политическими газетами, которые доходят в отдаленнейшие уголки Союза раньше, чем любая другая газета. Через радиовещание ведется политическая учеба и коммунистическая пропаганда, организуется помощь самообразованию, сообщаются новинки литературы. Радиовещание специальными передачами

обслуживает красноармейцев и колхозников, детей и молодежь, слушателей разной культурной и политической подготовки...»¹.

Новые ориентиры повлекли значительные изменения в работе местных радиостанций, в том числе во Владивостоке. 5 января 1934 г. на основании постановления СНК СССР от 27 ноября 1933 г. при Приморском областном исполкоме был организован Комитет по радиофикации и радиовещанию Приморской области. Козлова освободили от работы с переводом в обком партии, а руководство Приморским радиокомитетом поручили заместителю Козлова Николаю Степановичу Вижайкину, который и раньше занимался всеми творческими делами на радио. В постановлении Президиума облисполкома записано:

«Состав комитета определить следующий:

Председатель комитета – т. Вижайкин,

Зам. пред., врид (временно исполняющий должность – Н.Х.) политредактор – т. Ем-Саир,

От облпрофсовета – т. Кулаков,

От ОблОНО – т. Власов,

Начальник Радиоотдела при Упр. связи – т. Краснянский,

От Обкома ВЛКСМ – т. Лымарь В.

Персонально т. Похвалинский»².

Среди программ, звучавших в этот период по Приморскому радио, отчет называет следующие:

– Передачи сектора агитации и пропаганды: беседы, доклады, лекции (не менее двух раз в день); чтение передовых из «Правды» и других газет; ежедневный обзор газеты «Красное Знамя»; актуальные передачи с заводов, судов и т.д.; выступления у микрофона стахановцев, бойцов и командиров РККА;

– Политическая информация – союзная, международная, местная;

– Литературные передачи (по два раза в день);

– Детские передачи: литературно-художественные и музыкальные; «Пионерская зорька»; физзарядка для школьников;

– Специальные передачи для домохозяек (15 передач в месяц по 30 мин.);

– Музыкальные передачи (до десяти концертов ежедневно);

– Ведомственная информация и реклама;

– Урок гимнастики – физзарядка (ежедневно);

– Трансляции московских и хабаровских передач; трансляции из районов – периодически³.

В качестве главной задачи радио Керженцев называл общественное воспитание советских людей и призывал работников радиовещания учитывать потребности народных масс и налаживать «живую связь» с радиослушателями. «Вся эта работа по перестройке вещания и по поднятию качества должна опираться на широкую массовую работу, – писал он. – Такой массовой работы комитеты почти не вели. В чем она состоит? Прежде всего – в живой связи с радиослушателями. Регулярные радиоконференции, радиосовещания должны помочь нашему вещанию поднять качество. Непосредственные выезды исполните-

¹ Керженцев П.М. Очередные задачи радиокомитетов // Говорит СССР. 1934. № 3. С. 1

² ГАПК. Ф. 25. Оп. 5. Д. 21. Л. 42.

³ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 757. Л. 170–171.

лей в клубы и на заводы дадут радиоработникам живую аудиторию, перед которой они могут проверять свою работу»¹. С этого времени массовость стала основной задачей и характеристикой советского радиовещания. «Именно на радио массовая работа является составной и неотъемлемой частью, а не каким-то подсобным мероприятием», – комментировал установки нового руководства профессиональный журнал².

Важнейшей формой работы с массами и основным способом установления «живой связи» с народом Керженцев считал письма радиослушателей, подчеркивая при этом необходимость доверительных отношений. «Обязательна широкая работа с письмами, – писал он. – Председатели комитетов обязаны ежедневно сами прочитывать важнейшие письма радиослушателей. По радио и через печать должны освещаться наиболее интересные письма и ответы на них»³. Реакция на эти указания последовала незамедлительно. Уже в 1933 г. на Приморском радио появилась новая передача – «Письма радиослушателей». Для участия в ней приглашали врачей, педагогов, агрономов, руководителей торговых организаций и коммунального хозяйства. Их задачей было отвечать у микрофона на письма, пришедшие в радиокомитет. Чтобы усилить приток писем, редакция стала организовывать выезды на предприятия и встречи с трудовыми коллективами. Так, в 1934 г. было зафиксировано 17 таких выездов: на Дальзавод и в его общежития, в порт на Эгершельде, клуб Ильича и клуб Водников, к угольщикам Тавричанки, учащимся фабрично-заводской школы № 9 и т.д. Правда, ожидаемого эффекта от этих встреч не последовало, поскольку в ряде мест радио еще отсутствовало⁴.

В Приморье проживало немало китайцев и корейцев. Некоторые села имели исключительно китайское или корейское население. Это вызвало необходимость подготовки передач на китайском и корейском языках, и в мае 1933 г. на Приморском радио появилось два сектора национального вещания – китайский и корейский. В обоих секторах на должность редактора были выдвинуты представители национальных общин: товарищ Ян из китайской и товарищ Ем Саир из корейской, оба члены Коммунистической партии с 1925 г. Вещание иностранных секторов предполагало два основных направления – литературное и музыкальное, внутри которых существовали общеобразовательные программы для детей и взрослых. В них участвовали артисты корейского и китайского театров, работавших во Владивостоке. Национальное вещание имело свой небольшой оркестр и солистов, иногда готовились драматические постановки.

В августе 1934 г., например, в сетке радиовещания Приморского областного радиокомитета национальные сектора имели два отрезка. С 18.50 до 19.00 в эфир выходили радиогазеты на китайском и корейском языках. В «Рабочем пунтинном полднике» национальным передачам отводилось 20 мин., с 12.35 до 12.55, но они чередовались (через день) с другими передачами. Каждый последний четверг месяца Приморское радио передавало специальные музыкальные передачи для корейских рыбаков и шахтеров или китайских рабочих. В них включались инструментальные произведения (в том числе русских композито-

¹ Керженцев П.М. Очередные задачи радиокомитетов... С. 3.

² Улучшить работу с письмом // Говорит СССР. 1934. № 18. С. 33

³ Там же.

⁴ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 40–41.

ров), оркестровые попури, а также сольные и хоровые национальные песни, злободневные частушки или юморески. Среди исполнителей, принимавших участие в музыкальных передачах и концертах корейского сектора, были солисты и несколько художественных коллективов – оркестры и хор¹.

В России, где уровень грамотности населения и в 30-е гг. оставался крайне низким, радио стало могучим средством передачи знаний. Керженцев называл народное образование одной из сфер, где возможности радио можно использовать наиболее эффективно, развивая «живые формы» в педагогике и дидактике. «Сейчас перед нами стоит задача развернуть отдел самообразования, – писал он, – обслуживать трудящиеся массы в их работе над повышением культурного уровня. Здесь мы должны найти новые, живые формы, которые не отпугивали бы слушателя сухой дидактичностью, а заинтересовывали бы его»².

Эти установки упали на благодатную почву. Во Владивостоке создавался Дальневосточный филиал Академии наук СССР, и редакции научно-образовательных передач (редактор Зильберман), появившейся в это время в Радиокomitee, не составляло трудностей найти специалистов, согласных выступить по радио с популярными лекциями. Это направление стало активно развиваться благодаря частым приездам во Владивосток вице-президента Академии наук СССР В.Л. Комарова, руководившего одновременно и Дальневосточным филиалом.

Из воспоминаний Л. Зельцмана: «Комаров сначала согласился выступить по радио с лекцией “Наука на Дальнем Востоке и перспективы ее развития”. В то время лекторы обычно выступали без текстов, по кратким конспектам, и Комаров говорил около 40 минут без всяких записей. Речь его была четкой, литературной, а содержание ее не только высветило магистральные пути науки, но и открыло нашей редакции целую программу действий на год вперед. В ней и освоение Северного морского пути, и научная работа морских станций, и только что начавшееся освоение китобойного промысла, лова сайры и иваси, изучение флоры и фауны Дальнего Востока и многое другое». С легкой руки Комарова частыми гостями студии стали ученые только что открытых во Владивостоке академических институтов и существовавшего раньше Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства. А.М. Кагановский рассказывал о миграции рыб, И.В. Кизеветтер – о технологиях консервирования, К.А. Башкиров – о научных прогнозах. Были передачи и о первых начинаниях Горнотажной станции, открытой под Уссурийском в декабре 1932 г.

К микрофону приглашали и участников важных событий. Это было время подступов к освоению Северного морского пути, и частыми гостями были зимовщики полярных станций. Они рассказывали об изучении течений по дрейфу льдов, направлении ветров, условиях мореплавания. Интересными были рассказы корреспондента газеты «Красное знамя» Попова, участника арктических экспедиций. Другим памятным эпизодом была встреча на радио с О.Ю. Шмидтом, когда под его руководством караван судов прошел Северным морским путем от

¹ Королева В.А. Корейская музыка в программах национального радиовещания на Дальнем Востоке России в 1926–1937 гг. Электр. ресурс: Корё Сарам: записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/korejskaya-muzyka-v-programmah-natsionalnogo-radioveshhaniya-na-dalнем-vostoke-rossii-v-1926-1937-gg/> (дата обращения: 12.01.2019).

² Керженцев П.М. Очередные задачи радиокomiteeтов... С. 2.

Архангельска до Владивостока. Раз в неделю с лекциями на медицинские темы, в основном о профилактике различных заболеваний, выступала врач Горздрава Луценко. Слушатели ждали эти передачи и внимательно слушали их.

Актуальные для того времени темы поднимала и другая новая редакция, «Последние известия». Там работали увлеченные и талантливые люди. Сначала редакцией руководил Иван Григорьевич Машуков, для которого работа на радио стала началом его литературной деятельности. Он был единственным штатным сотрудником редакции и собирал новости с помощью внештатных авторов, главным образом журналистов местных газет. После отъезда Машукова в Хабаровск, где он стал ответственным секретарем литературно-художественного и общественно-политического альманаха «На рубеже» (с мая 1946 г. – журнал «Дальний Восток»), место редактора «Последних известий» занял Александр Зверев, приехавший с семьей с Волги.

О приглашении этого журналиста на Приморское радио давно мечтал Козлов, который знал Зверева по совместной учебе и работе в газете и был высокого мнения о нем. Он оказался прав: с приездом Зверева выпуски новостей стали более насыщенными и интересными. Очень скоро вокруг редакции «Последних известий» собрались лучшие силы газетной информации. Почти ежедневно сообщения на разные темы приносил Николай Остолопов (он же Н. Ост или Николаев), работавший в ДальТАСС. Из газеты «Рыбная индустрия» передавал новости Юрий Тарнава, а из «Красного знамени» – Александр Дурасов, которые позже некоторое время тоже работали на радио. Как вспоминали современники, Зверев был всегда в радостном, приподнятом настроении и кипел энергией. Он очень любил свою работу и много времени уделял редактированию: информации из его рук выходили емкими и содержательными. Сотрудники радио тянулись к нему, потому что многому могли научиться у этого журналиста.

В 1930-е гг. радиовещание оставалось «одним из самых могучих орудий культурной революции, орудием политической агитации и пропаганды». «По силе воздействия с ним можно сравнить только печать, – писала газета. – У радио порой возможностей даже больше, чем у печати – радиослово проникает быстрее, особенно в места далекие от столичных и областных центров, доходит даже до неграмотных и малограмотных, призвано обслуживать многомиллионную аудиторию радиослушателей»¹.

Выполняя задачи политической агитации и пропаганды, новая система управления радиовещанием стала активно создавать рычаги манипулирования – и сотрудниками радио, и, что было главной целью, радиослушателями. Преподнося всю информацию о жизни в стране в нужном ключе, партия использовала способность радио влиять на сознание человека, делать его внушаемым и послушным. В России и раньше не существовало гражданского общества, сейчас же население и вовсе превращалось в безвольные и безынициативные «народные массы», слепо доверяющие партии и правительству.

В соответствии с политическими кампаниями и идеологическими лозунгами в радиокомитеты рассылались всевозможные обязательные к исполнению директивы, которые касались не только информационного и политического вещания, но и всех других передач – детских, литературных, музыкальных. Примечательно, что эти указания чаще всего преподносились от имени общественных

¹ Правда. 1937. 22 июля

структур, связанных с радио, хотя разработка их велась в аппарате ЦК ВКП(б). Составленные чаще всего в критическом тоне, директивы выполняли роль кнута, которым сотрудники радиокомитетов загонялись в единое идейное поле, выход из которого грозил взысканием, увольнением, а то и ГУЛАГом. Так, постановление Всесоюзного радиокомитета о работе редакции «Последние известия» и Культтехпропа (№ 52 от 7 сентября 1933 г.) указывало «на необходимость повышения идейно-политической бдительности» и приказывало «ввести в практику внутриредакционные обзоры микрофонных номеров и их обсуждение на редакционном коллективе с точки зрения политической бдительности и идейной выдержанности материала»¹.

Состояние радиовещания в Приморье в этот период признавалось неудовлетворительным. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б), контролировавший работу радио, делал следующие выводы: «Крупным недостатком радиогазет являлось отсутствие массовой работы на основных участках, как путина, уголь и транспорт. Массового сектора ударных бригад в радиоредакции нет. Кроме рейда в лес вместе с Краевой радиоредакцией, двух выездов на путину рабочей радиогазеты и массового рейда, проведенного на Тавричанку совместно с комсомольской газетой, где было вскрыто оппортунистское руководство, похвастаться нечем»². Среди недостатков в работе радио также отмечались отсутствие работы с рабселькорами, преобладание (на 80%) текстовых передач, составленных зачастую по материалам газет, недостаточная оперативность политического вещания, наличие политических ошибок, слабость кадров, отсутствие должного руководства³.

С начала 1934 г. приморцы получили возможность слушать передачи из Москвы. Впервые голос столицы прозвучал 29 января, в период работы XVII съезда ВКП(б) (26 января – 10 февраля 1934 г.), после чего Владивостокский трансляционный радиоузел начал регулярно транслировать московский эфир. Прямой телеграфной связи с Москвой тогда еще не существовало, что делало эти трансляции особо значимыми. В основном звучали крупные политические передачи – доклад Сталина о проекте новой Конституции, праздничные доклады, материалы по первым выборам в Верховный Совет СССР. Как правило, каждый день из Москвы передавались и последние известия: в 7.00 и 14.00 по 20 минут. Постепенно передачи из Москвы, а затем и из других городов СССР, заняли прочное место в вещании Владивостокской радиостанции.

После XVII съезда, на котором был принят второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (на период 1933–1937 гг.), партия и правительство поставили перед радиовещанием новые задачи. Планируемое превращение Советского Союза в «технико-экономически независимую страну и в самое передовое в техническом отношении государство в Европе» потребовало всенародного энтузиазма. Радио должно было помочь его обеспечить. Пропаганда партийных решений отныне приобретала более конкретный и наступательный характер. Главной задачей общественно-политического вещания стали считать

¹ ГАРФ. Ф. Р6903. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

² Исаев А.А. Радио как проводник политико-информационной работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. (на примере Приморского края) // Гуманит. исследования в Вост. Сибири и на Дальн. Востоке. Владивосток, 2017. № 4. С. 102–107.

³ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 19.

замену докладов и речей, записанных в студии, трансляцией живых выступлений и бесед известных руководителей, деятелей партии и правительства перед работниками промышленных предприятий и совхозов. От скучного чтения докладов и бесед радио переходило к радиомитингам и радиособраниям.

Массовые формы вещания с их эмоциональным зарядом были необходимы для сплочения советских людей и нацеливания их на практические дела по строительству новой жизни. Для всех радиийных жанров этого времени, включая выпуски новостей, была характерна особая эмоционально-приподнятая тональность. Такие передачи были призваны внушить людям ощущение массового подъема, якобы охватившего страну. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой» – эти строки из популярной песни были лозунгом дня. Советская пропаганда делала все возможное для создания образа героя, чтобы труженику было, на кого равняться. Челюскинцы, стахановцы, хетагуровки – рассказы о тех, кого эти герои вдохновили на трудовые подвиги, были постоянными на радио. Героизм зачастую создавался искусственно (как в случае с Алексеем Стахановым, которому перевыполнить в 14 раз норму помогали подручные) или был следствием безответственности руководителей или ошибок, которые пришлось преодолевать (как в случае с пароходом «Челюскин»), но советский народ свято верил в героев и хотел подражать им.

Партия между тем искала все новые пути для воодушевления масс. В постановлении Всесоюзного совещания работников радиовещания «О задачах политического вещания» (1–3 декабря 1934 г.) отмечалось: «Не всюду еще и не до конца завершена перестройка политического вещания, требуемая постановлением ЦК ВКП (б). В ряде областей все еще имеются рецидивы построения политического вещания по типу ранее существующих радиогазет – с длинными статьями и сухо поданным материалом, с недостаточной литературной его обработкой.... При обслуживании общественно-политических кампаний и в своей повседневной работе редакции политического вещания нередко проводят информацию в токах политической трескотни и аллилуйщины, не умея подать материал политически заостренно, не умея, наряду с показом наших достижений, развернуть большевистскую критику недостатков на отдельных участках нашего строительства.

...На участке политического вещания в отдельных случаях имел место ряд серьезных искривлений партийной линии, использование радио классово-чуждыми элементами, что сигнализирует о необходимости усилить политический контроль, предварительную глубокую проверку всего микрофонного материала, предназначенного для передачи по радио, повысить бдительность в подборе кадров, работающих во всех звеньях политического радиовещания.... Общими недостатками является неудовлетворительный, бюрократический сухой язык политического вещания – загроможденность его иностранной терминологией, сухость изложения, засоренность отдельными ошибками из-за неряшливости обработки и проч., что сильно снижает эффективность радиовещания»¹.

Следующим шагом в реформировании содержания радиовещания было постановление «Об изменениях в программах радиовещания республиканских, краевых и областных радиокомитетов» от 31 января 1935 г. Ставя в вину радио-

¹ Электр. ресурс: Музей радио и телевидения в Интернете. URL: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=34&page=13 (дата обращения: 10.05.2018).

комитетам «многочисленные факты вульгаризации и политических срывов в радиопередачах по литературному и драматическому вещанию», отныне категорически запрещалось готовить на местах какие-либо радиокомпозиции, литературные монтажи и обзоры, посвященные политическим кампаниям. «Обслуживание художественными и литературными передачами актуально-политических кампаний должно проводиться в точном соответствии с методическими письмами и рекомендательными списками Всесоюзного радиокомитета...»¹. Этим же постановлением перед радиокомитетами ставилась задача максимально сократить текстовые передачи по молодежному и детскому вещанию.

Особое внимание в этот период власти стали уделять кадрам радио. На Дальнем Востоке эта тенденция проявилась не сразу, а в европейской части СССР уже с начала 30-х гг. радиокомитеты обвиняли в засоренности белогвардейскими, буржуазными и кулацкими элементами, а сотрудников радио – в отступлении от «генеральной линии партии». «Факты засоренности аппарата, – читаем в постановлении «О состоянии местного радиовещания на опыте Украины, Северного Кавказа и Закавказья» (8 января 1934 г.), – ставят вопрос об еще большей бдительности в подборе и использовании на радио как творческих, так и организаторских и редакционных кадров».

Здание Приморского областного радиокомитета
в 1935–1965 гг. (Владивосток, ул. Первого Мая / Петра Великого, № 14) (фото 1965 г.)

В 1934 г. на Приморском радио сменилось руководство: на должность председателя из Москвы прибыл Владислав Иосифович Сурвилло, до этого работав-

¹ О радиофикации и радиовещании. Сб. постановлений. С. 37.

ший редактором Государственного издательства художественной литературы. Его имя приморским журналистам было знакомо по журналам «Новый мир», «Знамя» и «Октябрь», в которых регулярно печатались критические статьи Сурвилло. Как вспоминали современники, новый председатель профессионально разбирался в литературе, понимал музыку, имел фундаментальную подготовку по марксистско-ленинской теории. Речь его была безукоризненна, насыщена метафорами и афоризмами. «Внешне он производил впечатление барина – высокий, холеный, всегда свежий и румяный, будто только что из бани, – вспоминал Л. Зельцман. – Казалось, что он происходил из старой дворянской семьи. Впечатление это было обманчивым. Сурвилло был сыном латвийского рабочего-металлурга. Он прошел всю Гражданскую войну комиссаром соединения, потом работал заместителем директора Московской ТЭЦ. Большая культура нового председателя оказалась замешана на настоящих советских дрожжах»¹.

Вслед за Сурвилло для укрепления кадрового состава Приморского радио приехали еще несколько москвичей-членов партии: бывший шахтер Миньков, его сокурсник по московскому вузу Бондаренко, бывший рабочий Бакланов (впоследствии редактор газеты в с. Владимиро-Александровское). С этого времени на радио появилась своя партийная организация. Всесоюзный радиокомитет и местные органы позаботились не только о кадрах, но и о материальной стороне радиовещания в Приморье. Бюджет Приморского радиокомитета значительно вырос, а в 1935 г. ему было предоставлено новое, более просторное помещение – двухэтажный дом по ул. Первого Мая, 14 (ныне ул. Петра Великого), примерно в том месте, где сейчас находится драматический театр имени М. Горького². В самой большой комнате оборудовали вещательную студию. В остальных разместили редакции, отдел кадров, бухгалтерию, машинописное бюро, в котором поначалу работала всего одна машинистка, обслуживавшая все редакции. Несмотря на расширение площадей, помещений все же не хватало, и в одной комнате приходилось уживаться двум, а то и больше редакциям.

А.А. Вахов

Редакция «Последних известий» считалась самой боевой в радиокомитете. Ее с 1936 г. возглавлял комсорг радиокомитета Анатолий Вахов, в будущем известный писатель. Если в первое десятилетие работы радио выпуски новостей состояли исключительно из текстовых сообщений, читаемых из студии, то с 1938 г. в новости стали включать репортажи. Для их подготовки использовали шоринфон, который можно считать

¹ Зельцман Л.Н. Меня взяли за умение разбирать почерк // Немного о радио... С. 12..

² Дом основателя и редактора газеты «Дальний Восток» (1892–1922) В.А. Панова.

прообразом магнитофона¹. Он представлял собой довольно громоздкое сооружение: станина размером 1,5 на 0,5 м, на которой крепилось звукозаписывающее устройство. Запись велась на киноплёнку путем выдавливания на ней бороздок. Первую запись осуществил в августе 1938 г. Вахов, организовав репортаж с борта подводной лодки, стоявшей у пирса. Вел репортаж диктор Георгий Громов, а прохождение в эфир обеспечивал радиотехник Владимир Феофанович Куделя. Затем последовал репортаж из ближайшей машинно-тракторной станции, автором которого тоже был Вахов.

Шоринофон (Центральный музей связи имени А.С. Попова. Санкт-Петербург)

Среди первых записей на шоринофон была и посвященная Хасанским событиям. Они только что закончились, и журналистам надо было воспроизвести на пленке сцену боя с взятием сопки Заозерной. Осуществил запись тот же Куделя, записав голоса красноармейцев и командиров, а также стрельбу холостыми патронами. Запись не только прозвучала по Приморскому радио, но и была отправлена по горячим следам в Москву.

К месту событий шоринофон доставляли на грузовой машине, и организация внестудийных записей была сложным и хлопотным делом. Тем не менее, радио все чаще практиковало репортажи, в том числе и прямые: о встрече ледокола «Седов» на внешнем рейде, открытии первой механизированной шахты в Артеме, с места проведения митингов, концертов. Запоминающейся была транс-

¹ Шоринофон – аппарат для механической записи звука. Создан в СССР в 1931 г. Назван по имени его изобретателя Александра Федоровича Шорина, удостоенного в 1941 г. Сталинской премии 1-й степени. Запись производилась на стандартную 35-мм киноплёнку резцом, выдавливавшим на пленке звуковую канавку. Звук воспроизводился на том же аппарате, для этого резец заменяли корундовой иглой. Для подготовки радиопередач использовался с 1936 г. В 1940 г. появились усовершенствованные портативные шоринофоны (до 12 кг весом), расширившие возможность их использования для радиопередач. Благодаря шоринофонам сохранены репортажные записи периода Великой Отечественной войны.

ляция митинга на Вокзальной площади Владивостока по поводу встречи знаменитого летчика В.К. Кокинакки. Вместе со штурманом А.М. Бряндинским он совершил в 1938 г. беспосадочный перелет по маршруту «Москва – Дальний Восток», приземлившись в Спасске-Дальнем.

В информационных выпусках того времени широко освещалась работа промышленных предприятий Приморья: Дальзавода и завода «Металлист» во Владивостоке, артемовского «Кунгаса», ситуация на рыбных промыслах и в сельском хозяйстве. Особое внимание уделялось ходу социалистического соревнования: шли годы первых пятилеток. При бедности технических средств сотрудники редакции «Последних известий» проявляли максимум творческой выдумки, а порой и мужества. Своих машин у радиокомитета долгое время не было (да и вообще в крае их было мало), а добираться бывало нужно в самые отдаленные районы. Приходилось использовать любую оказию – порой верхом на лошади, а то и вовсе пешком.

Во второй половине 30-х гг. постановления относительно радиовещания приняли еще более угрожающий характер. Это не только соответствовало общей атмосфере в СССР той поры, но и было связано с «Делом Радиокомитета», сфабрикованным НКВД в 1935 г. В вину радио ставилась «функциональная система построения аппарата по различным признакам: жанровым (эстрада), по видам искусства (литература, вокал, симфоническая музыка); по возрастному (молодежное, детское) и социальному признаку (колхозное, красноармейское) и т.д.». Обвинения также касались недостатков планирования и отсутствия централизации радиовещания, самостоятельности дирекции и секторов в проведении гонорарной политики, распределении ставок, ведение отдельного делопроизводства.

Делался следующий вывод: «отсутствие твердого, оперативного руководства, функционалка, бесплановость, разбухший аппарат, обильно зараженный мелкобуржуазной богемой, рвачеством, и засоренность классово-чуждыми элементами – создали такое положение, при котором радиовещание не только не выполняет своей исключительной роли в деле политического и культурного воспитания широчайших масс, но и не обеспечивает охрану микрофона от использования его скрытыми врагами». Председателю Всесоюзного радиокомитета П.М. Керженцеву объявили строгий выговор, но многих из его руководства сняли с должности с партийными взысканиями.

Оргбюро ЦК ВКП(б) предложило Всесоюзному радиокомитету (9 июля 1935 г.) осуществить ряд мероприятий для улучшения работы: «а) создать при председателе ВРК программно-репертуарную комиссию для рассмотрения годовых, квартальных и ежемесячных планов вещания;

б) ввиду крайней громоздкости сектора искусств, разделить его на два сектора – музыкальный и литературно-драматический;

в) ввести в секторах самообразования, музыкальном и литературно-драматическом должности главных редакторов, систематически работающих над составлением репертуарных программ радиопередач».

Также было дано указание «составлять программы вещания преимущественно из разнообразных коротких музыкальных и литературно-драматических передач, усилив, в частности, передачу лучших образцов юмора и сатиры», а кроме выпусков «последних известий» ввести в программу еще и короткие, по две–три минуты, «новости дня», передавая их по несколько раз в день. Предусматривался и жесткий контроль: отделу печати и издательств ЦК было поручено систематически прослушивать радио, готовить рецензии на передачи и размещать их в печатных органах.

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию, в свою очередь, спускал указания ниже, в местные радиокомитеты, где, как сообщалось, положение с вещанием продолжало оставаться совершенно неудовлетворительным. Согласно постановлению «Об улучшении радиовещания на узлах» (от 11 августа 1935 г.) границы дозволенности в радиовещании еще больше сужались. Материал считался готовым к передаче только в том случае, если он был отредактирован и подписан ответственным редактором низового вещания, завизирован уполномоченным Главлита¹ и не имел никаких пропусков в тексте, в которые можно было бы позднее вставить цифры, цитаты и т.д. Дикторам предоставили право не принимать материалы, если они сдавались к микрофону позже, чем за два часа до передачи.

«В связи с тем, что под видом политинформаций и передач по самообразованию на узлах к микрофону попадает ведомственный материал крайне низкого качества», низовому вещанию запрещалась передача каких-либо лекций и сообщений без предварительного утверждения их тематики со стороны Всесоюзного радиокомитета. Категорически запрещалось использование тезисов и конспектов. Всех уполномоченных по радиовещанию на местах обязали лично прослушивать в студии низовое вещание и докладывать о нарушениях.

Вскоре Москва окончательно перестала доверять местному вещанию и резко ограничила его присутствие в радиоэфире. Чтобы исключить прохождение в эфир идеологически «неправильных» текстов, в 1935 г. при Управлении местного вещания Всесоюзного радиокомитета создали Главную редакцию микрофонных материалов. Ее задачей была подготовка, тиражирование и распространение по краевым и областным радиокомитетам текстов радиопередач, которые местные радиостанции должны были использовать в обязательном порядке. С февраля 1936 г. статус Главной редакции микрофонных материалов повысился: она стала подчиняться непосредственно председателю Всесоюзного радиокомитета, после чего соотношение радиопередач различного типа значительно уменьшилось в пользу программ пропагандистского характера, готовившихся в Москве. Тексты для них, как вспоминали очевидцы, отличались однообразием жанров: лекция, беседа, литературная композиция.

С мая 1936 г. в сетку передач центрального радиовещания был внесен ряд изменений, благодаря которым увеличилась и продолжительность передач, транслировавшихся непосредственно из Москвы. На шесть минут стали длиннее выпуски «Последних известий» (с 12 до 18 мин.) и уроки гимнастики (с 19 до 25 мин.), в два раза чаще (два раза в шестидневку вместо одного) начали транслировать литературные передачи, доклады и выступления, с 10 до 14 мин. была увеличена продолжительность «Утренней зорьки». По сравнению с 1935 г. объем центрального вещания в 1936 г. вырос на 10% и составил за год почти 11 тыс. часов². В следующем году последовало запрещение радиоперекличек, содержание которых было невозможно проконтролировать. Нарушение этого запрета грозило уголовной ответственностью.

К концу 30-х гг. объем политических передач на Приморском радио заметно увеличился. Пропагандистская машина тоталитарного государства работала на полный ход. Если в 1938 г. сектор пропаганды и агитации передавал в среднем по две передачи в день, то в 1939 г. их готовили уже по три – четыре. Так, в 1938 г. у микрофона Приморского радиокомитета выступили 331 чел.: стаханов-

¹ О цензуре на радио см. главу «Главлит, или советская цензура».

² Исаев А.А. Радио как проводник политико-информационной работы. С. 102–107.

цев, ударников и хетагуровок – 81; краснофлотцев, красноармейцев и командиров – 34; пропагандистов и агитаторов – 43; представителей партийной и комсомольской организаций – 52; колхозников – шесть; научных работников и педагогов – 22; депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР – четыре; школьников, пионеров, вожатых и др. – восемь¹. Примерно такое же число выступающих зафиксировали и в следующем году, отметив, что число местных авторов среди них было незначительным, а основная часть докладов и выступлений была получена по телеграфу из Всесоюзного радиокомитета².

Главным условием выживания в эту пору была способность своевременно подстроиться под директивные указания, не задавая лишних вопросов. Москва не спускала глаз с региональных комитетов, фиксируя, а то и выдумывая всевозможные «преступления». Заметки об этом регулярно появлялись в профессиональной прессе. «В целом ряде комитетов и крупнейших радиоузлов систематически срываются политические радиопередачи. Вражеские элементы все еще продолжают орудовать в радиовещании. Засоренность кадров в некоторых радиокомитетах и радиоузлах – факт неоспоримый, и это обстоятельство обязывает партийные организации и руководителей радиовещания принять самые срочные меры к очистке радиовещания от врагов и чужаков»³.

Как ни парадоксально, наиболее уязвимым звеном радиовещания в эти годы стали музыкальные редакции. В профессиональных журналах одна за другой публиковались статьи, описывающие случаи «преднамеренного вредительства» и «политического извращения», допускаемые сотрудниками музыкальных редакций различных радиокомитетов. То после речи Сталина прозвучала песня «Замучен тяжелой неволей», то текст важной политической передачи проиллюстрировали частушками, то в концерте по заявкам после песни о родине поставили песню о каторжанах. Самый незначительный факт мог быть истолкован как «вражеские происки», а заголовки публикаций того времени – «Очистить радиовещание от вражеских элементов», «Навести большевистский порядок в радиовещании» и т.п. – недвусмысленно говорили о том, как следовало поступать с «вредителями».

Руководству Приморского радиокомитета приходилось проявлять особую бдительность в отношении содержания национальных передач, включая использование в них музыкальных произведений. Старинные корейские народные песни «обвинялись» в том, что они «не отображают действительность жизни, а воспевают старое унижение, слезы, тоску и одиночество». Исторически сложившееся взаимовлияние корейской и японской музыкальных культур приводило к обвинениям музыкантов в шпионаже в пользу Японии. Для проверки репертуара художественно-музыкальных передач корейского сектора на «идеологическую и политическую выдержанность» был создан специальный комитет в составе Ни Ивана (корейский педагогический техникум), П.З. Кирюченко (директор китайского театра), Лян, Мендельсон, Высоцкой (горком ВКП(б)) и Сурвилло (руководитель радиокомитета)⁴.

¹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 757. Л. 171–172.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 34. Л. 52–55.

³ Радио – на службу большевистской агитации // Радиофронт. 1937. № 18 (сент.). С. 3–4.

⁴ Королева В.А. Корейская музыка в программах национального радиовещания на Дальнем Востоке России в 1926–1937 гг.

После насильственного массового выселения китайцев и корейцев из Приморья в конце 30-х гг. национальные передачи прекратились, а сотрудники китайской редакции и вовсе были репрессированы. От репрессий пострадали не только они. Весьма красноречивы строки одного из документов той поры: «Принять к сведению сообщение т. Керженцева о сокращении штатов ВРК (Всесоюзный радиокомитет – Н.Х.) на 25–30%... Запретить парторганизациям снимать и перемещать без санкции ЦК ВКП(б) председателей республиканских, областных и краевых радиокомитетов»². Как вспоминали сотрудники Приморского радио тех лет, все чаще в радиокомитет стали приезжать комиссии из Хабаровска и Москвы, участились проверки местными партийными и советскими органами. Хотя многие замечания проверяющих журналисты расценивали как мелкие придирки, после работы комиссий из коллектива радио исчезали отдельные сотрудники, в основном коммунисты. Так, вскоре не стало присланных из Москвы Минькова и Бондаренко. Партийные собрания и общественные суды с обвинениями и взысканиями в чей-то адрес собирались регулярно, а в обиходе журналистов появилась фраза «Слово – не воробей. Вылетит – посадят».

Коллектив Приморского радио (1939 г.). В центре второго ряда – М.Ф. Залевский.
(Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

В 1938 г. руководство Приморского радиокомитета сменилось. Председателем стал М.Ф. Залевский², его заместителем был К.Е. Селезнев³.

² Цит. по: Горяева Т. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2009.

² Залевский, Михаил Федорович (1909–1995, Владивосток). Председатель Приморского радиокомитета в 1938–1950 гг. Затем директор Владивостокского цирка. Почетный радист СССР. Заслуженный работник культуры РСФСР.

³ Селезнев Константин Евгеньевич (3 июля 1909, Харьков – ?, Владивосток). В Приморье приехал после службы на границе с Латвией. Учился год на восточном отделении университета во Владивостоке. С 1932 г. в радиокомитете, с 1935 г. – заместитель председателя. В 1941 г. призван в армию, служил в артиллерии (Магадан, Сахалин, Николаевск-на-Амуре). После мобилизации (1945) вернулся на радио. Направлен на учебу в Высшую партийную школу (Москва). С 1956 г. – директор Владивостокской студии телевидения. Почетный радист СССР.

ИСКУССТВО – МАССАМ

Литературные и музыкальные передачи были важной составной частью советского радиовещания с первых лет его существования, но в 30-е гг. к их культурно-просветительским функциям добавилась еще одна – идеологическая. Литературно-художественное вещание как наиболее привлекательное для радиослушателя было выбрано в качестве основного средства для пропаганды партийных решений и мобилизации широких народных масс на выполнение планов индустриализации. Если раньше сфера литературы и искусства считалась аполитичной, то отныне ей предстояла важная задача – стать проводником политики партии в народ.

Объявление о Первой всесоюзной вещевой радио-лотерее (1930 г.). Центральный музей связи имени А.С. Попова (С.-Петербург).
Выставка «Проводное радио – в унисон со временем» (2012 г.)

Привлечь к радио как можно больше людей и сделать радиослушание основным видом советского досуга предстояло новому председателю Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию П.М. Керженцеву. Его образование (он учился в свое время на историко-филологическом факультете Московского университета) и сфера прежней деятельности¹ как нельзя лучше способствовали

¹ П.М. Керженцев до назначения в 1933 г. председателем Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию занимал должности заместителя редактора «Известий ВЦИК», руководителя Российского телеграфного агентства (РОСТА), заведующего Отделом печати Народного комиссариата иностранных дел, председателя редакционного совета Объединения государственных издательств (ОГИЗ) при Наркомпросе РСФСР, заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), директора Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии.

усилению роли литературно-художественного вещания. Приобщение населения к культуре и искусству он считал одной из сфер, где возможности радио можно использовать наиболее плодотворно. В своих публикациях Керженцев особо выделял роль радио как просветителя и воспитателя. «...Радиовещание, – писал он, – дает трудящимся разумный отдых. Больше, чем какая-либо другая организация, радиовещание пропагандирует музыку и литературу. Радио наряду с печатью и кино является сейчас одним из мощнейших орудий коммунистического воспитания масс»¹.

На фоне новых установок заметна тенденция к увеличению на Приморском радио количества передач, посвященных литературе и искусству. В дополнение к концертам, составленным из выступлений артистов в студии или граммофонных записей, радио стало передавать выступления коллективов художественной самодеятельности. Первую подобную передачу организовали уже в 1933 г., когда в радиостудию пригласили самодеятельных артистов из сел Уссурийской области, шахтерских поселков Артема и Тавричанки, железнодорожников Уссурийска, Ружиного и других станций.

В том же году из литературно-музыкального вещания Приморского радио выделили литературную редакцию. Работавший в ней Георгий Корешов несколько лет плавал матросом на судах Дальневосточного пароходства и писал рассказы и стихи на морские темы. Первые рассказы, напечатанные в журнале «Сибирские огни», обратили на себя внимание литературных критиков: в толстых журналах появились одобрительные рецензии. Затем рассказы и стихи Корешова стали печатать и центральные журналы. Одной из первых передач Корешова стал литературный вечер, на котором выступили местные авторы. Вячеслав Афанасьев, Александр Артемов и Анатолий Гай прочитали свои стихи, а прозаики Александр Никулин и Александр Фетисов – отрывки из новых произведений. Радиослушателям особенно понравился фрагмент поэмы Артемова «Двадцать», о чем они писали в редакцию.

В дальнейшем на радио стали всегда приглашать литераторов, приезжавших во Владивосток. Так, однажды гостями студии стали известный поэт И. Сельвинский и прозаики А. Смирнов и Н. Шпанов. Случались, правда, и неприятные срывы. Однажды во Владивосток приехал писатель А. Фадеев вместе с группой киноработников во главе с А. Довженко. Они готовились снимать кинофильм о Дальнем Востоке. На радио были настолько уверены, что гости Приморья не откажутся выступить перед микрофоном, что заранее объявили об этом, но Фадеев и Довженко вежливо, но решительно отказались от выступления, заявив, что о новом фильме говорить еще рано, а потому радиопередачу о нем следует перенести на более отдаленный срок.

Массовая доступность радио, по мнению Керженцева, делала радио исключительно привлекательным для писателя, и в своих публикациях он постоянно подчеркивал необходимость тесной связи и совместной работы писателей и радиокомитетов. «Наши комитеты должны быть тесно и органически связаны с писательскими организациями на местах. Писатели должны регулярно появляться перед микрофоном»². «Мы должны добиться такого положения, чтобы работа на радио, выступление у микрофона рассматривались как ответственное

¹ Керженцев П.М. Очередные задачи радиокомитетов // Говорит СССР. 1934. № 3. С. 1.

² Там же. С. 3.

выступление, чтобы артисты, писатели и музыканты гордились тем, что их пригласили выступить у микрофона»¹.

Одна за другой в профессиональном журнале «Говорит СССР» появлялись статьи, подчеркивающие роль радио как главного пропагандиста и популяризатора литературных произведений: «О литературе на радио», «Писатель и радио», «Литдрамвещание на переломе» и т.д. Их авторы отдавали радиовещанию первенство в массовом распространении литературы и считали, что радио способно качественно улучшить художественные произведения: «...количественное распространение литературы меняет ее качество...»².

Все чаще в прессе отмечалась высокая эффективность исполнения по радио литературных произведений и преимущества устного слова по сравнению с напечатанным: «Литвещание радио... “выпускает” свою продукцию в таком тираже, о котором и мечтать не могут наши издательства. При самых неблагоприятных условиях, при самой неудобной сетке вещания его тираж в сотни, а то и в тысячи раз превышает средний тираж советской книжной продукции, особенно в части художественной литературы.... Мы уже не говорим о его огромных исполнительских, интонационных, наконец, иллюстративных возможностях (например, в распоряжении литературного вещания имеется большой музыкальный аппарат вплоть до симфонического оркестра). Необходимо также помнить о той простой истине, что слово оформленное гораздо ярче и убедительнее, чем напечатанное»³.

«Несмотря на большой рост тиражей издательств и количества театров на периферии, – читаем в другой статье, – все же они еще не достигли того количественного уровня, который мог бы удовлетворить миллионные массы трудящихся. Поэтому радио и играет огромную роль, так как оно обладает средствами сообщать трудящимся самых отдаленных уголков Союза наши достижения в области художественного творчества. Другое дело – форма этих передач. Механическое “телефонирование” без учета особенностей радио ничего, кроме вреда, для сложных литературных произведений не принесет. Повесть, роман, пьеса неизбежно претерпевают у нас некоторую трансформацию. Создается особая форма монтажа литературного произведения, его творческой концентрации через выделение ведущих линий и образов. Рисунок повести подается на музыкальном фоне, на звуковой канве, приобретая новый характер, но не теряя своего “лица”, идейно-художественного своеобразия»⁴.

Вслед за Всесоюзным радиокомитетом, организовавшим всесоюзный конкурс чтецов, подобные конкурсы предлагалось провести и всем региональным радиостанциям, чтобы привлечь для художественного чтения на радио лучшие местные силы. Эти установки появились не случайно. На Первом съезде советских писателей (17 августа – 1 сентября 1934), объединившим разрозненные местные литературные группы в Союз писателей СССР, единую структуру, подконтрольную Коммунистической партии, была провозглашена победа социалистического реализма как главного метода советской литературы. Радио с его

¹ Он же. Задачи художественного вещания // Говорит СССР. 1934. № 9. С. 12.

² За высокое качество наших передач // Говорит СССР. 1934. № 6. С. 7.

³ Керженцев П.М. Литературное вещание в 1933 году // Говорит СССР. 1934. № 1. С. 32.

⁴ За высокое качество наших передач // Говорит СССР. 1934. № 6. С. 7.

огромной аудиторией слушателей представлялось наилучшим проводником новой советской тоталитарной массовой культуры, эпоха которой началась после Первого съезда писателей. Именно «ухо должно было диктовать глазу, что он должен видеть»¹.

«Писатель, большой советский писатель – такова центральная фигура художественного радиовещания», – провозглашала пресса, а одним из основных критериев оценки литературного произведения стала пригодность его для радиоэфира. «Радио не должно просто “передавать” литературное произведение и действовать количественному распространению, оно должно качественно трансформировать саму литературу. Важно, что радио больше не создает на базе литературных текстов свое собственное, акустическое “радиоискусство”, противопоставляемое литературе. Отныне радио оказывает качественно-трансформирующее влияние на литературу и посредством радиовещания литература получает новые эстетико-коммуникативные признаки»².

«Радиовещание имеет свои специфические условия, – пишет Керженцев. – Мы должны учитывать, что микрофон, с одной стороны, дает некоторые ограничения, но, с другой – дает некоторые новые возможности в области искусства. Мы можем тут применять целый ряд специфических особенностей радиостудий, сочетания разных музыкальных инструментов или литературных текстов и т.д. и т.п. Симфонический оркестр по радио не может до сих пор передаваться в той полноценности, в которой он звучит в зале. Но литературный текст может на радио получить какую-то добавочную художественную нагрузку, которую в других условиях получить нельзя. Поэтому специфические условия мы должны изучить и использовать»³.

Фразу про «добавочную художественную нагрузку» можно понимать по-разному. Разумеется, нельзя недооценивать такую возможность радио, как использование музыкальных фрагментов для оформления литературного текста. Но другая публикация позволяет расширить трактовку этих слов Керженцева. «Любое хорошее произведение советской литературы легко “ложится в микрофон” и хорошо доходит до слушателя, – убеждала пресса. – Порой оно требует некоторого приспособления к условиям радио, приспособления, выражающегося обычно в упрощении сюжетных линий, снятии боковых сюжетных ходов, в сокращении материала...»⁴.

Подобные трансформации литературного текста позволяли приспособить под пропаганду коммунистических идей практически любое произведение, что подтверждается современными исследователями. «Радиокомпозиция оказалась чрезвычайно удобной формой для “переосмысления” литературных текстов, прежде всего через призму коммунистической идеологии. Сокращение текста, иногда совершенно искажающее первоначальный смысл, вольный монтаж эпизодов, логические и эмоциональные акценты при исполнении – все эти средства позволяли вывести “нужную” идею»⁵.

¹ Цит. по: Мурашов Ю. Электрифицированное слово. Радио в советской литературе и культуре 1920–1930-х годов // Советская власть и медиа. СПб., 2006. С. 21.

² Писатель и радио // Говорит СССР. 1934. № 19. С. 10.

³ Керженцев П.М. Задачи художественного вещания // Говорит СССР. 1934. № 9. С. 9.

⁴ Писатель и радио // Говорит СССР. 1934. № 19. С. 10.

⁵ Цит. по: Вдовина Е.А. Художественное радиовещание в отечественной культуре: традиции и современность // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. № 21. С. 101.

С середины 30-х гг. в эфире стали звучать первые советские радиопьесы, в том числе по мотивам классической русской литературы. Литературная редакция Приморского радио была преобразована в редакцию литературно-драматических передач. Возглавить ее из Москвы приехал известный литератор С.В. Бортник. В штате появился режиссер литературно-драматического вещания Василий Иванович Ромашов¹. По воспоминаниям современников, он был необычным человеком во многих отношениях. Среднего роста, довольно широкий в кости, он не сразу привлекал внимание, но стоило заговорить с ним, все подпадало под его обаяние и понимали, что перед ними творческая личность. Секрет таился в воспитании, характере, интеллектуальном богатстве, взглядах на жизнь. Он много знал, своеобразно и увлекательно анализировал события. Ромашов обладал необычным голосом, очень музыкальным и пластичным, и мог с помощью голоса выражать настроение и состояние героя, о котором рассказывал. Услышав его голос по радио, многие сразу же узнавали: читает Ромашов. Мастер художественного слова, он умел прекрасно вести любую передачу. Его талант оказался как никогда востребован при повышенном внимании к художественному слову и «звучащей литературе». По инициативе Ромашова при радиокомитете организовали драматический коллектив, в котором участвовали и артисты драматического театра имени М. Горького. Благодаря этому в эфире стали звучать театральные радиопостановки: сначала отдельных сцен, потом актов, и, наконец, целых пьес.

В.И. Ромашов (конец 1930-х гг.)

Терминология этого периода позволяет понять, насколько значимое место отводилось прослушиванию радио в жизни советских людей. Радиокomпозиции в это время стали называть «радиофильмами» и даже предлагали открыть специальные радиотеатры, где посетители, в отличие от «домашних, отвлекающих условий», могли бы слушать радиопередачи сосредоточенно, глубоко вникая в них. «Радиодраматургия сможет достичь успехов лишь тогда, когда у радио появятся не только слушатели, но и зрители, то

есть когда будут созданы особые зрительские радиотеатры», – считали деятели культуры и искусства².

¹ Ромашов В.И. родился в 1900 г. в с. Черкасское Вольского района. Окончил 1-ю Высшую театральную школу. Его голос звучал по Приморскому радио почти три десятилетия. В дальнейшем – главный режиссер Приморского телевидения. Малая студия Дома радио, где был установлен бронзовый бюст В.И. Ромашова, носила его имя.

² Керженцев П.М. Очередные задачи радиокомитетов // Говорит СССР. 1934. № 3. С. 33.

Керженцев добивался, чтобы литература и музыка нашли достойное место в расписании радиовещания. Поощрялись такие формы радиопередач, как радиодискуссии писателей с читателями и критиками, репортажи с заводов и фабрик о встречах писателей с рабочими. А музыка, по его мнению, должна была входить органической частью во все передачи: «Опыт показал, что наиболее доступным для слушателя, наиболее любимым видом передач является соединение литературного чтения с музыкальным сопровождением, сочетание литературы и музыки»¹.

Все культурно-просветительские радиопрограммы создавались в соответствии с общей государственной политикой того времени. В постановлении Всесоюзного творческого совещания, на котором обсуждались задачи художественного радиовещания (8–13 апреля 1934 г.), радио называли «одним из орудий партии по культурному строительству» и призывали «показать борьбу за вторую пятилетку, соцстроительство, разоблачать классовых врагов пролетариата и их пособников, дать образы героев-ударников полей и заводов, биографии крупных борцов за освобождение пролетариата и т. д.», используя различный художественный материал: музыку, очерки, пьесы, фельетоны и т. д.»².

От сотрудников радио стали требовать интерпретацию музыкальных произведений, включая классические, с позиций коммунистической идеологии. Все радиоконцерты предварялись вступительным словом в исполнении диктора или музыковеда, задачей которых было донести до радиослушателя «правильную» идею произведения, указать на тот настрой, который должен создаваться при прослушивании музыки: «Слушателю необходимо указывать на настроения и чувства, которые заложены в данном произведении, вскрыть социальные корни этих чувств и идей...»³.

Не только содержание, но и манеру исполнения определял ритм первых пятилеток. «Пора создать советский стиль исполнения музыкальных произведений, – писал корреспондент Н. – Принять за правило, что тягучесть звука – враг нашего времени; нам нужны бодрые крепкие темпы. В вокальном искусстве доминирующую роль должен играть текст, музыка только иллюстрирует текст. В пении ясно произносить слова, особенно согласные буквы. ...В оркестрах не злоупотреблять вибрациями, которые создают даже у солистов плаксивость»⁴.

В 1935 г. в Приморском радиокомитете был создан симфонический оркестр, собравший лучшие творческие силы Владивостока. На Приморском радио и раньше существовал небольшой штатный ансамбль в составе первой и второй скрипок, виолончели и рояля. Состав нового оркестра был значительно расширен: в него вошли 25 музыкантов. Первым дирижером стал Н. Симонов, а его сын Борис – первой скрипкой. Вместе с оркестром укрепился и расширился хор Приморского радио под руководством Ермолаева, из которого позже вышли солисты-вокалисты высокой квалификации Строганова, Кулакова, Темен, Пущин, Волошинова, Коропотницкая. При радиокомитете работали три пианиста-концертмейстера. Несколько позже был создан и оркестр народных инструментов.

¹ Керженцев П.М. Музыка как фактор воспитания и отдыха // Говорит СССР. 1934. № 9. С. 33.

² О радиофикации и радиовещании. Сб. постановлений. М., 1935. С. 17–23.

³ Керженцев П.М. Музыка как фактор воспитания и отдыха...

⁴ Цит. по: Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. М.: «Классика-XXI», 2010. С. 107.

Академический хор Приморского радиокомитета (фото 1960-х гг.)

Совместно с оркестром под управлением Д. Пекарского, работавшего раньше в театре музыкальной комедии, даже попробовали поставить оперу «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, и это удалось. После этого музыканты осуществили еще несколько оперных постановок, приглашая профессиональных певцов. М. Волошинова вспоминала: «Оперного театра во Владивостоке не было, и радио делало очень большое дело, неся людям высокое искусство и прививая музыкальную культуру. Владивостокцы полюбили наши оперные постановки, а мы старались полнее раскрывать прелесть музыкальных произведений»¹.

В программах музыкального вещания значительное место отводилось просветительским радиопередачам, которые готовились в Москве и рассылались по радиокомитетам краев и областей СССР. Центральное место занимала познавательная программа «Классики мировой музыкальной литературы», рассказывавшая о жизни и творчестве знаменитых русских и европейских композиторов. Популярными были «концерты-беседы» и радиопередачи под названием «В помощь музыкальному самообразованию», в которых говорилось об отдельных музыкальных произведениях. Интерес у радиослушателей вызывали и такие передачи, как «Музыкальный словарь» и «Музыкальный календарь».

13 февраля 1936 г. Всесоюзный радиокомитет провел Первый всесоюзный радиофестиваль, в котором приняли участие творческие коллективы различных регионов СССР. Приморье было представлено корейским хором Приморского радио, художественным руководителем которого был музыкант и композитор Ён Сёнён. Он писал музыку к театральным постановкам корейского театра во Владивостоке и песни, которые пользовались популярностью среди советских корейцев. За участие в радиофестивале и успешную деятельность на Примор-

¹ Волошинова М. Мой второй дом – радио // Немного о радио... С. 29.

ском радио корейский хор был премирован Всесоюзным радиокомитетом поездкой в Москву. В течение трех месяцев коллектив из тридцати участников (14 девушек-хористок, солисты, инструменталисты-аккомпаниаторы и самостоятельные исполнители) подготовил репертуар из 35 произведений. Это были как корейские фольклорные песни, так и современные произведения. Почти половину программы составляли песни, созданные руководителем и дирижером хора Ён Сёнёном. Народные песни исполнялись в сопровождении ансамбля корейских традиционных инструментов, а революционные и современные – под аккомпанемент Ён Сёнёна на рояле. Первое выступление корейского хора на радио в Москве транслировалось через радиостанцию имени Коминтерна по всей стране 3 марта 1937 г.¹

Группа корейского хора Приморского радио (1937 г.)
(Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье.
<http://history.vestiprim.ru/>)

В середине 1930-х гг. художественному вещанию отводилось больше времени, чем всем остальным передачам вместе взятым – 57,1% к общему объему вещания. Помимо трансляции передач из Москвы и Хабаровска (центра Дальневосточного края до 20 октября 1938 г.) Приморское радио передавало ежедневно две литературные передачи и до десяти концертов. Литературной и музыкальной тематикой были пронизаны также детские передачи и национальное вещание.

Нельзя отказать партийным деятелям в стремлении донести литературу, музыку и высокое искусство до широких народных масс. Преследуя собст-

¹ Королева В.А. Корейская музыка в программах национального радиовещания на Дальнем Востоке России в 1926–1937 гг.

венные цели, они добились того, чтобы культурно-просветительской тематикой были охвачены все возрастные категории радиослушателей и жанры радиовещания: новости, интервью, трансляции опер и концертов, образовательные программы, радиобеседы и лекции, художественное чтение, инсценировки литературных произведений, литературно-музыкальные радиокомпозиции и радиоспектакли.

В то же время, наряду с идеологической функцией проводника политики партии и правительства в народные массы, радио успешно выполняло и другую, культурно-просветительскую функцию. Несмотря на то, что жесткая централизация, идеологическое давление и цензурные требования ограничивали инициативу региональных радиокомитетов и творческие возможности радиожурналистов, в 1930-е гг., приобщая советских людей к культурным ценностям, радио стало для них главным источником знаний о культуре и искусстве.

ДАЕШЬ МАССОВУЮ РАДИОФИКАЦИЮ!

В 1935 г. СССР вышел на первое место в Европе по объему вещательной сети – 67 радиостанций с суммарной мощностью свыше 1.600 квт. В историю Приморья этот год вошел как начало массовой радиофикации края. 29 января в пригороде Владивостока было закончено строительство широковещательной радиостанции РВ-32 мощностью 20 киловатт. Передачи из Владивостока стали слышны почти во всех районах края. Одновременно проводилось оборудование мощного радиоузла морфлота, заканчивалась радиофикация территории Владивостокского торгового порта, квартир и общежитий его работников. Вступил в эксплуатацию трансляционный радиоузел на мысе Чуркина.

Фотохроника ТАСС

Если в городах Приморья ситуацию с радиовещанием называли удовлетворительной, то в селах она оставалась плачевной. До многих населенных пунктов радиовещание все еще не дошло, что приводило к информационной изоляции сельских жителей. Осознавая необходимость развития радиосети в деревне, бюро Далькрайкома ВКП(б) приняло решение «обязать управление связи Дальневосточного края довести сеть радиоточек по обслуживанию колхозников до 54 000, оборудовать 14 новых узлов, оборудовать для колхозного слушания радиопередач 102 радиоаудитории и при радиоузлах открыть 15 радиостудий. Предло-

жить краевому комитету радиовещания совместно с КрайЗу (Краевое земельное управление – Н.Х.) организовать радиокурсы по вопросам агротехники и животноводства с охватом ими 10 000 колхозников»¹.

Развитие радио на селе задерживалось из-за технических и кадровых проблем, которые решались с большим трудом. Дальневосточный регион в целом и

¹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 440. Л. 96.

Приморская область в частности являлись самой отдаленной территорией страны. И финансирование, и передовые технологии, в том числе используемые на радио, и материалы для радиофикации поступали сюда с большим опозданием и в недостаточном количестве, составляя лишь незначительную часть требуемых. Связистам не хватало и линейного провода, и материалов для оборудования абонентских радиоточек, и репродукторов, которые в свободную продажу не поступали. Эксплуатация существующих радиоузлов, особенно в отдаленных районах, периодически прерывалась из-за перебоев в энергоснабжении и отсутствия регулярного технического обслуживания. Радиоприемников в магазинах тогда еще также не было, они изготавливались в основном кустарным способом радиолюбителями, поэтому надежда была только на централизованные поставки. «Рекорд» и «Зорька» – так назывались первые советские репродукторы, поступавшие на Дальний Восток. Благодаря им число радиоточек постепенно росло. Статистические данные 1936 г. по восьми районам Приморской области сообщали об уровне радиофикации следующее: радиоточек – 750, в том числе новых – 735¹. К концу 1936 г. в Приморье уже имелось 18 радиотрансляционных узлов, которые обслуживали 8787 радиоточек.

Из воспоминаний А.С. Квача: «В 1935 г., будучи инструктором райземотдела Молотовского (ныне Октябрьского – Н.Х.) райисполкома, я начал вникать в работу местного радиоузла. Там царил полный развал: числились двое работников, не получавших зарплату. Содержать постоянный штат было не на что из-за мизерного дохода, а маленькие доходы были следствием плохой работы. Вскоре нам удалось наладить сносную работу радиоузла, и к концу года число заявок на установку новых радиоточек резко возросло, что увеличило доходы, а значит, и средства на зарплату. В 1936 г. я перешел на постоянную работу на радиоузел. Мы чувствовали, как возрастало значение радио. Началась политическая кампания по принятию советской конституции, и райком партии прекрасно понимал, какое значение имеет радио как средство массовой информации. Мы получали безвозмездно все материально-техническое обеспечение: провода, изоляторы, источники питания, репродукторы, радиооборудование, но в вопросах финансирования оставались на твердом хозрасчете: зарплату могли получать только из собственных доходов, которые зависели от нашей расторопности. Абонентская плата за радиоточку составляла три рубля в месяц, но половину мы отдавали радиокомитету. Для пополнения кассы радиоузла мы занимались ремонтом и зарядкой аккумуляторов для автотранспорта, подачей электроэнергии в клуб, в редакцию газеты.

Первую радиостудию в селе Покровке мы оборудовали исходя из наших познаний, возможностей и фантазии. Задрапированные темно-синим плюшем стены, ковер на полу, большой микрофон ММ-2, патефон, который использовался для музыкального сопровождения местных передач – студия выглядела внушительно и эффектно. Потом таким же образом стали оформлять другие студии Уссурийской области»².

Неудовлетворительным оставалось и качество приемной аппаратуры, поэтому многие радиоузлы находились в самом зачаточном состоянии и работали плохо. Передачи из столицы проходили в районы Приморье зачастую с большими поме-

¹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 518. Л. 30.

² Квач А. К радио относились почтительно // Немного о радио... С. 9.

хами. Иногда слышимость была настолько плохой, что приходилось передачу снимать. Ввиду малой мощности радиостанции Владивостока районным радиокомитетам не возбранялось принимать передачи из Хабаровска: часто их слышимость бывала лучше. Даже после того, как в Лесозаводске построили усилитель в 500 ватт вместо маломощного 30-ваттного, качество приема передач из Владивостока северными районами Приморья оставалось низким, особенно в непогоду, пока в конце 1939 г. не вступила в строй мощная радиостанция РВ-162.

Журнал писал: «Страницы краевых, областных и районных газет пестрят жалобами радиослушателей на скверное качество работы низового вещания, на безобразное состояние проволочной радиосвязи, на плохое обслуживание абонентской точки. В ряде мест слушатели сигнализируют о том, что “радио хрипит, верещит, дребезжит, косноязычит”, что до сих пор не упорядочена работа трансляционной сети. ...Трудящиеся нашей страны хотят быть в курсе всех происходящих событий. Они требуют этого от нашего радиовещания. А радиоузлы в подавляющем большинстве работают из рук вон плохо. Сектору низового вещания Всесоюзного радиокомитета надо всерьез заняться упорядочением работы радиоузлов. Наша трансляционная радиосеть должна быть в образцовом состоянии в дни подготовки и проведения выборов в Верховный Совет»¹.

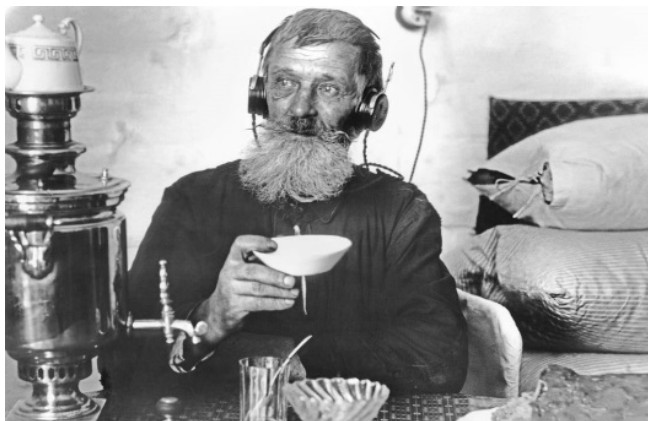
Обложка журнала «Радио всем»

«Виноват и Наркомат связи, который в первую очередь отвечает за организационно-техническое состояние радиоузлов; виноват и Всесоюзный радиоко-

¹ Навести большевистский порядок на радиоузлах // Радиофронт. 1937. № 18 (сент.). С. 7.

митет, который до сих пор еще не возглавил по-большевистски работу своих уполномоченных в районах, не подумал о координации руководства радиоузлами многочисленными организациями и ведомствами, в ведении которых эти узлы находятся, не поинтересовался работой крайпотребсоюзов, которые обязаны завезти на места радиодетали и материалы, необходимые для ремонта молчащих радиоустановок. Прделанная Всесоюзным радиокомитетом работа по наведению большевистского порядка в радиовещании еще далеко недостаточна....Очищение радиовещания от вражеской агентуры, от чуждых и негодных элементов есть самая неотложная задача, которая требует скорейшего разрешения»¹.

Радио быстро завоевывало популярность у населения края. Плохая транспортная связь между селами и нерегулярная доставка почты, невысокий образовательный уровень населения делали радио и самым доступным средством информации, и источником новых знаний, и основным видом досуга, особенно у сельских жителей. «Мои односельчане относились к радио весьма почтительно, – вспоминал А.С. Квач. – Не могу вспоминать без улыбки двух стариков, у которых я жил на квартире и, естественно, установил радиоточку. Мои хозяева восприняли радио с большим интересом. К 18 часам, времени начала передач, старик старался закончить все свои дела и приступал к слушанию радио, предварительно умывшись, надев чистую рубашку и расчесав бороду. Это превратилось в некий ритуал. Если не было неотложных дел, он скрупулезно прослушивал весь цикл радиопередач – от последних известий до концерта легкой музыки, который обычно начинался в 22 часа. Вскоре он уже хорошо знал многие оперные партии, любил слушать выступления Краснознаменного ансамбля. Старушка же предпочитала пение Барсовой, Неждановой, Обуховой. Глубокое восприятие классической музыки простыми людьми поразило меня и заставило самого более вдумчиво прислушиваться к классическим произведениям»².

Почтовая карточка

Со второй половине 1930-х гг. жизнь на Дальнем Востоке стала тревожной. Многочисленные провокации на советско-китайской границе, вооруженные

¹ Радио – на службу большевистской агитации // Радиофронт. 1937. № 18 (сент.). С. 3–4.

² Квач А. К радио относились почтительно // Немного о радио... С. 9.

столкновения с японцами у озера Хасан и на Халкин-Голе все чаще и чаще заставляли приморцев вслушиваться в информационные сообщения: что нового принесут они. Все говорило о неизбежности войны. Именно с этим периодом связано запрещение радиолюбительства. Если до этого население могло свободно пользоваться радиоприемниками, то с ухудшением международной обстановки радиолюбительство оказалось под запретом сначала в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а затем и по всей стране. У частных лиц и организаций были изъяты все радиоприемные устройства, чтобы исключить прием нежелательной информации. Кроме того считалось, что радиоприемники можно легко переоборудовать в передатчики для использования шпионами и диверсантами. Пользоваться приемниками разрешили только партийным комитетам, начиная с районных. Как вспоминают очевидцы, к 1939 г. центральный склад краевого управления связи оказался полностью забит конфискованными приемниками. Радиотехники их разбирали на запчасти, а наиболее ценные откладывали. В начале войны их проверили, отремонтировали те, что нуждались в ремонте, и отправили на фронт¹.

У населения единственной возможностью слушать радио оставались радиотрансляционные точки, то есть репродукторы (или громкоговорители), установленные по месту жительства, на предприятиях и в организациях. В 1938–40 гг. были введены в эксплуатацию три новых радиообъекта: вещательная радиостанция «Тавричанка» мощностью 150 квт, приемный центр на 14 км во Владивостоке и радиостудийный комплекс в центре Владивостока – на ул. Суйфунской (ныне ул. Уборевича). В этом здании разместились три вещательные студии, оборудованные по последнему слову техники, в том числе одна большая площадью 170 кв. м. Если раньше городской радиоузел ретранслировал московские передачи, принимаемые из Хабаровска, то теперь появилась возможность принимать программы Всесоюзного радио напрямую.

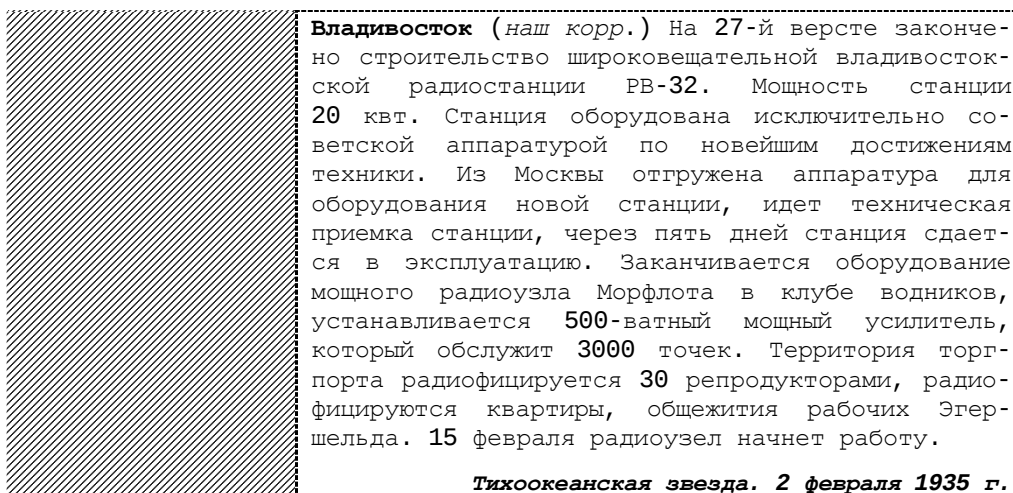
Строительство радиостудийного комплекса
на ул. Суйфунской (ныне ул. Уборевича) (Владивосток,
1937 г.) (с 1956 г. – здание студии телевидения)

В апреле 1939 г. в связи с разделением Дальневосточного края на Приморский и Хабаровский края областной радиокomitee был переименован в краевой,

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Письмо П.Е. Малинина. г. Рига. 1980 г.

в Уссурийске образован областной радиокomiteт, а в 12 районах края созданы радиоредакции, которые не только транслировали московские и владивостокские передачи, но и начали организовывать собственное вещание. В штате городских радиоредакций работали по пять сотрудников, сельских – по три человека. Связь с радиоредакциями на местах осуществлял отдел низового радиовещания, созданный в Приморском радиокomiteте.

К 1940 г. большинство районов Приморья были радиофицированы. В крае работало свыше 70 радиоузлов, не считая ведомственных. Количество радиоточек у приморцев превышало 31 тыс., в том числе только во Владивостоке их насчитывалось 11 тыс., и заказы на их установку поступали ежедневно. Для сравнения: во всем Хабаровском крае число радиоточек едва превысило 7 тыс.¹ Перед самой войной Владивосток получил мощную усилительную радиотрансляционную станцию, одну из пяти первых подобных в стране, две подстанции, на Первой Речке и мысе Чуркина, общей мощностью 6 тыс. ватт и 120 уличных громкоговорителей². К этому времени объем вещания достиг 13 часов, из которых 10 часов приходилось на собственные передачи, а три – на трансляции из Москвы.

¹ Волынец А. Голос Дальнего Востока. Как начиналось Дальневосточное радиовещание // Информационный портал DV.LAND [Электр. ресурс]. URL: <http://dv.land/history/radiogolos-dalnego-vostoka> (дата обращения: 12.05.2018).

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Письмо П.Е. Малинина. г. Рига. 1980 г.

РАДИО СЛУШАЛИ ВСЕ. ПРИМОРСКОЕ РАДИО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Роль радио еще больше возросла в годы Великой Отечественной войны. Обо всех важнейших событиях на фронте, в тылу, в нашей стране и за рубежом приморцы узнавали прежде всего по радио. Краевым радиокомитетом в то время руководил Михаил Федорович Залевский. Его заместителем был Тимофей Ефимович Клейман, возглавлявший и партийную организацию радиокомитета. Война потребовала коренной перестройки радиовещания применительно к условиям военного времени. Оно стало отличаться особой оперативностью. Ровно в полночь, уже через два часа после того, как прозвучало сообщение из Москвы о начале войны, приморское радио стало транслировать общегородской митинг трудящихся Владивостока. Как сообщали очевидцы, результат этого радиомитинга сказался немедленно: многие тут же, ночью, отправились в военкомат с просьбой оправить их на фронт добровольцами.

М.Ф. Залевский (около 1950 г.)

Важнейшие события военного времени сразу же становились известными всему населению края, а радио в военные годы регулярно слушали все приморцы. Все передачи были подчинены одной цели – всемерной помощи фронту, мобилизации приморцев на разгром врага. Основными передачами стали те, в которых рассказывалось о том, что происходит на фронте, и о том, как в Приморье претворяется в жизнь лозунг «Все для фронта, все для победы». Для этого был значительно увеличен объем общественно-политического вещания. Ежедневно по Приморскому радио шло до 15 передач на политические темы, в том числе пять выпусков

«Последних известий» по материалам Советского информбюро и ТАСС, краевые и городские выпуски новостей, красноармейские и краснофлотские извест-

тия, выступления партийных и советских работников городского и краевого уровней на важнейшие темы дня. Часто звучали сообщения «В последний час».

Только за первый год войны в краевых и городских известиях было передано около 10 тыс. информации оперативного характера о важнейших событиях в жизни края, прошло свыше 50 внестудийных передач с промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Из Москвы ежедневно транслировались важнейшие общественно-политические передачи: выпуски «Последних известий» (до семи в день), передовые статьи «Правды» и материалы других центральных газет.

Сетка общественно-политических передач Приморского радио в конце 1941 г. выглядела следующим образом:

6.30 – 7.00 – последние известия из Москвы.

7.45 – 8.00 – последние известия и передовая «Правды»

8.30 – 8.45 – последние известия из Москвы.

12.00 – 12.15 – материалы краевой газеты «Красное знамя».

12.40 – 12.55 – последние известия

13.10 – 13.25 – статьи, беседы, корреспонденции с фронтов Великой Отечественной войны.

14.00 – 14.20 – последние известия из Москвы.

17.00 – 17.15 – последние известия.

17.30 – 17.45 – статьи, беседы, корреспонденции.

18.00 – 18.15 – последние известия.

18.45 – 19.00 – краевые известия.

19.00 – 19.10 – последние известия из Москвы.

21.00 – 21.15 – последние известия из Москвы.

21.30 – 21.40 – городские известия (по Владивостоку).

23.15 – 23.30 – статьи, беседы.

23.30 – 23.50 – последние известия из Москвы.

24.00 – 00.15 – последние известия из Москвы.

«Тяжело было читать сводки Совинформбюро, – вспоминала старший диктор Приморского радио Евгения Антоновна Лихачева, Заслуженный работник культуры РСФСР (1971 г.) – Мы заступали на круглосуточное дежурство и чувствовали большую ответственность. Все дикторы Приморского радио, работавшие в военные годы – Вячеслав Соболев, Семен Кан, Софья Сарычева, Ольга Смирнова, Марина Антипина, – достойно выполнили свой гражданский долг, многие были награждены медалями “За доблестный труд в годы войны”¹.

Сотрудники радиокомитетов, во Владивостоке и Уссурийске, и низовых радиоредакций широко и оперативно освещали все политические и хозяйственные мероприятия военного времени. Наряду с новостями они готовили и аналитические материалы: что означает одна минута для торгового порта или сахарного комбината, как добиваются повышения производительности труда в локомотивном депо. Журналисты рассказывали в репортажах о сборе зимней одежды для бойцов действующей армии и запчастей для тракторов, о создании народного фронта обороны и т.д. При помощи радио крепла и связь тыла с фронтом: дикторы систематически читали как письма с фронта, так и строки поддержки, адресованные воинам. После выхода в свет постановления Государственного комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан

¹ Немного о радио С. 50.

СССР» (19 сентября 1941 г.) по радио стали обсуждать вопросы, связанные с военным обучением местного населения, противовоздушной обороной, химической защитой.

Если в начале войны редакция оборонного вещания в составе одного редактора входила в редакцию «Последних известий», то с октября 1943 г. была создана самостоятельная военная редакция, а в сетке вещания появились передачи для воинов армии и флота. Политуправление Тихоокеанского флота прикомандировало к этой редакции двух кадровых военных. Ежедневно они выпускали по три передачи: красноармейские и краснофлотские новости, статьи и выступления пропагандистского характера, обзор газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта». Кроме того, по выходным дням выходил красноармейский и краснофлотский «Радиочас».

При этом регулярно готовились радиопередачи для моряков, молодежи, жителей села, продолжалось художественное вещание, которое также было подчинено задачам военного времени. О направленности литературно-художественных передач говорят их названия: «Герои земли русской», «Сталинские соколы», «Русские богатыри», «Подвиги смелых», «Поле русской славы», «В бой, славяне!» Чаще всего художественные передачи представляли собой монтаж из стихотворений и музыкальных номеров. Чтобы знакомить приморцев с новинками литературы, с апреля 1943 г. был введен цикл «Критика и библиография» (всего в нем вышло двадцать передач). Наряду с передачами, получаемыми из Москвы, Приморское радио передавало и сообщения о творчестве местных поэтов и писателей.

Несмотря на то, что постоянной драматической группы в штате Приморского радио не существовало, здесь в годы войны смогли осуществить немало постановок о героическом прошлом русского народа и пьес на антифашистские темы. В 1943 г., например, по радио прозвучали драматическая поэма П. Антокольского «Чкалов», написанная в 1942 г., радиопостановки «Жди меня» по К. Симонову, «Синий платочек» по В. Катаеву, «Генерал Брусилов» по И. Сельвинскому. Не была забыта и классика, наряду с произведениями на патриотическую тему на радио ставились пьесы А. Островского, А. Чехова, И. Тургенева, А. Толстого, Б. Шоу, Г. Шиллера. Единственным артистом в коллективе того времени оставался В.И. Ромашов, прекрасный чтец, он же выступал и режиссером всех постановок. Для участия в них привлекали коллективы местных театров – краевого драматического имени М. Горького, театра Тихоокеанского флота, а также приезжих артистов.

Военные годы – особая страница в истории оркестра Приморского радио. В первые годы в его составе преобладали музыканты-мужчины, многие из которых в 1941 г. ушли на фронт. Состав оркестра в годы войны значительно сократился, но он продолжал работать, выступая в госпиталях, воинских частях и флотских подразделениях. Давал оркестр и концерты, все сборы от которых шли в Фонд обороны.

При радиокомитете был образован детский ансамбль песни и художественного чтения, осуществивший несколько постановок. В течение всех военных лет ежедневно звучала «Пионерская зорька», выходили передачи «Жизнь школы» и «Дед Всевед и любознательки» (для дошкольников и младших школьников). Как и до войны, по радио выступали коллективы художественной самодеятельности детских садов и школ. Одной из лучших передач 1943 г. была признана внесту-

дийная из Дома пионеров и школьников во Владивостоке, где на новогодней елке с детьми встретились Дед Всевед и его внучка.

Радиоконцерт. Певица М.М. Волошинова и пианистка Кизеветтер (1945 г.)

Музыкальное вещание (ответственный редактор И.О. Шинкаренко) готовило в день до 15 концертов из циклов «Советские композиторы», «Великие русские композиторы», «Русская народная песня», «Лауреаты Сталинской премии», «История русского романса», «Легкая музыка», «Музыка народов Союза ССР» и др. В декабре 1943 г. при радиокомитете был создан джаз-ансамбль. Творческие коллективы Приморского радио давали много открытых шефских концертов и для сбора средств в Фонд обороны. Первый большой концерт, в котором участвовали все творческие коллективы радио, был организован 6 октября 1941 г. в драматическом театре имени М. Горького

Отдел низового радиовещания Приморского радиокомитета поддерживал постоянную связь с городскими и районными радиоредакциями. В 1943–45 гг. им руководил будущий писатель Михаил Николаевич Самунин (1907–1974). Окончив заочно вечерний литературный университет им. Горького, он был корреспондентом в газете «Ижорец», пока в 1941 г. не уехал по оргнабору на Дальний Восток и стал работать в «Дальстрое». Оттуда его и перевели в 1943 г. в Приморский радиокомитет¹.

Ежедневно в определенные часы в районы из Владивостока передавались специально подготовленные сводки новостей, которые местные радиоредакции затем повторяли два–три раза в день, и другие материалы, призванные мобилизовать народ на борьбу с фашизмом. При поддержке краевого радиокомитета местные радиоредакции выступили организаторами ряда общественно-политических кампаний: по привлечению женщин и подростков на производство вместо ушедших на фронт мужчин, сбору металлолома, теплой одежды, обуви и белья для бойцов Красной Армии, средств в Фонд обороны, подарков бойцам Ленинградского фронта. Не забывали и коллег, ушедших на фронт. Г.И. Громов, работавший до войны диктором, вспоминал, какую радость доста-

¹ С организацией в 1945 г. во Владивостоке книжного издательства (Примиздат) М.Н. Самунин назначен его главным редактором (1945–49 гг.).

вила ему посылка от работников Приморского радио, нашедшая его в саратовском госпитале.

За годы войны все работники радиокомитетов, краевого во Владивостоке и областного в Уссурийске, работали, как и все приморцы, не считаясь со временем, преодолевая усталость и недоедание. Санитарные дружины краевого радиокомитета, которыми руководила Антонина Ричардовна Шинкаренко, несли круглосуточные дежурства, как на любом предприятии. Такая же ситуация наблюдалась в городских и районных радиоредакциях, которые в военные годы имелись в 25 населенных пунктах края. Второе место после Владивостока по объему вещания занимало радио в Уссурийске: передачи велись 2,5 часа в день силами редакций общественного вещания, городских известий, музыкальной и литературной.

К этому периоду относятся воспоминания Зои Алексеевны Леоновой, которая пришла на должность литературного сотрудника Уссурийского радио в 1942 г. сразу же после окончания школы-десятилетки. «Все работали напряженно, без выходных. Как самая молодая в коллективе, я с самого утра, как ищейка, бегала по городу в поисках новостей, а вечером уже рассказывала в эфире о том, что на каком-то заводе открылся новый цех, на масложиркомбинате выпустили много сверхплановой продукции, а какой-то машинист провел тяжелогруженный состав».

Зое Алексеевне было приятно вспомнить, что многие ее корреспонденции повторялись потом по краевому радио. «А сколько очерков я написала! – добавляет она. – О токарях, слесарях, механиках. Я знала весь город, и весь город знал меня. Только после войны мы узнали, что бывают отпуска и выходные, а тогда о них даже не думали. Но мы получали паек хороший – по литеру “А” – там хлеб был, масло, кусочек сыра, соль, спички. Так что благодаря работе на радио удалось поддерживать семью. А опыт, полученный за годы войны, очень пригодился в дальнейшей работе»¹.

Единственным мужчиной в коллективе Уссурийского областного радиокомитета в военное время был старенький истопник. Когда он умер, женщинам пришлось самим топить печи. Вечером кто-то один оставался на дежурство, протапливал все печи, закрывал трубы и только тогда мог идти домой. Обычно это было около 2 часов ночи. Время от времени сотрудницы ездили на шахту за углем: сами грузили топливо, а потом разгружали его во дворе радиокомитета. На трудности никто не жаловался, все работали с энтузиазмом, самозабвенно.

Нелегко приходилось и техническим работникам. К концу войны в крае работало свыше ста радиоузлов, не считая военных. Радиоредакции, имевшие собственное вещание, были созданы в 25 районах края. Количество радиоточек в городах и районах края возросло по сравнению с 1940 г. в два раза. Количество заявок от приморцев на оборудование радиоточки значительно возросло, но связисты не могли их выполнить из-за отсутствия репродукторов. Хотя электропромышленность СССР продолжала в годы войны выпускать громкоговорители пьезоэлектрического типа, до Дальнего Востока они не доходили. Небольшие довоенные запасы, остававшиеся в распоряжении связистов, старались устанавливать в клубах, красных уголках, общежитиях.

В военное время ухудшилось электроснабжение, а для собственных электроустановок не хватало горючего. Проявляя инициативу, в районных радиоуз-

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания З.А. Леоновой. Уссурийск, 2001.

лах стали применять газогенераторы, а для вращения динамо-машин использовать лошадей. В отдаленных селах, куда проводное вещание еще не дошло, для радиопередач использовали телефонные провода. В каждом селе имелся хотя бы один телефон – в конторе или сельсовете. Ежедневно в 19 час. все разговоры по телефону прекращались на 15 минут, чтобы транслировать новости из Москвы. Несмотря на технические трудности, радиостроительство не остановилось и в военные годы. В 1944–1945 гг. радиоузел был установлен в районах, созданных в Приморье перед войной: Пожарском, Соколовском (ныне Лазовский), Будёновском (затем Партизанский)¹.

Т.Е. Клейман, заместитель председателя Приморского радиокомитета, и Ю. Тарнава (справа), редактор «Последних известий» (1942 г.)

Всем сотрудникам радио пришлось научиться работать при несравненно меньших силах, когда с уходом на фронт мужчин нагрузка на оставшихся работников значительно возросла. В 1943 г. в редакции «Последних известий» краевого радио, например, работали четыре человека вместо восьми, а в редакции пропаганды – двое, причем, во втором полугодии с этими обязанностями пришлось справляться одному редактору. Сельскохозяйственной редакцией руководила Аглая Суроедина, которая начала сотрудничать с краевым радио еще в 1935 г., будучи корреспондентом «Красного знамени» по Партизанскому и Шкотовскому районам, и окончательно перешла на штатную должность в 1943 г.

«Приморское радио, – писала она в воспоминаниях, – ощущало большую потребность в сотрудниках после того, как на фронт ушли и не вернулись замечательные люди – поэты Вячеслав Афанасьев, Георгий Корешов, Александр Никулин. Живые должны были встать на место павших. Нагрузка была огромной. Мы выпускали четыре–пять местных передач в неделю от 10 до 20 минут каждая плюс готовили к эфиру материалы Всесоюзного радио. Журналисты шли в заводские цеха, на суда морского пароходства, к рыбакам, на колхозные поля и фермы. Мы искали новые формы подачи материала, старались сделать его свежим, доходчивым, привлекать к микрофону людей, своими руками создающих материальные ценности, тех, кто жил и работал по главному принципу того вре-

¹ Квач А. К радио относились почтительно // Немного о радио... С. 10.

мени – “Все для фронта, все для победы”. Удавалось далеко не все, проскальзывали серые страницы, ненужное обилие цифр. Летучки наши проходили бурно, до истины доходили в спорах»¹.

Для выступлений по радио широко привлекались передовики промышленности и сельского хозяйства. Выступать по радио считалось большой честью, и люди сами охотно приходили в редакцию. С декабря 1941 г. к микрофону стали приглашать участников войны, прибывших с фронта после ранения. Только в первый год войны у микрофона Приморского радио выступили более 70 человек.

Однажды З.А. Леоновой поручили встретиться с фронтовиком Драгуновым, вернувшимся в Уссурийск после лечения в госпитале, и пригласить его в радиокomitee, чтобы он выступил у микрофона и рассказал о положении на фронте. В назначенный час девушка зашла за ним, чтобы привести на радио. У бойца не было ноги, и он ходил на костылях. Дело было зимой, автобусы не ходили, а на пути, как на грех, попался овраг с мостиком, с которого жители разобрали все доски на топливо, – человеку с костылями никак не пройти. Времени до передачи – в обрез, а Зоя с фронтовиком стоят у оврага и не знают, что делать. Хорошо, машина рядом проходила. Девушка бегом к ней, попросила водителя перевезти своего спутника. Фронтовик выступил по радио успешно, а водитель догадливым оказался: подождал его и отвез обратно домой.

К 1945 г. Приморским радио было подготовлено 2088 общественно-политических передач, у микрофона выступили 839 человек, передано 10 265 корреспонденций и других материалов местных авторов. В условиях полного отсутствия у населения радиоприемников и, как следствие, альтернативного источника информации, Радиокomitee являлся монопольным распространителем новостей о положении на фронтах и в тылу. За содержанием материалов зорко следили цензурные органы. Существовало множество запретов. Фронтовику, вернувшемуся с поля боя, нельзя было говорить о численном превосходстве немцев на каком-то участке, одобрительно отзываться об их действиях или оружии и, напротив, выявлять недостатки в оснащении или действиях советских воинов.

Материалы Совинформбюро, читаемые по радио, всегда выдерживались в едином ключе, когда вся информация рассматривалась в соответствии с главной пропагандистской задачей. Реальные факты поэтому часто приукрашивались, а то и грубо искажались. Недоверие к сообщениям, передаваемым по радио, хорошо прослеживается по дневниковым записям 1941 г. академика В.И. Вернадского.

«17 августа. Воскресенье.

...Привезенные из Москвы впечатления: непрерывное, хотя и медленное движение немцев, особенно оставление Смоленска – и, надо сказать, бездарно составленная информация «по» радио, письма – явно увеличили тревогу за ближайшее будущее. А между тем я по-прежнему считаю гибель гитлеровской Германии неизбежной – и, вероятно, являюсь наибольшим оптимистом.

1 сентября, понедельник

Радио и официальная информация все больше не удовлетворяют: поразительна бездарность советского аппарата. Население совершенно не понимает, что происходит.

¹ Суроедина А. Переплелись передачи, люди жизнь // Немного о радио. ... С. 31.

Для меня ясно, что теоретически – раз не было измены и нет внутри страны движения против правительства – можно понять происходящее только лучшим вооружением противника (например, сверхтанки у Гитлера) и слабостью нашего Генерального штаба сравнительно с немецким. Мне кажется, патриотизм, мужество, авиация – на нашей стороне. Теоретически гитлеровская авантюра должна кончиться для него катастрофой.

Отчего оставлены Екатеринославль, Одесса и т.п.? Отчего инициатива все время в руках немцев? Что будет через месяц? Я думал, что война кончится к зиме. Теперь появляются опасения.

13 сентября. Суббота. Боровое.

Оставление Чернигова. Сводки все больше возбуждают недоумений. Никаких сведений о боях (“Бои на всем фронте”) – и в то же время постоянные “отступления”. Сводки наполнены партизанами, где, возможно, много выдуманного. В то же время ополченцы уже в бою. Где войска? Опять растут зловещие слухи...

6 октября. Понедельник.

После оставления Киева и взятия Полтавы резко изменилось настроение. Многие не верят известиям; радио – бездарное и часто глупое – говорит о мелочах, когда ждут точных данных; его начинают менее слушать.

2 ноября. Воскресенье.

Сейчас мы не знаем всего происходящего. Информация делается так, чтобы население не могло понять положения. Слухи вскрывают иное, чем слова и правительственные толкования»¹.

«Хорошо запомнились передачи последнего периода Великой Отечественной войны, с начала 1945 г. – рассказывал А.С. Квач. – Почти каждый день радио сообщало о взятии нашей армией новых городов. Информационные сообщения шли краткие, бодрые, а музыка все больше звучала веселая. Наконец, в 10 часов утра 9 мая прозвучали торжественные слова Юрия Левитана – Победа! Нас, технических работников, срочно собрали в радиоузел для организации трансляции праздничного митинга на Вокзальной площади Владивостока».

«Радио звучало в каждом доме с утра до вечера, потому и в жизни моей оно появилось как ежеминутная необходимость и в душе незаметно свило гнездо естественно и прочно, – вспоминает Людмила Викторовна Моисеева, работавшая на Приморском радио с перерывами в 1967–1993 гг. – В последний военный год мне, очевидно, не давали покоя лавры Левитана, потому что я открывала в комнате форточку, вставала перед ней и с выражением громко читала “От Советского информбюро”. Новости были победные, и мне хотелось поделиться ими (с третьего этажа) со всеми. В тот же год я пошла в школу»².

В мае 1945 г. «учитывая важнейшую роль радио в культурной и политической жизни населения и для обороны страны, в целях популяризации достижений отечественной науки и техники в области радио и поощрения радиолюбительства среди широких слоев населения» правительство установило новый ежегодный праздник – День радио (7 мая). По этому случаю во владивостокском

¹ Вернадский В.И. «Коренные изменения неизбежны»: Дневник 1941 г. Электр. ресурс: Литмир.: Электр. библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=129849&p=1> (дата обращения: 12.02.2019).

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.В. Моисеевой. 2019 г. (Рукопись).

Клубе связи была организована краевая радиовыставка, а в театре имени М. Горького прошло торжественное собрание, организованное краевым управлением связи, Приморским радиокомитетом и командованием Тихоокеанского флота. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. определил постройку новых радиовещательных станций и увеличение радиоприемной сети по сравнению с довоенной на 75%¹.

Возродили после войны и радиолубительство, признав его резервом для укрепления обороноспособности и повышения технической грамотности населения. Еще до окончания войны, в марте 1945 г., СНК СССР объявил о возврате населению, учреждениям и предприятиям изъятых радиоприемников. «Радиолубительство, – говорилось 14 декабря 1945 г. на заседании оргбюро Всесоюзного научно-технического общества радиотехники и электросвязи, – способствует повышению общей технической культуры советских людей, подготавливает ценные кадры для наших вооруженных сил, радиопромышленности, радиосвязи и радиофикации страны. Оно является также базой для проведения массовых научных экспериментов и активно помогает дальнейшему прогрессу радиотехники. Прерванное войной радиолубительство теперь, в период мирного строительства, имеет все условия для своего успешного развития»².

Военные годы показали, что радио заняло прочное место в жизни людей. С января 1926 г., времени возникновения системы радиовещания в Приморье, ее информационный, технический и творческий потенциал был использован с наибольшей эффективностью. Несмотря на то, что преобладающая часть радиосигнала распространялась в этот период посредством проводного вещания, полностью контролируемого государством, радиоточки-громкоговорители стали важнейшим средством информации. Учреждение в мае 1945 г. нового ежегодного праздника, Дня радио, свидетельствует о признании государством огромной роли радиовещания в общественно-политической жизни страны, которое наиболее ярко проявилось в военные годы.

¹ 7 Мая – День радио // Радио. 1946. № 1. С. 1.

² Протокол заседания оргбюро Всесоюзного научно-технического общества радиотехники и электросвязи (14 декабря 1945 г.). ГАРФ. Ф. Р-5587. Оп. 22. Д. 1. Л. 2.

НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ

После окончания войны радиовещание в Приморье стало развиваться гораздо более быстрыми темпами. Уже в 1947 г. в крае насчитывалось 206 радиоузлов, а их мощность по сравнению с 1940 г. увеличилась в три раза. Значительно вырос и объем вещания: ежедневно Приморское радио занимало в эфире 15–16 часов, из которых свыше 10 часов приходилось на местное вещание. Не случайно Приморский радиокomitee считался одним из крупнейших в стране. Однако уровень радиофикации сел все еще отставал от городского. Многие отдаленные села по-прежнему оставались без радио из-за слабости материальной базы предприятий Наркомата связи. Ситуация стала улучшаться лишь после 1950 г. Это можно считать результатом выхода в свет постановления Совета Министров СССР «О мерах по улучшению радиофикации СССР» (ноябрь 1949 г.), в котором предписывалось «считать радиофикацию села важнейшей задачей» и сообщалось о пересмотре экономической стороны радиостроительства. Отныне основные затраты по радиофикации сельской местности возлагались на колхозы. Поначалу расчет был на добровольное участие, но в 1954 г. привлечение села к финансированию радиофикации стало обязательным. Это позволило государству значительно ускорить этот процесс, не отвлекая финансовые средства от восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Весомое значение имело и то, что в ходе послевоенных восстановительных работ возобновилась работа заводов, выпускавших радиотехническое оборудование. Стало оно поступать и в Приморье.

Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению центрального радиовещания» (25 января 1947 г.) ужесточило требования к радио как средству агитации и пропаганды. Оно призывало радийщиков отказаться от газетных форм и методов работы, популярных на заре радиовещания, когда при отсутствии специальных технических средств радио использовало в основном печатные тексты, подготовленные по законам газеты. Выполнить указание партии позволило повышение технического уровня местных радиокomiteeтов и появление звукозаписывающей аппаратуры. Сначала на Приморском радио появился магнитофон, полученный из Берлинского дома звукозаписи. Был он тяжелым, 70 кг, и предназначался исключительно для студийных записей. Оттуда же пришел и другой аппарат, тонфоль, – для записи на пластинки. Работал на нем звукооператор Андрей Бурдин. По инициативе начальника музея Тихоокеанского флота Бориса Александровича Сушкова он записал голоса известных в Приморье людей: участников Гражданской войны, ученых, военачальников и др. В последующем эти уникальные записи хранились в архиве музея Тихоокеанского флота, а в выпусках местных новостей с этого времени стали звучать голоса приморцев.

Первый легковой автомобиль Радиокomiteта – «Победа»
для председателя (ноябрь 1955 г.)

Первые внестудийные записи на Приморском радио стали делать еще до войны, и возможности для этого постепенно расширялись. В июне 1948 г. Приморский радиокomiteт получил отечественную технику – магнитофон МАГ-2А. Он состоял из динамика весом 15 кг, звукозаписывающего устройства (50 кг) и 10-килограммового выпрямителя. Первой магнитофон стала использовать редакция «Последних известий», где в том же году создали информационную программу «Советское Приморье». Ее организатором и первым редактором был Г.И. Громов, перешедший после войны на журналистскую работу и ставший инициатором прямого репортажа, не подготовленного заранее.

Андрей Никифорович Бурдюг, первый
техник звукозаписи (начало 1950-х гг.)

«Управлять аппаратом было несложно, – вспоминал он, – поэтому мы с редактором Георгием Малаховым решили поехать на первый репортаж без оператора. О репортаже Малахов договорился с аэродромом метеослужбы. Туда мы добирались на поезде, а потом пешком. Сначала все шло хорошо: бобины крутились, стрелка индикатора записи колебалась. Вдруг бобины почему-то стали крутиться в другую сторону, сбрасывая пленку. Мучились мы часа три. Наконец, покрутив чего-то внутри аппарата, мы добились, чтобы он заработал. Правда, без воспроизведения. Так что записали репортаж “втемную”. Вернулись в студию уже ночью, но решили все же проверить, удалось ли нам записать хоть что-нибудь.

Включаем – и слышим мужские голоса, выражающие крепкими словами свое отношение к дрянной технике. Записались, к счастью, и голоса летчиков»¹.

К первым прямым репортажам Громов относит и репортаж с высоты 300 м, прозвучавший в эфире 1 мая 1948 г. «Приближался Первомайский праздник, – вспоминал он, – и мы раздумывали, что бы такое сделать, чтобы Первомайский репортаж получился необычным и интересным. Константину Селезневу, заместителю председателя радиокомитета, пришла идея провести репортаж с самолета: корреспондент будет рассказывать о том, что он видит с высоты трехсот метров. Осуществить задуманное взялся редактор “Последних известий” Борис Ничипирович. Разработали схему: вести репортаж через рацию на самолете с подачей на аппаратную вещания, а оттуда – в эфир. Самолет “У-2” нам предоставили военные, и радиосвязь обеспечивали как наши, так и военные связисты. Репортаж, действительно, получился эффектным. В Первомайское утро точно по графику над городом показался самолет, шел он на высоте 300 м. И вдруг в динамиках на улицах, где шли колонны демонстрантов, зазвучал голос Ничипировича: “Внимание, говорит Владивосток! С борта самолета я вижу, в каком праздничном убранстве находится наш город”. Реакция людей была потрясающей: все махали руками, флагами. Это был настоящий контакт репортера и радиослушателя. Репортаж длится десять минут. Самолет скрылся за горизонтом, а мы долго еще не могли прийти в себя от волнения. С тех пор мы старались в каждый праздничный репортаж включать такие неожиданные моменты»².

Сотрудники Приморского радиокомитета. В первом ряду второй слева – К.Е. Селезнев, затем Т.Е. Клейман, З.Ф. Первушина, неизвестный, Г.И. Громов. (1947 г.)
(Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

После выхода в свет постановления «О мерах по улучшению центрального радиовещания» Москва стала еще больше контролировать деятельность местных радиокомитетов. Ведущую позицию в сетке радиовещания заняли передачи

¹ Громов Г. Как набивать матрасы морской водой // Немного о радио С. 24.

² Там же.

Всесоюзного радио. Они выходили в эфир двумя крупными блоками: утром и в дневное время. Как и в годы войны, большое внимание уделялось оперативной информации. По радио ежедневно передавались 12 выпусков «Последних известий» и три обзора центральных газет. По воскресеньям регулярно выходила 30-минутная передача «Новости недели». Местному вещанию выделялось вечернее время, но и тогда звучали передачи, которые готовили в Москве и рассылали по региональным радиокомитетам.

В выпусках новостей и других передачах велась пропаганда передового опыта, популяризация социалистического соревнования. В 1951 г. редакция промышленных передач организовала несколько новых циклов: «Дневник социалистического соревнования», «За массовое новаторство», «На темы дня», в которых рассказывали об опыте лучших предприятий, передовых методах труда, эффективном использовании производственных площадей и оборудования. Радио стало трибуной для распространения многих починов: за досрочное выполнение пятилетки («Пятилетку – в четыре года!»), мобилизацию внутренних ресурсов и экономию, внедрение в производство передовых методов.

Следующим видом звукозаписывающей техники на Приморском радио стал магнитофон «Днепр», весивший около 25 кг. Его начали выпускать в 1947 г. как бытовой магнитофон, но из-за высокой стоимости позволить себе этот аппарат могли в основном организации. В радиокомитете к этому времени появилась машина, «полуторка», но она была единственным транспортным средством, и ее использовали исключительно для командировок. На записи в городской черте корреспондентам приходилось носить «Днепр» самим.

В 1958 г. журналисты получили куда более легкий и удобный для переноски магнитофон новой модификации, «Днепр-8» весом не более 5 кг. Аппарат производил запись на кассету, которая вращалась с помощью пружины. Ее надо было заводить, как у патефона, ручкой. Завода хватало всего на пять минут, но аппарат можно было заводить, не останавливая ленту. Эти магнитофоны прослужили недолго, так как запчасти для них во Владивосток не поступали. К тому же журналисты быстро заметили каверзную особенность этого аппарата: бывало, пружина лопалась, и магнитофон разлетался на куски. Так произошло однажды у Сергея Левина, готовившего репортаж с соревнований пожарных. Вдруг во время записи раздался негромкий хлопок, и глазам изумленной публики предстал журналист, у которого в руках осталась только ручка от аппарата.

Одним из первых журналистов радиокомитета, кто получил чудо техники тех лет, 7-килограммовый магнитофон «Репортер-2», был собкор Приморского радио в Лесозаводске Леонид Семенович Кишиневский. «Пришел я как-то к бывшему председателю колхоза имени Дзержинского Мухину, вспоминал он, – и выставил перед ним перед ним свой ящик с микрофоном. Он не понял, что к чему, и наговорил, все, что накопело, не стесняясь, в крутых оценках и крепких выражениях. Я записал этот крик души, а потом и говорю:

– Теперь послушай.

Он не поверил, что можно было вот так запросто записать голос, позвал других людей из конторы. Что началось, когда я включил магнитофон! Бывший фронтовик покраснел, засмутился, но техника всем понравилась»¹.

¹ Цит. по: Леденев В. «Хлеб нелегкий, путь тернистый...» // Немного о радио... С. 66.

Л.С. Кишиневский за работой (1961 г.)

В этот период стали предприниматься трансляции из других городов Приморья. Первым в эфир вышел Артем. Слова «Говорит Артем», прозвучавшие из репродукторов, произвели фурор среди радиослушателей. К передачам из Москвы уже все привыкли, но услышать голос соседнего населенного пункта было внове. Неужели такое возможно, спрашивали люди, вот так запросто включать другие города? «Все было новым, необычным, молодым, — вспоминал

Громов. — И комитет тоже был молодым: средний возраст сотрудников — 30 лет». Во всех программах радио находила отражение государственная политика первых послевоенных лет. Победа советского народа в Великой Отечественной войне и успехи на послевоенном трудовом фронте способствовали усилению пропаганды сталинизма. В рамках кампании против «космополитов», к которым стали причислять всех, кто общечеловеческие ценности ставил выше национальных, велась борьба с инакомыслием. Культура, наука, образование директивно были поделены на прогрессивные (отечественные, социалистические) и буржуазные, подлежащие искоренению. Тема борьбы с «враждебным влиянием» занимала одно из центральных мест не только в общественно-политическом и научно-образовательном, но и художественном вещании. Каждое постановление ЦК КПСС, вышедшее в эту пору, становилось поводом для очередной пропагандистской кампании: против «лжеученых», неугодных литераторов, театральных деятелей или музыкантов. Перед радио поставили задачу всячески популяризировать достижения Советского Союза. Советский народ должен был уверовать в то, что все открытия и изобретения появились в России раньше, чем где бы то ни было.

Среди недостатков художественного вещания этого периода партийное руководство называло однообразие музыкальных программ и отсутствие системы в пропаганде классической русской и советской музыки. В результате в 50-е гг. становится заметным сокращение доли политического вещания и увеличение продолжительности художественных передач, особенно музыкальных, направленных на популяризацию творчества отечественных композиторов. Владивосток систематически получал из Москвы различные музыкально-образовательные передачи: концерты-беседы с подробным рассказом о популярных музыкальных произведениях, музыкальные обзоры и радиожурналы, передачи цикла «Музыка народов СССР», оперы и другие музыкальные спектакли. Произведения европейских композиторов практически исчезли из эфира. Их было разрешено использовать только в качестве фона для каких-нибудь передач.

*Первый ряд (слева направо: Н.И. Иванова, неизвестная,
З.Ф. Первушина, Л.И. Горбенкова, А.М. Котлярова.
Второй ряд: А.Я. Максимова, Т.Е. Клейман, Лалыкина (1948 г.)*

Новшеством этих лет стали концерты-загадки, когда название произведения и его автор объявлялись не перед исполнением, а после него. Первый был организован Всесоюзным радио в июне 1947 г. по программе, составленной радиослушателями. Эти передачи приходили во Владивосток в виде тонблоков. Это была звуковая дорожка, записанная на обычную киноплёнку, но без изображения, поэтому для воспроизведения записи кинопроектор был не нужен, хватало одной звуковой головки. Тонблоки, по воспоминаниям очевидцев, произвели настоящую революцию в радиовещании. В то же время появление звукозаписывающей техники упростило контроль над радиопередачами органами цензуры. «Прямые репортажи» из эфира практически исчезли, все программы за исключением отдельных выпусков новостей стали идти в записи.

Сотрудники Приморского радиокomiteта готовили и собственные музыкально-образовательные и литературно-музыкальные передачи, которые записывали совместно с артистами Приморской филармонии, преподавателями музыкально-образовательных учреждений. Большой популярностью у радиослушателей пользовались концерты по заявкам, выходившие несколько раз в месяц. Чаще всего эти концерты составлялись на основе заявок от какого-либо коллектива, отличившегося в труде, например, бригады стахановцев, передового совхоза или победившей в соцсоревновании машинно-тракторной станции. Пропаганда народного творчества велась через концерты художественной самодеятельности, выходившие в эфир до четырех раз в месяц. Всесоюзное радио в обязательном порядке распространяло по региональным радиокomiteтам записи заключительных концертов областных и республиканских смотров.

С этих записей началась фонотека Приморского радио, особым разделом которой был музыкальный фонд. В 1980-е гг. в нем насчитывалось более ста тысяч наименований различных музыкальных записей: оперных постановок, выступлений знаменитых оркестровых коллективов и отдельных музыкантов, народных и эстрадных песен в исполнении прославленных певцов и современных

исполнителей, хоров, профессиональных и любительских. Музыкальная редакция составляла из этих записей тематические программы и концерты по заявкам, другие редакции включали их в свои программы, а режиссеры использовали инструментальную музыку для оформления передач.

Ежегодно фонотека пополнялась новинками, получаемыми из Москвы. Коробки с этими записями занимали свое место на определенной полке согласно тематике произведения – за этим строго следила заведующая фонотекой Елена Георгиевна Тежик. Она пришла на радио в 50-е гг. и работала в фонотеке более 40 лет. Магнитофонные записи она считала собственным богатством и требовала от редакторов и режиссеров бережного отношения к ним. А уж знала она все записи наперечет. С закрытыми глазами могла найти нужную и, не заглядывая в журнал, сказать, кто и когда взял ту или иную коробку с пленкой.

Фонотекарь Е.Г. Тежик (1980-е гг.)

Правительство продолжало совершенствовать структуру радиовещания. В июле 1949 г. Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию был преобразован в два органа при Совете Министров СССР. На Комитет радиоинформации возлагалась задача организации радиовещания на СССР, а Комитет радиовещания стал заниматься вещанием на зарубежные страны. В марте 1953 г. в ходе реорганизации системы центральных ведомств эти комитеты вошли в состав только что образованного Министерства культуры СССР как Главное

управление радиоинформации и Главное управление радиовещания. Приморский радиокомитет стал соответственно называться Краевым отделом радиоинформации при управлении культуры Приморского крайисполкома. С января 1950 г. им руководил Семен Владимирович Юрченко¹. Среди первых в СССР Приморье приступило в 1956 г. к вещанию по двум программам, а через два года – по трем.

¹ Юрченко Семен Владимирович (1915, г. Овруч Житомирской обл. – 1990, Владивосток). Окончил три курса Днепропетровского металлургического института, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Заместитель редактора газеты «Коммунар» (Уссурийск), заместитель ответственного редактора газеты «Красное Знамя» (Владивосток) (с июля 1945). В 1950–1977 гг. председатель Приморского радиокомитета (с 1957 – Приморский комитет по радиовещанию и телевидению). С 1977 г. на пенсии. Награжден орденами Трудового Красного знамени и «Знак почета».

**Рецензия на микрофонные материалы
Хорольской радиоредакции за январь 1947 г.**

В отличие от микрофонных материалов многих других редакций материалы Хорольской радиоредакции (за небольшим исключением) составлены грамотно, хорошим культурным языком. Редакция старается разнообразить помещаемый ею в одном выпуске материал на одну и ту же тему (например, встречи избирателей со своим кандидатом). Если об одной встрече дается развернутая информация, то о другой – в виде зарисовки.

В выпусках почти нет корявых мест. Они составлены живо, легко слушаются. Предложения строятся стилистически верно. Но, к сожалению, этого нельзя сказать про тексты выступающих у микрофона. Здесь наиболее слабое место в работе радиоредакции. Несмотря на то, что к микрофону приглашаются, казалось бы, квалифицированные люди, их выступления отличаются большой небрежностью в стиле и в языке, не говоря уж о неграмотном написании простых слов.

Шапиро

**О работе Гродековской радиоредакции.
(Обзор микрофонных материалов за январь
1947 г.)**

Проверкой микрофонных материалов установлено, что редакция работала совершенно оторвано от жизни своих радиослушателей. Вместо того чтобы повседневно делать полнообъемные выпуски, построенные на местном материале, и основное внимание уделять жизни района, радиоредакция увлеклась передачей газетных материалов, организацией всякого рода бесед и лекций, вопреки запрещениям Краевого радиокомитета. Большинство бесед и лекций написано безграмотным языком, встречаются политически не-правильные выводы.

Редактор-рецензент Киселенко

**Рецензия на микрофонные материалы Ольгинской
радиоредакции за январь 1947 г.
(ответственный редактор Силина)**

Политическая направленность материалов не идет вразрез задачам, стоящим в данный момент перед страной, но освещение местной жизни носит однобокий и явно недостаточный характер. Редакция в каждой своей передаче хотя и освещает организационно-техническую работу, проводимую перед выборами, но корреспонденции это явно случайные и охватывают не весь Ольгинский район, его населенные пункты, а только за редким исключением поселок Ольгу. Недопустимо мало редакция останавлива-

ется на освещении социалистического соревнования в честь выборов. Если соревнование развертывалось в колхозах и на рыбобазе недостаточно, редакция обязана была помочь партийным руководителям мобилизовать трудящихся на борьбу за досрочное выполнение планов.

З. Первушина

**Рецензия на микрофонные материалы
Тавричанской радиоредакции. 1947 г.
(ответственный редактор Ридный)**

Ценным в выпусках районных известий являются передовички, разъясняющие трудящимся района важность той или иной политической кампании. Иногда они давались в виде обзорных статей, отражающих социалистическое соревнование на предприятии. Положительным фактором в работе радиоредакции за февраль были специальные передачи – целеустремленные, направленные. Например, специальная передача «Избирательный закон», созданная в форме вопросов и ответов.

Киселенко

**Рецензия о состоянии радиовещания
в Тетюхинской радиоредакции. Обзор
микрофонных материалов в январе-феврале 1947 г.**

Основное место в передачах занимают информации, корреспонденции и выступления перед микрофоном. Как недостаток в этой области нужно отметить, что редакция совершенно не использует такие формы передач, как очерк, художественная зарисовка, рассказ. Отсутствуют тематические выпуски по отдельным важнейшим вопросам работы, как-то борьба за экономию, за поднятие производительности труда, за сохранение и бесперебойную работу механизмов и др. Крупным недостатком в работе редакции является то, что она совершенно не уделяла внимание вопросам идеологической работы, вытекающим из доклада тов. Жданова «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». Редакция не освещает работу клубов, проводимые лекции под этим углом зрения.

Редактор-рецензент Киселенко

**Рецензия на микрофонные материалы
Шкотовской радиоредакции за январь 1947 г.**

Вызывает недоумение фраза «Наряду с подготовкой к выборам колхозники включились в объявленный декадник по подвозке кормов на ферму». То есть получается, что все виды работ агитаторов проводят колхозники. Кроме смысловой нелепости получается и политически неграмотный текст: нельзя наряду с подготовкой к важнейшему политическому событию, провозглашаемому партией и правительством в четыре года раз, ставить обычный хозяйственный декадник.

З. Первушина

**Рецензия на микрофонные материалы
Ворошиловской радиоредакции за январь 1947 г.**

В передаче за 18 января редактор допускает политически неверную оценку токаря-многостаночника Мотороремонтного завода т. Шаранкина, заявив в своей передаче, что «ему сопутствует неизменный успех». Здесь дело не в том, что ему сопутствует успех, а в том, что он сам, своим умением завоевывает этот успех.

С. Иванов

Советское радиовещание служит интересам всего народа. В этом его преимущество от радио капиталистических стран. Советскому радио чужды дешевые приемы сенсационности, оно призвано нести в народные массы слова большой правды, развивая, обогащая культуру народа

М. Залевский (Красное знамя. 7 мая 1948 г.)

**Протокол редакторского совещания
Приморского краевого радиокомитета
от 24 февраля 1948 г.**

Слушали: информацию ответственного дежурного за 20, 21, 22 и 23 февраля Сысоева.

Постановили:

За 20 февраля

– отметить хорошую внестудийную передачу с военного корабля;

– отметить хорошую «Пионерскую Зорьку», трансляция из г. Сучана.

За 22 февраля

– отметить хорошую радиокomпозицию «Россия» в исполнении артиста радиокомитета В.И. Ромашова [...]

**Председатель Приморского краевого радиокомитета
М. Залевский**

ВМЕСТЕ С СЕМЁНОМ ЮРЧЕНКО

«**В**еликий Будда» – так называли между собой сотрудники Приморского радио Семёна Владимировича Юрченко, и в этом был не только намек на его массивную фигуру, но и искреннее признание заслуг этого человека. Он руководил радиовещанием, а затем и телевидением Приморья без малого тридцать лет, с 1950 г. до 1977 г. – рекордный срок даже в масштабах всего Советского Союза. Уроженец Украины, Юрченко попал на Дальний Восток во время службы в армии.

С.В. Юрченко (1960-е гг.)

Уже тогда в должности литсотрудника он писал для дивизионной газеты «Красноармейский дозор». После демобилизации Юрченко стал заместителем редактора газеты «Коммунар» в Уссурийске, а с июля 1945 г. работал заместителем ответственного редактора краевой газеты «Красное Знамя». Опытный журналист быстро освоился и на новой должности. «Он был организатором и вдохновителем всех дел, – вспоминал Павел Федосеевич Марченко, заместитель председателя Приморского телерадиокомитета в 1962–72 гг., – а в числе его главных качеств были доброта и порядочность. Он всегда был уважительным, не

наступающим на человеческое достоинство. Поэтому на него нельзя было долго обижаться или таить зло. К нему обращались за помощью и советами, в которых он никогда не отказывал. Когда в коллективе возникали неурядицы и творческие споры, шли на суд к “нашему Семену” – так между собой называли мы Юрченко. Попасть к нему на прием было легко – двери настежь... У него в кабинете мы всегда находили утешение, получали заряд на следующую передачу»¹.

А. Суроедина: «Большим стимулом было то, что мы чувствовали сопричастность нового председателя к нашим творческим делам. Если возникали трудности, скажем, в выработке плана освещения хода уборочных работ, я шла к Юрченко: “Мне нужна ваша мысль”. И начиналось всестороннее обсуждение вопроса, в результате которого возникало много вариантов действий, из которых потом выбирали лучший. Это было настоящее творческое содружество, и с каждым годом оно только расширялось».

В 1950-е гг. у Юрченко было два заместителя. Бывший фронтовик Владимир Яковлевич Абрамов, по воспоминаниям, экспансивный дерзкий человек, курировал общественно-политические передачи. Спокойный и уравновешенный Константин Евгеньевич Селезнев возглавлял художественное вещание. Как вспоминают очевидцы, коллективы двух главных редакций, существовавших тогда на Приморском радио, вполне соответствовали своим руководителям.

Главным редактором общественно-политического вещания был Николай Андреевич Глущенко (в дальнейшем Заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат исторических наук,

В.Я. Абрамов (1947 г.)

¹ Марченко Павел Федосеевич (сентябрь 1923, с. Астраханка Ханкайского района – декабрь 2012, Владивосток). Участник Великой Отечественной войны после окончания Томского артиллерийского училища (Курско-Орловское сражение). Старший лейтенант. Командир противотанковой батареи. После ранения в 1943 г. и последующей демобилизации на партийно-советской работе. Заведующий отделом агитации и пропаганды Октябрьского райкома КПСС, начальник парткабинета политотдела Дальневосточного морского пароходства, литработник и ответственный секретарь газеты «Тихоокеанский моряк». Заочно окончил отделение журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС (1957), после чего направлен редактором многотиражной газеты Управления внутренних дел Исполкома Краевого Совета народных депутатов Приморского края. В Приморском комитете по радиовещанию и телевидению: в 1961 г. главный редактор студии телевидения, с февраля 1962 г. – заместитель председателя комитета по делам радио. В 1972 г. переведен на должность начальника Управления культуры крайисполкома. С 1984 г. на пенсии. Заместитель председателя краевого Совета ветеранов. Кавалер орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степеней и ордена Дружбы народов. Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор очерков о работниках милиции, написанных на основе воспоминаний о годах работы в органах внутренних дел (Марченко П.Ф., Куцый В.С. Люди в синих шинелях: [Очерки] / Владивосток : Примор. кн. изд-во, 1959. 155 с.).

профессор Дальневосточного института советской торговли). Он пришел на радио в июне 1951 г. по направлению Приморского крайкома КПСС. В его подчинении были несколько редакций: пропаганды (ответственный редактор Этель Аркадьевна Каганская, она же профсоюзный лидер), промышленности (ответственный редактор Борис Александрович Иванов, затем Сергей Петрович Корчагин, затем Тамара Захаровна Герасимова), сельская (ответственный редактор Григорий Ильич Левин, затем А.М. Суроедина-Чернеева) и «Последних известий» (ответственный редактор Леонид Маркович Субботенко, позже – Вячеслав Михайлович Смирнов, Павел Ильич Шварц). На редакцию пропаганды замыкались молодежные передачи, которые готовили (в разные годы) редакторы Павел Бровкин, Рената Ричардовна Городнёва, Лариса Дахшлейсер, Зоря Уманская, Борис Лившиц.

Первый ряд: Н.А. Глущенко, А.М. Суроедина, Э.А. Каганская, неизвестная;
Второй ряд: неизвестный, Белоусова, неизвестный, Черемисин, Л. Черемисина,
 Н.А. Хрулькова, И.И. Глущенко

Главный редактор литературно-музыкального вещания Нора (Элеонора) Романовна Коварская руководила редакциями литературных передач (ответственный редактор Нина Ивановна Иванова), музыкальных передач (ответственный редактор Александр Иванович Шинкаренко, позже – Антонина Ричардовна Шинкаренко¹) и передач для детей и юношества (ответственный редактор Нина Смышникова, после 1957 г. – Ирина Стрельникова). В структуру главной редакции литературно-музыкального вещания входили симфонический оркестр (главный дирижер Борис Викентьевич Вернер) и хор (руководитель Титаренко).

¹ По утверждениям сотрудников той поры, А.И. Шинкаренко и А.Р. Шинкаренко – однофамильцы.

Дирижер симфонического оркестра Приморского радио
в 1950-е гг. Б.В. Вернер

В целом на Приморском радио сформировался творческий, добросовестный и работоспособный коллектив. Все работали с энтузиазмом. Правда, большинство сотрудников были бывшими газетчиками или вовсе не имели журналистского образования, что поначалу доставляло немало трудностей. Казалось бы, работа журналиста везде одинакова, но формы и методы работы на радио существенно отличаются от газетных.

«Язык радиопередач поначалу казался нам странным, – вспоминал Н.А. Глушенко. – Он требовал не только высокой литературной грамотности, но и хорошего звучания, доходчивости, элементов разговорной речи. Редактируя статьи, очерки, корреспонденции, так и хотелось поначалу вычеркнуть лишние слова. Но специфика радио – живое звучание голоса. С этой целью мы часто практиковали внестудийные передачи, хотя звукозаписывающая аппаратура состояла из множества громоздких ящиков, которые надо было на грузовой машине доставить на место записи, а затем вернуть в студию. После этого начинался монтаж передачи и прослушивание ее главным редактором. Особо важные передачи прослушивались председателем комитета или его заместителями»... Из рассказа Н.А. Глушенко: «Вспоминается моя первая передача с борта “Пищевой индустрии”, флагмана управления “Востокрыбхолодфлот”. Выехали на запись мы вдвоем с Б.А. Ивановым, асом подобных передач, который свободно чувствовал себя в любом месте, владел микрофоном, обладал хорошей дикцией, умело завязывал беседу с выступающими и, наконец, хорошо подбирал подходящие производственные шумы. И вот по ходу передачи он вдруг предлагает мне взять микрофон и прочитать на фоне теплоходных гудков небольшой текст. Казалось бы, что проще? Но со мной произошло что-то непонятное. Держу микрофон и чувствую себя, как на краю пропасти. Горло стянули спазмы, в глазах помутнело, ни одного слова без заикания произнести не могу.

– Стоп мотор! – кричит Борис.

Так я и не смог провести передачу, текст которой фактически сам написал. Было очень досадно, но вместе с тем появились интерес и желание научиться говорить по радио. Следующая передача была из Первореченского вагонопассажирского депо. На запись вновь едем вдвоем с Борисом Ивановым, но на этот раз я пригласил его только как чтеца, ведущего передачу. Собрались участники передачи, включили мотор, и вдруг Борис Александрович отдает мне микрофон:

– У меня что-то першит в горле, веди передачу сам.

Что делать, беру микрофон и начинаю читать. Борис же стоит в стороне, одобрительно улыбается и показывает большой палец. К моему удивлению, передача получила хорошую оценку. Первый экзамен выдержан! На другой день в редакцию зашла диктор Евгения Антоновна Лихачева: «Вам необходимо убрать из речи украинизмы и основательно поработать над произношением». С помощью ее и других дикторов я начал учиться, и постепенно речь стала грамотной, а сам я преодолел стеснение во время передач¹.

Нина Александровна Хрулькова пришла в Приморский краевой радиокomitee в 1954 г. с дипломом факультета русского языка и литературы Дальневосточного государственного педагогического института во Владивостоке. Ее назначили редактором сельской редакции, которой руководил Г.И. Левин. «Человек аккуратный и пунктуальный, он был осторожным и недоверчивым, – вспоминала Нина Александровна. – Ему казалось, что городская девица обязательно перепутает комбайн с трактором, корову с телкой, пастуха с дояркой. Он со вздохом давал мне для правки материал и под каким-то немыслимым предлогом забирал его назад. Наконец, я выбила командировку и вырвалась на простор самостоятельности. Портативных магнитофонов тогда еще не было. Журналист возил с собой 20-килограммовый “Днепр”. Так что в поле, когда тракторист еще стоит на меже, переполненный весенней радостью землепашца, запись не сделаешь. Она откладывается на вечер, когда в правлении колхоза я вновь встречаюсь со своими героями.

Техник Андрей Бурдюг включает магнитофон, я стараюсь разговорить людей и вернуть их в тот жар дневной радости, который я наблюдала в поле. Начинается беседа. И вдруг ярко освещенная комната погружается во мрак, а магнитофонная лента, дернувшись, останавливается. Колхозники сочувственно поясняют: “Электрик движок остановил. У нас свет в 11 часов гасят”. А я рассчитывала работать до полуночи. В крошечной тьме, проваливаясь в лужи и размазывая слезы, бегу к дому электрика, упрашиваю парня войти в мое положение и включить движок. Электрик не видит моего зарева лица, но он человек дела, понимает, что работу сорвать нельзя. Той ночью в колхозе я пережила трагедию, а через два дня в редакции она превратилась в юмористический рассказ, разыгранный мной в лицах под одобрительный хохот товарищей. Нить, жаловаться на трудности считалось дурным тоном. Этому ненавязчиво нас учили опытные журналисты».

Жизнь начинающей журналистки резко изменилась после предложения Т.З. Герасимовой, ответственного редактора промышленной редакции, перейти к ней. Крутой поворот, от опеки к полному доверию, оказался нелегким. Герасимова была человеком яркой индивидуальности, большой эрудиции, с твердым характером и мужским складом ума. Она не терпела проторенных троп, скуки в работе и

¹ Глущенко Н. Перед микрофоном как на краю пропасти // Немного о радио... С. 27.

всегда была готова с головой ринуться в новое дело. «У нее не вызывали сомнения ни моя молодость, ни неопытность, – вспоминала Хрулькова. – Не помню, чтобы она беседовала со мной, давая новое задание, убеждала или уговаривала. Новая мысль рождалась у нее стремительно, и так же стремительно, без какой-либо психологической подготовки ее надо было принимать. Если бы я отказалась, сославшись на неблагоприятные обстоятельства, это положило бы конец нашей дружбе»¹.

В эти годы требования журналистам предъявлялись высокие, поэтому многие сотрудники получали заочное образование и учились быстро, на ходу, перестраиваясь под новые, радиийные, жанры. Юрченко же умел находить формы работы, сплачивающие коллектив, умел зажечь всех своей идеей и повести за собой. Одной из таких форм работы, любимой многими радиийщиками, была выездная редакция. Творческая бригада создавалась из журналистов разных редакций радио и телевидения во главе с одним из главных редакторов и направлялась в город или село для освещения какого-нибудь важного события. Это могла быть ежегодная сельскохозяйственная выставка в Уссурийске или открытие нового цеха для выпуска товаров народного потребления на одном из заводов Арсеньева. Часто бригаду возглавлял сам председатель. Материалы готовились совместно радио- и тележурналистами, они и транслировались, как правило, одновременно на радио и по телевидению. В этих передачах наряду с журналистами участвовали и внештатные авторы из местных жителей и специалистов, хорошо знавших тему передачи. Готовила выездная редакция и социально-экономический портрет городов Приморья.

«Это был своеобразный отчет перед радиослушателями, – рассказывал Иван Федорович Гурко, главный редактор общественно-политического вещания радио с 1968 г. – Получался интересный разговор: хвалили, ругали, предлагали – это помогало в работе. Мы всегда учитывали критику, обсуждали потом на планерках. А на выезде журналисты готовили не только большую совместную передачу, но и делали записи по своим собственным темам, запасаясь материалом на будущее».

«Работая над передачей, – вспоминала А. Суроедина, – мы заодно выпускали радиогазету по району, в котором находились. Ее передавали рано утром, и жители района получали самую точную и свежую информацию, узнавали итоги соревнования за минувший день, кто впереди, кто отстает и почему. Включали мы в эту радиогазету и небольшие очерки. Дело было новым и интересным. Зачастую приходилось встречать ночь на току, где собиралось много народа. Тогда я организовывала политинформацию или читку новостей из газет, а потом мы давали один из концертов, которыми нас щедро обеспечивала музыкальная редакция. Надо было видеть, как радовались люди. Они благодарили нас за большую и важную работу, говорили, что им очень помогает такое внимание. Эти встречи запомнились навсегда. Возникали новые знакомства, откровенные разговоры о работе, семьях, книгах, о том, что волнует и радует селян, и о том, что они принять не могут. Возникала та близость, которая обогащает и журналистов, и тех, о ком они пишут»².

Очевидцы вспоминают, что большой популярностью у приморцев пользовались радиоочерки, которые стали звучать в эфире еженедельно в 1958 г. в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. «Мы решили рассказывать радиослушателям об изменениях, которые произошли в стране за годы совет-

¹ Хрулькова Н. Мне повезло на учителей // Немного о радио... С.35–36.

² Суроедина А. Переплелись передачи, люди, жизнь... // Немного о радио... С.31.

ской власти, – вспоминал Н.А. Глущенко. – Связались с радиокомитетами союзных республик, попросили присылать материалы оттуда, а сами взялись за создание радиоочерков о жизни Приморья. Каждый из них занимал полчаса. Помимо авторского текста в них звучали голоса приморцев, вставленные в сюжет очень умело. Эти очерки получили много откликов от жителей края, так как были написаны интересно, хорошо оформлены музыкально. После каждого редакция получала десятки писем. Запомнился и цикл радиоочерков «Для демобилизованных воинов советской армии и флота», в которых журналисты рассказывали о приморских городах и селах с таким расчетом, чтобы парни, проходившие срочную службу на Дальнем Востоке, оставались после этого в нашем крае. Результаты оказались поразительными: многие воины действительно не захотели покидать Приморье после демобилизации, а экипаж тогдашнего крейсера “Калинин” полностью изъявил желание работать в шахтах Артема и Партизанска»¹.

Промышленная редакция не раз становилась инициатором радиоконкурсов. Первый, «На лучшее рационализаторское предложение», был организован совместно с Всесоюзным обществом изобретателей и рационализаторов. На все предприятия разослали плакат с условиями конкурса, определили пять премий для победителей. В течение года редакция рассказывала о рацпредложениях, поступивших на конкурс, знакомила с их авторами, готовила репортажи с промышленных предприятий о том, как использование новых идей влияет на производительность труда или качество продукции. Подведя в конце года итоги, в редакции обнаружили, что экономический эффект от внедрения рацпредложений в производство составил 109 тыс. руб. Эти результаты вдохновили: когда началось движение «Рабочей инициативе – инженерную поддержку» редакция объявила о новом конкурсе – на лучшую творческую бригаду.

Особое место в работе сельской и промышленной редакций занимала пропаганда передового опыта, но с годами становилось ясно, что эти передачи однообразны и похожи одна на другую. Как-то Юрченко предложил: «А что если попробовать организовать школу передового опыта через радиосеминар? Сегодня, скажем, даем в эфир лекцию специалиста, а на следующем занятии проводим ее обсуждение». Это предложение понравилось. Вместе с краевым управлением сельского хозяйства были намечены главные темы для обсуждения, составлен план, подобраны специалисты. В крайкоме партии поддержали идею и обещали помочь в выпуске афиш с перечнем тем занятий и временем передач. Эти афиши рассылали во все районы края. Лекции записывались на пленку. Затем запись привозили в село и, повторив лекцию, начинали обсуждение. Порой мнения расходились, возникали споры. После этого предоставляли слово специалисту для обобщения сказанного и подведения итогов. Так рождались подлинно массовые семинары школы передового опыта. Журналистам подобные встречи давали не только богатый материал для текущих передач, но и новые знакомства, свежие и перспективные идеи.

Этими передачами заинтересовался Всесоюзный радиокомитет, и на очередном ежегодном семинаре редакторов Суроедина выступила с подробным рассказом о работе редакции. Тогда радиосеминар по пропаганде передового опыта был рекомендован всем радиокомитетам Советского Союза. А в авторский коллектив Приморского радио благодаря этим семинарам влились такие известные люди, как Герой Социалистического труда комбайнер Чибиряк, агро-

¹ Глущенко Н. Перед микрофоном как на краю пропасти // Немного о радио... С. 27.

ном-ученый А.Г. Волошенин, бригадир В. Хаблак, председатели колхозов Е.В. Ильина и И.Я. Поздняк, садовод-мичуринец С.Т. Белан. Со временем они составили основу общественной редакции, в которую входили 15–17 человек, в том числе специалисты из краевого управления сельского хозяйства. Общественная редакция составляла перспективные планы, определяла состав специалистов для ведения семинаров и хозяйства, в которых будет проходить обсуждение темы. На свои заседания редакция собиралась в кабине Юрченко, и председатель часто выкраивал время, чтобы принять участие в разговоре. Благодаря общественной редакции работа журналистов, занимавшихся вопросами сельского хозяйства, приобрела прочный фундамент: теперь они были уверены, что второстепенные темы в эфир просто не пройдут. Это благоприятно сказалось на качестве передач: меньше стало промахов, ошибок, случайных материалов, а сотрудникам редакции А. Суроединой и П. Герцеву все чаще доставались благоприятные отзывы на летучках и поощрения от начальства.

Г.И. Громов с секундомером в руке
проводит хронометраж записи (1955 г.)

В начале 60-х гг. для подготовки магнитофонных записей к эфиру Приморское радио располагало всего одной монтажной аппаратной, где стояли два стационарных магнитофона МЭЗ-2. Пульт был прост в эксплуатации: шесть микшеров и несколько кнопок, но, чтобы владеть ими в совершенстве, требовалась постоянная учеба. Ее обеспечивал начальник технического отдела Вячеслав Конев, требовавший от операторов магнитной записи (звукооператоров) внимания к каждому звуку, записанному на пленку. Ежеженедельно по вторникам он проводил технические занятия, на которых проверял навыки эксплуатации технических средств и соблюдения правил безопасности. К тому же звукооператоры (Жанна Митрофанова, Ирина Конева, Римма Слепенчук, Антонина Петелько, Раиса Николаева, Лев Шувалов, Любовь Белокриницкая) ежегодно сдавали зачеты. К новичкам, только что принятым на работу, назначали наставников¹.

Л. Белокриницкую, перешедшую в звукооператоры из машинного бюро, опекала Р. Слепенчук. Знакома свою подопечную с новыми обязанностями, она говорила: «Учись работать так, чтобы с буквы “ё” могла убрать точки». Точек с «ё»,

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с Л.С. Шуваловым (2001 г.)

конечно же, операторам убирать не приходилось, но они действительно достигали высочайшего мастерства и могли сделать гладкой и чистой даже речь человека, который, растерявшись перед микрофоном, начинал заикаться и путать слова.

Из воспоминаний Л.С. Белокриницкой, работавшей на Приморском радио в течение 45 лет: «Однажды Юрченко привел ко мне в аппаратную адмирала и сказал:

– Запиши выступление чисто, постарайся не останавливать.

Адмирал заметно волновался, сидел непокойно, и пуговицы на рукавах от кителя во время его речи стучали о стол. Пришлось остановить запись и попросить, чтобы не делал лишних движений. Не помогло – переворачивая страницу с текстом, он все же касался пуговицами слова. Тогда попросила его снять китель. Продолжили запись, но обнаружилась новая помеха – часы так громко тикали, что их было слышно, а при монтаже этот звук никак не убрать. Опять остановка – попросила снять часы. И так несколько раз останавливались: то стул за скрипел, то другими пуговицами, теперь на форменной рубашке, адмирал застучал. После моей просьбы закатать рукава Юрченко не выдержал:

– Да ты его скоро до трусов разденешь!»

Диктор М.З. Антипина, звукооператор Ж.П. Митрофанова, фонотекарь Е.Г. Тежик, артист драматического театра имени М. Горького В.Я. Мялк (1957 г.)

Еще не был построен Дом радио с его студиями и многочисленными аппаратными – тот самый, который мы сегодня видим на возвышении за сквером имени Суханова, на пересечении улиц Суханова и Уборевича. Хотя технические службы в конце 30-х гг. перевели с ул. Первого мая в новый радиокомплекс по ул. Суйфунской (Уборевича), журналистам, оставшимся в старом здании, жилось тесновато. В каждой комнате размещалось по несколько редакций. В частности, семеро сотрудников редакций сельской, промышленной и пропаганды делили одно небольшое помещение. «Звонили телефоны, к каждому приходили посетители, – вспоминала Н.А. Хрулькова. – Никто не утруждал себя говорить шепотом, каждый самовыражался в соответствии со своим характером, но не помню, чтобы теснота вызывала раздражение. Осталось ощущение радости от работы, а не трудности бытия. Именно радость лежала в основе жизни всего большого коллектива радио. Ее лучи тянулись из кабинета председателя во все редакционные комнаты, и каждый высекал свою искру для общего костра. Юрченко любил просто так, без дела зайти в редакцию (по делу приглашали к нему в кабинет), сесть за свободный стол и поговорить о том, о сем. С блистательным

остроумием он рассказывал любопытные истории из жизни бывалых журналистов, в которых при всем их многообразии всегда было что-то возвышающее эту профессию. Теперь-то я понимаю, что это тоже было его, руководителя, дело – чутко следить за настроением коллектива и направлять его в нужное русло»¹.

Во время обеденного перерыва коллектив собирался в буфете, самом просторном помещении, куда буфетчица Аня приносила еду для всех из ближайшей столовой. Пообедав, не торопились разойтись по кабинетам: рассказывали о своих делах, делились радостями и проблемами. Чаще всего разговор шел о передачах: кого-то критиковали за неудачные моменты, а кого-то хвалили, советовались, кого пригласить на интервью или откуда провести репортаж. Праздники тоже отмечали сообща. Многим запомнился последний рабочий день 1958 г., когда праздничные столы накрыли прямо в вестибюле радиокомитета. Было много гостей из числа людей, участвовавших в создании передач: из общественных организаций и трудовых коллективов, артистов, внештатных авторов. Журналисты еще раз убедились: радио играет важную роль в жизни края.

Многие из журналистов той поры заявляли, что работать с Юрченко было и легко, и трудно. Творчески одаренный человек, он всегда был полон идей, особенно когда возвращался из Москвы и других командировок. Его приезда ждали с тревогой: как правило, предстояли перемены. Юрченко имел особенность с появлением каждой новой идеи устраивать перестановки редакторов или создавать новые редакции, объясняя это тем, что новые дела требуют нетрадиционного подхода, и заниматься ими должны люди, которые никогда не сталкивались ни с чем подобным. Председатель объединял и разъединял редакции, переставлял людей, несмотря на их отчаянное сопротивление, но в конечном итоге каждый раз это давало неплохой результат. Например, после создания во Владивостоке Дальневосточного научного центра Академии наук СССР (1970 г.) Юрченко нашел возможным при очень ограниченном числе редакторов организовать редакцию науки. По его мнению, это позволяло наилучшим образом освещать жизнь научной организации нового типа.

За суровой внешностью у Юрченко скрывались сердечность и доброта. Отчитав кого-нибудь из журналистов за опоздание или иную промашку, он считал нужным потом извиниться за чрезмерную горячность. Но порой он бывал непреклонен. Однажды подошел к молоденькой машинистке, пришедшей на работу в сарафане: «Что это за одежда? Не забывай, где ты работаешь!». Как ни пытались ему доказать, что на дворе жаркое лето, он стоял на своем: «Чтобы я больше этого не видел»

Хотя авторитет председателя комитета был непререкаемым и возражать ему мало кто мог отважиться, порой случались разногласия. Однажды в коллективе случайно узнали, что Москва объявила всесоюзный журналистский конкурс, и приморские газеты уже готовы отправить в столицу свои лучшие материалы. Позвонили в Приморское отделение Союза журналистов.

– А почему на радио о конкурсе ничего не знают? – спрашивают у секретаря Союза.

– А Семен [Юрченко был тогда председателем Приморского отделения Союза журналистов] сказал, что вам нечего посылать.

В считанные дни сотрудники радио собрали нужные материалы, попросили авиаторов доставить их в Москву. В итоге – первое место на всесоюзном кон-

¹ Хрулькова Н. Мне повезло на учителей // Немного о радио... С.36.

курсе и недоумение: почему председатель решил, что у радиийщиков нет достойных материалов.

Доверие, дружба, уважительное отношение друг к другу были характерны для коллектива Приморского радио. Это проявлялось не только при совместных вечерах отдыха и коллективных выездах на природу, но и на еженедельных планерках в центральной студии Дома радио. На них подводились итоги за неделю, анализировались передачи, прозвучавшие в эфире, отмечались наиболее удачные. Оценки не всегда были лицеприятными, не все соглашались с замечаниями, высказанными дежурным критиком, часто спорили, доказывая точку зрения свою или авторов, но обид и тем более ссор не случалось. «То была золотая пора краевого радио, – вспоминала Л. Белокриницкая, – царили дух коллективизма и творчества, одержимость работой, бескорыстие. Сама атмосфера делала человека профессионалом. Ее создавали все: и рядовые работники, и руководители, и общественные организации, но первую скрипку играл Юрченко»¹.

Справка

**О пропаганде по радио передового опыта
в сельском хозяйстве Приморья**

В 1954 г. редакцией сельскохозяйственных передач Краевого отдела радиоинойформации было организовано и передано около 300 радиопередач по пропаганде передового опыта в сельском хозяйстве. Из них в области полеводства организовано 120 радиопередач, в области животноводства – 66, по вопросам механизации – 74, по вопросам организации труда в колхозах – 28. С рассказами о передовом опыте у микрофона выступили свыше 150 человек: бригадиры, председатели колхозов, звеньевые, директора МТС, механизаторы, агрономы. Кроме этих материалов значительное количество информации по вопросам передового опыта передавала редакция Краевых известий.

Из наиболее значительных радиопередач, организованных редакцией сельскохозяйственных передач, можно отметить следующие: «Что дает квадратный и квадратно-гнездовой способ посадки овощей и картофеля» – выступление агронома Мурого, «Опыт получения высокого урожая сахарной свеклы» – выступление свекловодов из колхозов Спасской МТС, «Наш план получения высоких урожаев в 1954 г.» – статья председателя колхоза им. Молотова Михайловского района.

**Начальник Краевого отдела радиоинойформации
С. Юрченко**

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л. Белокриницкой. 2011 г. (Рукопись).

1960-е: ВНИМАНИЕ МЕСТНОМУ ВЕЩАНИЮ

Появление в Приморье в середине 50-х гг. телевидения внесло коррективы в штатное расписание. В декабре 1957 г. на основании приказа Государственного комитета по радиовещанию и телевидению СССР и решения Приморского крайисполкома на базе отдела радиоинформации крайисполкома был образован Приморский краевой комитет по радиовещанию и телевидению с подчинением Государственному комитету по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР и Приморскому крайисполкому. При этом у председателя Юрченко появилось два новых заместителя – по делам радио и делам телевидения. Руководить работой Приморского радио с начала 1958 г. стал представитель Приморского крайисполкома Василий Степанович Безручко¹.

Появление в Приморье телевидения не оттеснило радио на второй план. Первые телевизионные передачи были непродолжительными и не могли соперничать с радио по объему вещания. К тому же, телевизоры стоили дорого, для Приморья были дефицитным товаром, и заменить радиоприемники в качестве источника информации им было пока не по силам. Сами же радиоприемники становились качественнее и дешевле, а с появлением транзисторной техники – еще и меньше по размеру, что делало радио незаменимым спутником людей в движении. За несколько минут до 6 час. утра фрагментом «Рассвет на Москверек» из оперы М.П. Мусоргского «Хованщина» радиоприемники возвещали о наступлении нового дня.

«Михаил Федорович Залевский, который ввел этот фрагмент в качестве позывных Приморского радио, был мудрым человеком, – рассказывал В.А. Ткачев. – Эта музыка свидетельствовала о великой Руси – от ее западных границ до Тихого океана. Рассвет над нашей Родиной начинается у нас, на Дальнем Востоке. В 50-х годах ее снимали с эфира из идеологических соображений: советское радио должно начинать день официальной музыкой, но потом вернули».

Среднесуточный объем вещания Приморского радио составлял 24,5 часа, в том числе, трансляция из Москвы занимали 8 часов 40 минут, а на собственное

¹ Безручко Василий Степанович (1925, с. Вольно-Надеждинское Приморского края – 1994, Владивосток). В 1943–44 гг. работал кочегаром на пароходе «Красный Октябрь» Дальневосточного морского пароходства. В 1944 г. откомандирован на учебу во Владивостокское высшее мореходное училище. Оттуда направлен на комсомольскую работу в ДВМП. После окончания в 1952 г. Краевой партшколы (с отличием) продолжал работать в ДВМП, затем – в крайисполкоме. С февраля 1958 г. – заместитель председателя Приморского комитета по радиовещанию и телевидению (по делам радио). В 1962 г. переведен в Крайлит.

вещание приходилось почти 16 часов в 1960 г. и 17 часов в 1961 г., тогда как даже Ленинградское радио имело в то время всего 4,5 часа местного вещания. Очевидцы утверждают, что большим объемом собственного вещания Приморское радио было обязано председателю комитета С.В. Юрченко. Из-за несовершенства радиоаппаратуры того времени московские передачи транслировались с большими помехами. Председатель дал задание радиоинженерам и техникам ежедневно записывать на пленку с эфира все московские передачи и потом отправлял эти записи в Москву. Таким образом, ему удалось убедить центральное руководство в том, что надо делать ставку на местное вещание, качество звучания которого гораздо лучше трансляций из Москвы.

Период «оттепели», начавшийся после XX съезда партии (февраль 1956 г.), на котором осудили культ личности Сталина, положил начало переменам в общественно-политическом развитии СССР. Смягчение существующего политического режима, новые меры по развитию экономики, постепенная демократизация всех сторон жизни – эти процессы отразились и на радиовещании. Радио стали упрекать в отсутствии активного, боевого характера, слабом поиске новых форм и средств выражения, преобладании передач, составленных по стандарту. «...от них веет скукой, равнодушием, вместо интересного душевного разговора со слушателями зачастую передаются поверхностные материалы, малосодержательные беседы и репортажи. Сплошь и рядом передачи ведутся казенным невыразительным языком», – говорилось в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении советского радиовещания» (20 января 1960 г.).

Решения XX съезда и ряд постановлений ЦК КПСС в последующие годы призывали журналистов отказаться от старых форм и методов работы, чтобы превратить советское радио в аккумулятор общественного мнения, средство общения миллионов людей, которым надо было вернуть ощущение достоинства и чувство личной ответственности за будущее страны. Все эти установки нашли отражение в работе радио в последующее десятилетие. Часть сотрудников радио перешли в 1950-е гг. на телевидение: ведь первую телевизионную студию и аппаратные разместили в двухэтажном здании радиокомитета на сопке Орлиной. В 1956 г. К.Е. Селезнев стал первым директором, В.И. Ромашов – первым художественным руководителем, а солистка М.М. Волошинова – первым музыкальным редактором Владивостокской студии телевидения. В качестве режиссеров стали работать И.Н. Беркович, С.Д. Левин, В.Л. Соболев. В телевизионных передачах приморцы слышали голоса радиожурналистов З.Ф. Первушиной, Г.И. Громова, И.В. Стрельниковой, И.Ф. Гурко, Б.И. Лившица, дикторов Г.М. Петренко, В.В. Бойко и др. С их уходом радио утратило изрядную часть творческого потенциала, но через несколько лет смогло восстановить его.

1960-е гг. можно считать годами бурного расцвета Приморского радио. С одной стороны, произошло техническое обновление радиовещания, связанное с вводом в эксплуатацию нового Дома радио¹, а с другой, значительно выросла квалификация его сотрудников – журналистов и инженерно-технических работников. В этот период на филологическом факультете ДВГУ открылось отделение журналистики, в ДВПИ – радиотехнический факультет, а в Дальневосточном педагогическом

¹ Подробнее об этом см. в главе «Новый Дом радио – новые возможности радиовещания».

институте искусств – режиссерское отделение. Еще студентами, будущие журналисты, режиссеры и инженеры находили применение своим силам на радио.

Постановлением «Об улучшении советского радиовещания», в котором критиковались шаблоны, «сухой, казенный характер передач», «искусственность репортажей с надуманным музыкальным и шумовым оформлением», партия поставила перед радиожурналистами задачу сделать радиопередачи более живыми и конкретными. Требования к качеству вещания возросли во много раз, и сетка радиопередач – и местных, и московских – претерпела значительные изменения. Ежедневно по Приморскому радио передавались обзоры краевых газет, до восьми выпусков «Последних известий», такое же количество общественно-политических передач, свыше двадцати музыкальных программ. До пяти передач ежедневно посвящались детям. Для них звучала утренняя радиогазета «Приморский пионер», регулярно выходили передачи «С тобой говорит учитель».

Выделение из детской редакции в качестве самостоятельной редакции вещания для молодежи (1956 г.) позволило более четко определить возрастной состав слушателей и разграничить тематику передач, рассчитанных на различные возрастные группы. Внутри молодежной программы тоже ввели дифференциацию: специальные рубрики адресовались учащимся школ рабочей и сельской молодежи, студентам, воинам Советской Армии. В составе главной редакции общественно-политических передач появилась программа «Родина», которую готовила Аэлита Николаевна Шигина. В первую очередь она была рассчитана на репатриантов, вернувшихся в СССР после Второй мировой войны.

Специальная передача для тружеников села, еженедельный «Сельский вечер», которую готовила сельскохозяйственная редакция (А.М. Суроедина и П.М. Герцев), охватывала за два с половиной часа огромный круг вопросов сельской жизни – от экономики сельскохозяйственного производства до сельского быта. В передаче звучали интервью на злободневные темы, очерки о людях села, репортажи с мест. Выступления специалистов сельского хозяйства были не только школой передового опыта, но и помощью людям, имеющим собственный приусадебный участок. Заканчивались такие передачи часто рассказами о жизни сельских школ, выступлениями кружков художественной самодеятельности. Иногда передача посвящалась одному селу или людям какой-нибудь одной специальности: «Сельский вечер для животноводов», «В гостях у тружеников села Жариково» и т.д.

«Следует отметить передачи из цикла “Трибуна передового опыта”. Мы ввели этот цикл с весны нынешнего года. Раз в неделю, по вторникам, передаются выступления лучших людей колхозов, совхозов и МТС края или даются обобщения их опыта, сделанные специалистами сельского хозяйства. Таких цикловых передач с начала года мы провели 26», – сообщала старший редактор Суроедина.

Самым востребованным жанром стал радиорепортаж. Появившиеся к этому времени переносные звукозаписывающие аппараты «Репортер-2 и «Репортер-3» значительно облегчили работу корреспондента и позволяли расширить рамки информации, включать в выпуски больше репортажей с голосами людей. Во всех передачах зазвучали голоса передовиков социалистического соревнования, деятелей науки и искусства. Во время особых политических кампаний, таких как выборы в Верховный Совет или местные Советы журналисты стали выходить в эфир с избирательных участков. Первым, кто освоил новую технику, вновь был Георгий Громов. Вслед за ним потянулись молодые журналисты и проходившие

практику студенты – Валентин Ткачев, Борис Савицкий, Олег Паденко, Борис Лившиц, Борис Костин, Борис Максименко.

А. Шинкаренко и Л. Черемисина (1956 г.)

«Первый раз я пришла на радио в 1962 г., через два года после окончания филологического факультета ДВГУ, – рассказывает Л.В. Моисеева. – Тот маленький дом, приютившийся у подножия Орлиной сопки, не приветил меня. Семен Владимирович Юрченко любезно объяснил, что именно сейчас радио как-то обходится без моей помощи. Я не роптала, но, уходя, обернулась и сказала: “Все равно буду работать у вас”. Юрченко удивленно спустил очки на кончик носа. Дождаться ответной реплики я не рискнула. Я начала работать в Приморском геологическом управлении литературным редактором, при этом регулярно носила

заметки в промышленную редакцию радио и в декабре 1967 г. стала в ней работать. Старшим редактором тогда был бывший фронтовик Иван Барышаев, редактором – Сергей Щербович. Тогда на радио было немало участников Великой Отечественной войны: Петр Герцев работал в сельскохозяйственной редакции, «Последние известия» верстал Владимир Абрамов, Леонид Субботенко был главным репортером на всех самых ответственных событиях в крае. Эти люди задавали тон всему вещанию своей ответственностью и бережным отношением к каждому слову в эфире»¹.

Радио оставалось идеологическим оружием КПСС, важным помощником партии во всех вопросах: партийного и советского строительства, экономики, идейно-нравственного воспитания, развития культурного уровня населения. Тематику вещания во многом определяли съезды КПСС, и передачи под общей рубрикой «От съезда к съезду» были постоянными. При подготовке к XXII съезду партии (октябрь 1961 г.), основными рубриками эфира стали «Достоинно встретим партийный съезд!», «Маяки передового опыта», «Герои наших дней», «Дал слово – сдержи!» и т.д. После этого съезда, уделившего большое внимание проблемам сельского хозяйства и подчеркнувшего необходимость улучшения сельского строительства, развития культуры и быта на селе, все редакции занялись сельской темой. Даже детская редакция начала цикл «Хороши дела у пионеров села».

15 апреля 1962 г. Приморское радио провело первый День радиослушателя. Готовя его, по радио заранее был объявлен призыв жителям края предлагать свои темы для репортажей и интервью, присылать заявки на музыкальные номера, которые будут включены в программу этого дня. В ответ редакции получили

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.В. Моисеевой. 2019 г. (Рукопись).

множество писем и телефонных звонков, а всего в составлении программы Дня радиослушателя приняли участие свыше 2 тыс. человек.

Солистки Приморского радио. Слева направо: Татьяна Иванова, Зинаида Каширская, Эра Арефина, Ольга Доброхотова (Ларина), Ольга Беляева

Следующий, XXIII съезд КПСС, Приморское радио встречало такими рубриками, как «Пятилетка в пути», «Это будет сделано в 1966 году», «Выходим на новые рубежи». В передачах из циклов «Деловой клуб» и «На новостройках края» поднимались вопросы экономии строительных материалов, скоростных проходок горных выработок, внедрения научной организации труда. Главными пропагандистскими кампаниями радио в конце 60-х гг. были подготовка и проведение двух юбилеев – 50-летия Октябрьской революции в 1967 г. и 100-летия со дня рождения В.И. Ленина в 1970 г. Все планы вещания составлялись с учетом этих дат, и вклад в освещение этих тем вносили все редакции без исключения.

Над передачами, посвященными революции, работала специальная бригада журналистов. В радиожурнале «50 героических лет» принимали участие ветераны партии и участники Гражданской войны на Дальнем Востоке – Аллилуев, Приходько, Топорков, Волгин, Секретарева, Серов, Якубовский и др. Отдельные передачи этого цикла повторялись по Всесоюзному радио. Раз в две недели по радио шла передача, посвященная какому-то городу или району. Юбилею революции был посвящен и радиофестиваль художественной самодеятельности. К юбилею В.И. Ленина появились передачи «Ленин и Дальний Восток», «Идеи Ленина живут и побеждают», «Сверкая жизнь по Ильичу», «Посланцы Ильича в Приморье», радиожурнал «Пламя».

1970 г. был отмечен подготовкой к очередному съезду КПСС (30 марта – 9 апреля 1971 г.). Совместно с Приморским отделением Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов радио организовало конкурс «Новаторы Приморья – XXIV-му съезду». С предложениями по повышению производительности труда, улучшению качества продукции в радиоконкурсе приняли участие около двух тысяч человек. Как сообщала потом газета, экономический эффект от внедрения их предложений составил 1 млн 100 тыс. руб.¹

¹ Красное знамя. Владивосток, 1971. 7 мая.

Заметную роль в перестройке работы радио сыграло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» (6 июня 1962 г.), в котором была намечена целая программа по усилению воздействия радио на аудиторию. Постановление призывало «сосредоточить внимание на создании и развитии специфических, присущих радио формам и жанрах пропаганды, в основе которых должны лежать интересные, поучительные факты, яркие примеры, рассказы о новых явлениях в жизни, письма, интервью, вопросы – ответы, непосредственный, душевный, доходчивый разговор со слушателями...». Постановление предлагало организовать постоянные программы для женщин, рабочей молодежи, учащихся и других категорий радиослушателей применительно к их интересам и запросам. Особое внимание следовало уделить подготовке разнообразных программ радиовещания и телевидения в субботние, воскресные и праздничные дни.

Реформирование содержания радиовещания началось с Москвы. Ежедневная воскресная передача «Новости недели», которую транслировали все региональные радиокomiteты, трансформировалась в радиожурнал «С микрофоном по родной стране». Наполненный рассказами о встречах с людьми, репортажами с предприятий,строек, колхозов и совхозов, он стал своеобразным эталоном для сотрудников Приморского радио. Многие старались подражать его тональности и формам. На Приморском радио также стали заметны перемены: не отказываясь от своей информационной миссии, журналисты искали свежие формы передач, новые приемы подачи новостей. Хотя названия рубрик и передач той поры сегодня нам кажутся сухими и казенными, их содержание вовсе не было таковым. Радио рассказывало о важных событиях, происходивших в Приморье, крупных начинаниях, прекрасных людях с интересной судьбой.

В центре Н.Р. Коварская (Фраерман), крайняя справа – Н.П. Василевская (1959 г.)
(Электр. ресурс: История телевидения и радио в Приморье. <http://history.vestiprim.ru/>)

Ответом на постановление стало внимание радио к разным группам радиослушателей. Сначала на Всесоюзном, а вслед за ним и в региональных комитетах появились передачи для моряков, молодежи, женщин, воинов армии и флота. Для работников строительной индустрии промышленная редакция готовила радиогазету «На стройках Владивостока», труженикам промышленных предприятий адресовались передачи «За технический прогресс» и «Голос новатора». Нина Иванова и Нора Коварская были редакторами литературно-драматических программ «Молодые романтики Приморья». В качестве режиссера в подготовке молодежных программ участвовал Народный артист РСФСР Владимир Козел, актер Приморского драматического театра имени Горького в 1954–1962 гг.

На всех предприятиях разворачивалось социалистическое соревнование. Радиожурналисты уделяли ему большое внимание, пытаясь на положительных примерах воспитать у людей новое отношение к труду. В новостях и репортажах сообщали о соревновании за высокую культуру земледелия и досрочное выполнение планов, о заключении договоров соревнования между колхозами, промышленными предприятиями и отдельными трудовыми коллективами. О том, насколько серьезно и заинтересованно к этому относились на самих предприятиях, рассказывает случай с Н.А. Хрульковой, тогда редактором промышленной редакции.

Однажды ее отправили в командировку в Тетюхе (ныне Дальнегорск): местный горно-обогатительный комбинат имени Ленина вышел победителем в социалистическом соревновании. Журналистке предстояло рассказать, благодаря чему удалось добиться успеха, и организовать соревнование двух бригад аналогичных предприятий – тетюхинского комбината и соседнего, Кавалеровского. Выход передачи в эфир намечался через четыре дня, значит, через два дня пленку следовало доставить в редакцию. Хрулькова сделала все нужные записи, но на комбинатах оказалось так много интересного, что оставить это без внимания журналистка просто не могла. Пошла искать, не едет ли кто во Владивосток, чтобы передать с ним пленку. Увы, okazji не нашлось. Узнав о проблеме, директор комбината предложил послать пленку самолетом с курьером, что и сделал, дав возможность журналистке задержаться на комбинате и запастись интересным материалом для дальнейших передач. Она еще раз убедилась: если один человек горит своим делом, то другой непременно поймет его и поддержит. В редакции ее ждала стенгазета: на белом ватмане голубой самолет с веселой рожицей и стихи о том, что благодарные тетюхинцы дали Хрульковой специальный самолет. Старший редактор промышленной редакции Т.З. Герасимова умела замечать хорошую работу своих подчиненных.

В 1960-е гг. началось строительство Большого Владивостока. Все было внове: первый многоэтажный дом, первая экспериментальная кладка керамического кирпича, первый опыт поточного строительства, первый микрорайон, где рядом с жилыми домами возводились школа, детский сад, магазины. У журналистов появилось множество новых тем. Герасимова выступила с предложением взять шефство над строительством нового жилого комплекса на улице Спортивной и каждую неделю выпускать радиогазету, посвященную ему. Работать предполагалось по-новому, записывая на магнитную пленку разговор, не подготовленный заранее.

Ровно в 12 часов, когда на стройке начинался обеденный перерыв, диктор объявлял: «В эфире радиогазета “На стройке Владивостока”». Передача освещала ход соревнования за неделю, критиковала отстающих, выявляла проблемы, мешавшие строительству. В ней звучали интервью с передовиками и концерт для строителей. «Все приглашенные к микрофону выступающие привыкли читать свои речи по бумаге, – вспоминала Н.А. Хрулькова, – только самые смелые и опытные корреспонденты решались вести свободные беседы. Радио с трудом переходило от текстов к свободной речи. Мешала громоздкая аппаратура, сопротивлялись выступающие, остерегались журналисты. Я тогда не обладала ни смелостью, ни уверенностью в себе, ни опытом асов журналистики. Всему пришлось учиться, превозмогая робость.

Н.А. Хрулькова (2001 г.)

– Добрый день, дорогие товарищи, – вступаю я и напряженным голосом спрашиваю строителей о новых методах кладки кирпича, о неурядицах на стройке. Передовой бригадир, привыкший выступать по тексту, отвечает мне натянуто и скупно. Это был, конечно, не лучший образец живой беседы, не подготовленной заранее, но на другой день я чувствовала себя у микрофона гораздо свободнее. И строители тоже заговорили спокойнее – ведь настроение журналиста передается собеседнику. Должно быть, Герасимова не всегда была уверена, что я, начинающая журналистка, справлюсь, но она ни разу не выдала своих колебаний. Она так уверенно посылала меня на задание, что и у меня не появлялось сомнения в своих силах. Ее девиз “Сделать все возможное и чуть-чуть больше” стал и моим девизом”¹.

Потом у журналистов Приморского радио были другие стройки и другие передачи. Лесоперерабатывающий комплекс в порту Пластун, Ярославский горно-обогатительный комбинат, объединение «Бор», Владивостокская фарфоровая фабрика и ТЭЦ-2. В коротких репортажах с этих строек для «Последних известий» и в более крупных тематических передачах поднимались важные проблемы взаимоотношений десятков организаций, задействованных на сооружении объектов. Многие вопросы, как правило, находили разрешение.

Когда во Владивостоке строился первый энергоблок ТЭЦ-2, каждую среду звучал 15-минутный репортаж со стройки. С такого репортажа началась работа на радио И.Ф. Гурко, а поводом для него стала установка на ТЭЦ-2 первой дымовой трубы. Какой же репортаж может быть без впечатлений корреспондента от подъема на самый верх? «Коротенькие марши деревянных лесенок тянулись нескончаемым винтом внутри трубы и казались игрушечными по сравнению с гигантским бетонным стволом, направленным до самого центра неба. Сто восемьдесят

¹ Хрулькова Н. Мне повезло на учителей // Немного о радио..... С. 35.

метров, а именно такой была высота трубы, оказались достаточно серьезным испытанием на выносливость... А ведь строители поднимались сюда каждый день, а иногда и не раз!»¹

И.Ф. Гурко (1979 г.)

«При первой встрече с Марченко, тогда заместителем председателя комитета по радио, я предложил направить усилия на шефство над ударными стройками края, и получил поддержку, – вспоминал Гурко. – ТЭЦ-2, Новоспасский цементный завод, Славянский судоремонтный, Приморская ГРЭС, а затем линия передач ЛЭП-500, которую начинали строить от Лучегорска до Уссурийска, а затем до Владивостока – все эти стройки считались народными, им уделялось большое внимание, и была необходимость всесторонне освещать ход строительства. Чем я был вооружен – это знанием положения в промышленности края, поскольку всегда старался следить за развитием экономики»².

Главным редактором экономических и информационных программ (до 1968 г.) работал бывший военный журналист П.И. Шварц, руководя огромным объемом вещания – почти двадцать часов эфира в неделю: выпуски для моряков и рыбаков, передачи промышленной и сельскохозяйственной редакций, последние известия с утренними, дневными, вечерними и специальными выпусками. Прочитать текст каждой передачи, включая все до единой информационные сообщения, прослушать материалы, идущие в записи, отредактировать тексты, исправив замеченные огрехи, поторопить редакторов, выбивающихся из графика – масса забот у главного редактора. По воспоминаниям современников, Павел Ильич успешно справлялся со всеми: «...у него никогда не было авралов, хотя и мог он среди нас, мужиков, отпустить горячее словечко. А в общем он всегда оставался настоящим интеллигентом...», – писал о нем И.Ф. Гурко³.

Что касается Гурко, то вскоре, после перевода Шварца на должность главного редактора студии «Дальтелефильм», ему пришлось заменить его на посту главного редактора и самому испытать, что значит руководить творческим коллективом, где у каждого не только свой характер, но и свои амбиции. Хотя, как вспоминают, костяк радиального коллектива был крепким, текучесть кадров оставалась высокой. За несколько лет на должности старшего редактора промышленной редакции сменилось четыре человека: Герасимова, Барышаев, Гурко, Шестера. А рядовых журналистов прошло через нее еще больше: Сергей Щер-

¹ Гурко И.Ф. Пути-дороги. Владивосток: Водолей, 2009. С. 162.

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с И.Ф. Гурко (2001).

³ Гурко И.Ф. Пути-дороги.... С. 164.

бович, Людмила Моисеева, Олег Чекризов, Зоря Уманская, Геннадий Петелин, Борис Малышев, Зинаида Королева, Татьяна Павлова, Алла Прозорова и др.

Л.В. Моисеева (1985 г.)

Не каждый мог выдержать требования, которые предъявляло радио к сотрудникам: оперативность в работе, частые, иной раз срочные командировки по всему краю. «В пору больших строек мне довелось поработать, пожалуй, на всех крупных заводах и фабриках, рудниках, шахтах Приморья, – вспоминает Л.В. Моисеева. – Много внимания уделялось и работе ученых в институтах Дальневосточного научного центра. А потом наступило время, когда Юрченко сказал: пойдешь в пропаганду. Мне было жалко уходить от ставших родными тем, и я сбежала

в командировку с надеждой, что проблема рассосется. Не получилось. Со словами “не понимаешь ты своего счастья” меня отправили по назначению. Действительно, никуда не ушли заводы и фабрики, лишь тематика расширилась, больше внимания стало уделяться людям на этих заводах, их жизни, планам, заботам и проблемам. А это было еще интереснее...»¹.

Новые технические возможности позволили журналистам организовывать программы, которые в прежние времена были просто невозможны, например, переключки между студией во Владивостоке с городами и районами края. Для этого пришлось поработать и связистам: усовершенствовать оборудование и «очистить» от технической «грязи» междугородние телефонные каналы. Такие переключки стали часто использовать в утреннем эфире. В передачах-переключках соревнующихся городов Владивостока и Уссурийска, Артема и Спасска, Находки и Партизанска появился элемент критики. Она, конечно, была не прямой, чтобы не давать пищу враждебной пропаганде, а осторожной, путем сопоставления: у двух предприятий условия одинаковые, а результаты разные. Тем не менее, проблемные передачи приветствовались.

«Острота передач достигалась таким способом, – вспоминал писатель Лев Николаевич Князев, работавший на Приморском радио в 1960-е гг. – Прихожу я, допустим, в Краевой комитет по рационализации и изобретательству с включенным микрофоном и спрашиваю тамошнего начальника, почему не дан ответ на предложение такого-то труженика. Начальник, естественно, посылает меня дальше или начинает говорить о занятости, трудностях и пр. После этого завязывается острая беседа, которая после чистки идет в эфир с комментариями. Отклики, как правило, появляются немедленно. А иной раз рождаются новые, совершенно неожиданные сюжеты»².

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.В. Моисеевой (2019). (Рукопись).

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.Н. Князева (2001). (Рукопись).

Об отправке «подальше» писатель все же преувеличил. Ни один здравомыслящий начальник не мог допустить грубость по отношению к корреспонденту краевого радио. Это был идеологический фронт, подконтрольный партии, а все, что было связано с партийной дисциплиной, свято соблюдалось. Ни в 60-е, ни в последующие годы никто из руководящих лиц не мог проигнорировать просьбу журналиста дать интервью, иначе им пришлось бы отвечать перед парткомом.

Казалось бы, работа журналиста далека от бухгалтерской, но Суроедина считала, что при двадцати передачах в месяц учет и контроль являются обязательными составляющими успеха сельскохозяйственной редакции. Она завела специальный журнал, в который журналисты записывали тему передачи, имена участников, вопросы, которые они поднимали в своих выступлениях. «Никому не составляло труда заполнить журнал, – вспоминала Аглая Михайловна, – всего две – три минуты перед сдачей программы, а пользу он приносил огромную. Мы всегда могли проверить, кто и когда у нас выступал, о чем говорил, из какого он села. Приезжая потом в этот совхоз, мы уже знали, к кому следует обращаться. Такие люди становились, как правило, нашими корреспондентами по своему хозяйству, что облегчало нашу работу».

Сотрудники сельскохозяйственной редакции не раз убеждались, что они на верном пути. В 50-е и 60-е гг. руководителям регионального вещания приходилось посылать в Москву множество отчетов и справок. Редакция, которые не вели учета передач, приходилось тратить много времени, листая свои блокноты и микрофонные папки в поисках нужных сведений, а у аграрников они всегда были под рукой – стоило только раскрыть журнал учета. Вот вам и бухгалтерия в журналистике!

Аглая Михайловна Суроедина (Чернеева), ответственный редактор сельскохозяйственной редакции, была в коллективе Приморского радио одной из самых мобильных журналистов. «Мы всегда с нетерпением ждали ее возвращения из командировок, – рассказывала Л.С. Белокриницкая. – Вначале она рассказывала о своей поездке, с какими людьми встретилась, какой урожай ожидается, как ее встретили – проводили, выделил интересную семью, с которой познакомилась. А потом вдруг остановится, спохватившись, и скажет:

– Ну, хватит разговоров. Теперь – за дело»¹.

Из воспоминаний Н.А. Хрульковой: «В то памятное утро кто-то принес весть: Аглая из командировки вернулась. Она дважды в месяц уезжает и приезжает, так что это не сенсация. Но мы с Ренатой Городнёвой, представители молодого поколения в нашем кабинете, искреннее радуемся. С Аглаей в командировках непременно что-то случается. Но если у большинства случаются неприятности, то у нее – только приятное, совершенно неожиданное и романтическое. Она входит в редакцию статная, величавая, с горделиво посаженной головой и тяжелой роскошной косой на затылке. Царица Савская – так мысленно зову ее я. “Царица” же в эту осеннюю стужу и хлябь прошагала многие версты по сельскому бездорожью. Ее знают по имени-отчеству доярки и председатели колхозов в самых отдаленных таежных деревнях Приморского края.

– Как командировка? – интересуемся мы.

– Великолепно, – Аглая любит превосходную степень. – Как изменились, как выросли крестьяне! Представляете, спрашиваю, что они хотят послушать в концерте, а они называют Бетховена, Лунную сонату.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.С. Белокриницкой (2011 г.).

– Так уж и Бетховена? – бестактно сомневаемся мы с Ренатой.

– Да, Бетховена, и это прекрасно.

И это, действительно, прекрасно – так любить своих героев, так верить в их духовные возможности. Только так и стоит работать в журналистике, где нет места холодному сердцу и бескрылому воображению. Мне казалось, время никогда не коснется этой горделивой стати. Через много лет сердце больно сжалось, когда я увидела ее косу густо посеребренной. Ей уже было за 70. Вышли в свет ее очерки, повесть “Когда пламенеют листья”. Аглая Михайловна работала над новой

А.М. Суроедина (Чернеева)
на даче (1975)

книгой. Мне трудно было представить ее за письменным столом, без сельских дорог, с которыми она была неразлучна долгие годы, хотя и понимала, что 70 лет – солидный возраст. Однако, когда наша, уже литературная, редакция пригласила ее принять участие в поездке творческой группы в совхоз “Авангард”, она неожиданно легко сбросила с плеч тяжесть лет и снова зашагала по полям так, что молодые редакторы едва поспевали за ней. И снова распахивались ей навстречу сердца любимых ею сельских тружеников. Она одержала еще одну победу – над временем¹.

Серьезную роль сыграли рабкоры Приморского радио в ходе зимнего судоремонта. Они создали на заводах радиопосты и систематически держали под общественным контролем выполнение обязательств судоремонтниками. Это помогало своевременно исправлять отклонения и упущения... Так же самозабвенно и толково вот уже несколько лет действует на Приморском радио общественная редакция журнала «Здоровье», хорошо известная слушателям своими содержательными и интересными передачами.

Передавая «Красного знамени». 2 июля 1968 г.

Предсъездовские программы радио преследовали цель всесторонне показать практическое претворение в жизнь решений 23-го съезда партии, июльского и декабрьского пленумом ЦК КПСС. Наиболее обстоятельно эта задача решалась в цикловых часовых программах «От съезда к съезду». Прошли передачи «Артем», «Восьмая пятилетка», «Владивосток орденосный», «Дальневосточное пароходство» и др.

С. Юрченко. Красное знамя. 7 мая 1971 г.

¹ Хрулькова Н. Мне повезло на учителей // Немного о радио..... С. 35.

НОВЫЙ ДОМ РАДИО – НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАДИОВЕЩАНИЯ

Ветераны Приморского радио часто рассказывали, в каких трудных условиях приходилось работать в 50-е – начале 60-х гг. Кабинеты журналистов и монтажные звукооператоров располагались в разных зданиях – на ул. Первого мая и Уборевича, – что создавало немало проблем и тем, и другим. Журналисты и звукооператоры общались при помощи телефона. Смонтировав пленку для передачи, операторы давали ее прослушать по телефону главному редактору, а потом, в случае одобрения, переписывали начисто на новый ролик. Тем не менее, сотрудникам приходилось бегать из одного здания в другое по несколько раз на день.

Оператор звукозаписи Л. Белокриницкая вспоминала: «На всю жизнь запомнился случай, когда мне в аппаратную принесли пленку от Нины Хрульковой и сказали срочно переписать ее интервью для передачи, которая в это время уже собиралась в соседней аппаратной. Такое задание я получила впервые и очень волновалась. Видимо, руки дрожали и, уж не знаю, каким образом, но начало записи я размагнитила. Вадим Янович Мялк, собиравший передачу в качестве режиссера, схватился за голову:

– Это же самый важный кадр – только его и ждали!

Я заплакала, а он успокоил:

– Дело поправимо. Беги к редактору.

Бегом с улицы Уборевича на улицу Первого мая, где находился тогда радиокomitee – взять у редактора магнитофонную бобину и переписать пленку заново. На мое счастье, Хрулькова еще не пустила ее в работу, и запись сохранилась. Восстановить утерянное было делом нескольких минут. После сборки передачи Вадим Янович сказал:

– Учись работать аккуратно и запомни: на радио важно каждое слово»¹.

Оператор магнитной записи
Л. Белокриницкая и стенографистка
В. Глушенко (1970 г.)

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.С. Белокриницкой (2011 г.).

С каждым годом жизнь предъявляла к работникам радио, как и других средств массовой информации, все больше требований. Со всей остротой встал вопрос о строительстве специального здания для радиокомитета, оснащенного современной техникой. 1960-е гг., период строительства Большого Владивостока, был для этого самым подходящим временем. И местные власти, и московское руководство поддержали идею руководителей Комитета, пообещав достаточное финансирование. Вплотную заниматься проблемами строительства пришлось Павлу Федосеевичу Марченко, назначенному в 1962 г. на должность заместителя председателя Приморского краевого комитета по радиовещанию и телевидению вместо В.С. Безручко, переведенного на другую работу. Руководя радиовещанием, Марченко неофициально становился первым заместителем председателя и основным ответственным за строительство Дома радио.

П.Ф. Марченко (2001 г.)

Не удивительно, что при огромном объеме строительных работ во Владивостоке ряд серьезных проектов поручали начинающим специалистам. Дом радио стал первым самостоятельным проектом для Валерия Константиновича Колмакова, недавнего выпускника Московского архитектурного института. Он приехал во Владивосток по распределению для работы в «Приморгражданпроекте», ведущей в регионе проектной организации в области гражданского строительства. Так уж совпало, что прорабом на новой стройке тоже назначили

вчерашнего студента, выпускника Дальневосточного политехнического института имени В.В. Куйбышева Семена Кривоногова. Для него Дом радио также стал первой строительной площадкой.

Как вспоминает В.К. Колмаков, получив задание, он мало что понимал в радиовещании: кроме зачета по акустике у него за душой не было никаких специальных знаний в этой области. Между тем, проектирование специального здания для радио предполагало много специфики. По технологии все концертные студии, аппаратные, речевые кабины требовали определенных параметров даже в воздухообмене и вентиляции. На помощь пришли специалисты из московского института «Гипрокинополиграф», сотрудники которого как раз и занимались проектированием и строительством домов радио, телецентров и киностудий. От них молодой автор проекта получил немало ценных советов. Тем не менее, вспоминал Колмаков, по ходу строительства Дома радио во Владивостоке встретилось столько осложнений, что в итоге пришлось многие вопросы решать самостоятельно.

Однажды на начальном этапе строительства в кабинете Марченко раздался звонок из Москвы. Начальник технического управления Госкомитета после расспросов о том, как идут дела с возведением нового здания, коротко и категорич-

но сказал «Если в первом квартале не освоите 250 тыс. рублей, то финансирование Дома радио будет снято. Безвозвратно».

«Уже шла середина первого квартала, – рассказывал Марченко, – и это заявление для меня, начинающего заместителя длительно болевшего тогда председателя прозвучало как гром среди ясного неба. Пригласил к себе автора проекта В. Колмакова, инженера по технадзору, строителей. Перед нами чистая строительная площадка, занесенная снегом, без какого-либо намека на то, что здесь что-то строят. Стоим, мерзнем, гадаем и не видим никакого выхода. Рыть котлован под фундамент – нереально. Кто-то из нас совершенно неожиданно обратил внимание на перепад уровней между строительной площадкой и нынешним зданием студии телевидения, где в то время размещался радиостудийный комплекс. Здесь обязательно нужна будет подпорная стенка. Физических затрат немного, а стоит дорого. Так был заложен первый железобетонный блок в будущий Дом радио, а для меня начались годы как минимум 12-часового рабочего дня, приобретения настоящих товарищей и друзей, людей творческих, ищущих»¹.

Новый Дом радио во Владивостоке (1970-е гг.)

К строительству Дома радио приступили, еще не имея готового проекта. Он дорабатывался уже на строительном участке, и многие вопросы оперативно решались на месте по ходу дела. Это приводило порой к досадным казусам. Однажды Колмакова срочно вызвали на строительную площадку. Оказалось, что крановщик, подававший на второй этаж панели перекрытий, обнаружил, что они не опираются на параллельные несущие стены, отделявшие коридор от рабочих помещений: он получился более широким, чем предусматривал проект. Пришлось разбирать стену второго этажа, чтобы исправить ошибку.

«Перед нами встал и такой вопрос, – вспоминал Колмаков, – как на ограниченной площади Дома радио совместить столь шумные помещения, как столовая, концертный зал, камера для кондиционирования воздуха, и речевые студии, в которые не должен проникать никакой посторонний звук. Специальных отделочных материалов у нас поначалу не было, но помогли местные власти: для Дома радио из Германии пришли матрасы из стекловолна – ими заполнили стены в целях звукоизоляции. В качестве облицовочного материала для студий

¹ Марченко П. Одиннадцать лет среди друзей и товарищей // Немного о радио... С. 39.

мы использовали дальневосточную березовую фанеру. Ее перфорировали на специальных станках, чтобы устранить возможность отражения звука на микрофон от гладкой поверхности. Кроме того, звук дополнительно глушился заполнителем, размещенным внутри двойных стен»¹.

Трудности строительства диктовались не только предназначением Дома радио. Здание строили на огромной каменной плите, простирающейся до здания Дальневосточного государственного университета, расположенного ниже, на ул. Суханова. Это потребовало дополнительных мер по звукоизоляции. Так появились двойные, не соприкасающиеся друг с другом стены и тройные стекла между дикторскими студиями и аппаратными. Особенно сложными по конструкции оказались Большая и Малая концертные студии. Они напоминали коробки меньшего размера, вставленные внутрь других коробок, побольше, с хорошей изоляцией одна от другой. Пол обеих студий был установлен на специальные пружины, в Малой студии на них же поставили и внутренние стены. На пружинах другой конструкции были укреплены подвесные потолки.

Подруги: режиссер Р. Николаева, операторы магнитной записи Т. Романова и Н. Галкина (апрель 1969 г.)

Немало забот доставил инженерно-техническим работникам монтаж иностранной техники, которая в то время применялась в радиовещании Советского Союза. Ее устанавливали – почти одновременно с отделочными работами – в студиях и аппаратных нового здания своими силами, без привлечения сторонних специалистов. По просьбе руководителей радиотелекома строители раньше других подготовили те помещения, которые в первую очередь требовались для установки техники.

В Доме радио еще продолжались работы по штукатурке, побелке, покраске, а в центральной аппаратной уже полным ходом шел монтаж радиоаппаратуры, прокладывались провода и кабели. Чтобы аппаратура не запылилась, ее старательно закрыли целлофановой пленкой, оставив открытыми только те части, где непосредственно шли монтаж или настройка. Проблем при этом оказалось предостаточно, иногда совершенно неожиданных. Как-то раз, например, обнаружили, что при включении микрофона в дикторской – они там необходимы для оперативной связи со студиями – слышался щелчок в студии звукозаписи. Пришлось искать причину и немедленно устранять ее: никакие посторонние звуки не должны быть слышны во время студийной записи. Подобных доработок в монтаже понадобилось немало.

В Доме радио были запланированы помещения для самых разных нужд. Появилась даже комната «Эхо» – абсолютно изолированное помещение для любых записей. В этой комнате звук на микрофон доходил одинаково из любого места благодаря особому устройству, в том числе железнению стен и отсутст-

¹ Колмаков В. Зачет по акустике // Немного о радио... С. 42.

вию прямых углов. Правда, в дальнейшем эта комната так и не нашла применения, и в ней устроили кладовку.

«Все вопросы с акустикой мы решали самостоятельно, – рассказывает Колмаков. – Чтобы изолировать речевые студии от внешних шумов, их надежно защитили со всех сторон звуконепроницаемыми плитами. Проектировщики также предусмотрели защиту от возможного влияния подземных толчков и уличного автомобильного движения. Использовали и совершенно новые технологии. Потребовалось, например, создать камеру кондиционирования, о котором тогда еще мало кто слышал». Протокол акустических измерений, произведенных в новом Доме радио, зафиксировал соответствие здания всем требованиям, которые предъявлялись к таким сооружениям.

«Надо отдать должное строителям: работали они хорошо, – вспоминал П.Ф. Марченко. – А мы, заказчики, не давали повода для простоев: рабочие чертежи сдавались вовремя, переделок по нашей вине не было, монтажное оборудование, которого было немало, поставлялось своевременно. Немалую роль играло и постоянное участие в производственных планерках председателя Владивостокского горисполкома Ведева. В итоге Дом радио был построен в очень короткие сроки – менее чем за четыре года. Несколько больший по площади Дом радио в Хабаровске строился более двадцати лет». По рассказам очевидцев, выручало то, что все сотрудники радио, от руководства комитетом до редакторов, дикторов и звукооператоров, были заражены единой целью и стали единомышленниками и помощниками друг другу. «Многое значило то, что ход строительства контролировал Павел Федосеевич Марченко, – вспоминала Г.Я. Островская. – Он был прекрасным руководителем и знал, как сплотить людей на большое дело. Честный, открытый и доброжелательный, он не допускал никаких склок в коллективе. Он сам всегда болел душой за порученное дело и заражал этим всех, кто его окружал»¹.

Особая ответственность лежала на технических работниках под руководством начальника радиокomплекса Владимира Алексеевича Евтушевского, по воспоминаниям коллег, принципиального и требовательного человека. Он любил точность во всем и добивался от подчиненных устранения даже самых незначительных помех в работе оборудования. Благодаря этому вся аппаратура, предназначенная для звукозаписи, монтажа и выпуска передач в эфир, работала безукоризненно².

В конце 1965 г. строительство Дома радио закончилось, и в декабре он был сдан в эксплуатацию. Институт «Приморгражданпроект» был награжден Дипломом 1-й степени за проектирование Дома радио, а Валерию Константиновичу Колмакову присвоено звание «Почетный работник Министерства связи» (1965 г.). Отныне он стал признанным специалистом в вопросах акустики. Позднее его приглашали в Воронеж и Ригу, чтобы исправить акустику в местных Домах радио, где никак не удавалось добиться нужных параметров.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с Г.Я. Островской (2008 г.)

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.Т. Фирсова (2001 г.)

На воскреснике. Справа налево: П.Ф. Марченко, неизвестный,
Г.П. Сорокин, Б.И. Лившиц (1966 г.)

С окончанием строительства Дома радио во Владивостоке у сотрудников Приморского радио – администрации, журналистов, инженерно-технических работников – началась работа в новых условиях. Вместе с тем появились и новые заботы: как лучше использовать возросшие возможности подготовки радиопередач и выпуска их в эфир. Они совпали по времени с необходимостью повысить роль радио в жизни края, искать свою аудиторию, конкретных слушателей для каждой передачи.

ГОЛОСА ПРИМОРСКОГО РАДИО

*Существует пятьдесят способов сказать слова «да»
и «нет» и только один способ написать их.*

Джордж Бернард Шоу

Раннее утро. Вы собираетесь на работу. Закройте ненадолго глаза и прислушайтесь: какие звуки вас окружают? Сквозь шум закипающего чайника и гул машин за окном слышна утренняя передача, идущая по радио. Вот диктор прочитал сообщение о погоде, вот зазвучали позывные постоянной рубрики, и ставший уже знакомым голос говорит о ситуации на дорогах, вот объявили о репортаже из села, и на вашу кухню врываются новые голоса, перекрываемые шумом техники. Мы не видим ни этих людей, ни того, что их окружает, но звуки радио позволяют нам мысленно нарисовать картину происходящего. Какой звонкий голосок у корреспондента – видно, совсем еще молоденькая девушка, может, даже студентка. Но ведь не робеет перед селянами, задает дельные вопросы, должно быть, знает сельскую жизнь. А комбайнер, хотя и чувствуется по голосу, что не мальчишка, заметно волнуется. Скорее всего, в диковинку ему по радио выступать, куда привычнее своим делом заниматься. Директор совхоза – тот, напротив, собаку съел на выступлениях, как по писаному рассказывает о текущих проблемах. Но вот заканчивается репортаж, и пропадает ощущение сельского простора и жаркого летнего дня. Голос диктора вновь переносит нас в замкнутую обстановку студии.

Радио – это, прежде всего, голоса. Важны, конечно, и шумы, но лишь как документальное свидетельство сиюминутности, как фон к голосам людей: ведущих передачи журналистов и дикторов, репортеров и комментаторов, гостей студии и интервьюируемых. Только от них зависит, заинтересует ли нас то, о чем они говорят, сможем ли уловить на слух суть сообщения, выделить главное, обратить внимание на детали. Если начиналось Приморское радио с голосов радиотехников-энтузиастов, которым приходилось все делать самим: и настраивать радиоаппаратуру, и готовить текст передачи, и читать его у микрофона, то вскоре на радио появились специальные сотрудники – с хорошей дикцией, умением грамотно говорить и верно передавать смысл сообщений.

В штатное расписание Приморского радио дикторов включили только в начале 1930-х гг. После того, как в 1931 г. по радио прозвучало объявление о том, что требуется диктор, в студию пришли около двадцати человек, желающих попробовать себя в этой профессии. Как вспоминали очевидцы, все они оказались очень посредственными чтецами, и никого из них на работу не приняли. Выручили артисты только что созданного во Владивостоке драмати-

ческого театра: их стали приглашать на радио для чтения новостей и обзоров газет и ведения передач.

«Дикторы 30-х годов были больше похожи на любителей, чем на профессионалов, – вспоминала Е.А. Лихачева, проработавшая диктором Приморского радио 36 лет. – Мы совершенно не были знакомы со спецификой дикторской работы. Если сейчас от диктора ждут мастерства актера-чтеца, то в те годы эти понятия были несовместимы, от диктора требовалось только сухое, безотносительное чтение. Пособий и книг у нас не было, и мы старались подражать московским дикторам. Редакторы по этому поводу острили: “Что вы все читаете то под Левитана, то под Высоцкую, когда будете под себя?”. В марте 1940 г. меня послали в Москву на учебу. Техник речи с нами занимались артистка Камерного театра Зоя Николаевна Корнилова и постановщица голоса в Большом театре Елизавета Александровна Юзвickaя. Преподавал также профессор Былинский, автор дикторского словаря, практические занятия вели дикторы Всесоюзного радио. Моим руководителем была Евгения Исааковна Гольдина, от которой не ускользнуло, что мой голос при чтении меняется, делается выше. До этого я даже не догадывалась, что читала не своим голосом»¹.

Диктор Г.И. Громов у микрофона радиостудии (1939 г.).

Одним из первых дикторов Приморского радио был и Г.И. Громов: «В один из жарких июньских дней 1938 года я с товарищем пришел в небольшое двухэтажное здание по ул.1 Мая, на стене которого значилось: «Радиокомитет». Вот уже несколько дней по радио звучало объявление, что сюда требуются дикторы, и мы решились сходить на испытание, хотя ни он, ни я ничего не знали об этой работе. И вот дрожащей рукой я включаю какой-то рычажок на пульте – мне его показали заранее – и читаю выданную мне статью из газеты.

Потом меня пригласили в кабинет председателя комитета Михаила Федоровича Залевского, который объявил:

– Вы нам подходите, будете работать диктором. А вы (переводит взгляд на моего товарища) шепелявите, следовательно, диктора из вас не получится.

Через несколько дней в отделе кадров в новенькой трудовой книжке – первой и последней – записали: «8 июня 1938 г. Принят на работу диктором». В первые дни ничего серьезного мне читать не приходилось, доверяли только объявления, но и в них я от волнения делал ошибки. Однажды пригласил радиослушателей покупать “тюленевые занавески”, а на другой день посоветовал набивать матрасы морской водой вместо травы»².

¹ Немного о радиоС. 50.

² Громов Г. Как набивать матрасы морской водой // Немного о радио С. 22.

В обязанности диктора входило не только чтение различных текстов, но и ведение музыкальных программ, которые тогда называли концертами: концерт скрипичной музыки или концерт танцевальной музыки. В студии стоял самодельный столик с аппаратурой для проигрывания пластинок. Выпускающая приносила их в студию целую стопку, и диктор, объявляя название произведения, запускал музыку в эфир. Диктор участвовал и в музыкальных композициях, читая стихи, которые чередовались с песнями.

Дикторская группа Приморского радио считалась в те годы одной из лучших в стране. Ее сотрудников отличала высокая культура речи. Они обладали умением быстро осмыслить материал, подобрать нужные темп и тембр голоса, когда каждая фраза, произнесенная ими, становилась понятной и значимой для слушателя. Не случайно во Владивостоке начиналась карьера некоторых дикторов, ставших затем известными всему Советскому Союзу, в частности, диктора Всесоюзного радио Алексея Задачаина. О начале его дикторской карьеры вспоминала Е.А. Лихачева: «Он был молодым артистом театра имени Горького, когда однажды утром пришел в радиостудию читать детскую передачу. У меня как раз было утреннее дежурство. Я усадила его к микрофону. Обычно, чтобы не смущать исполнителя, дикторы старались не смотреть на него, но слушали всегда очень внимательно. Как только Алексей прочитал первую фразу, я невольно встрепенулась и подняла голову. Меня поразили его чудесный голос, мягкий, бархатный баритон. Такие голоса очень радиофоничны. Во мне заговорил профессиональный интерес. После записи детской передачи стала уговаривать Задачаина попробовать себя в дикторском деле. Он согласился и проработал у нас в качестве диктора-актера несколько лет, а затем продолжил дикторскую деятельность в Москве. Через некоторое время он приезжал к нам уже как методист. На Приморском радио как раз появилось много молодежи, которую надо было учить дикторскому мастерству: Виктор Бойко, Дмитрий Гончар, Алексей Хортов, Алевтина Василевская, да и дикторы постарше, имевшие уже первую и даже высшую категорию, тоже стремились повысить свою квалификацию»¹.

«Я хорошо помню военные годы, когда служил на корабле Тихоокеанского флота радистом, – вспоминал Сергей Петрович Муромцев², заместитель председателя Приморского телерадиокомитета (по делам радио) в 1972–83 гг. – Где бы ни были мы на просторах Тихого океана, мы всегда ловили радио Владивостока, и так приятно было услышать родной русский язык. Личный состав корабля всегда просил: давай Владивосток! Мы узнавали голоса наших дикторов и артистов, которые часто выступали по радио – Евгению Лихачеву, Наталью Кондра-

¹ Немного о радио С. 50.

² Муромцев, Сергей Петрович (1921, с. Муромцево Омской обл. – 2005, Владивосток). Остался во Владивостоке после службы на Тихоокеанском флоте, работал начальником радиошколы ДОСААФ. В 1950 г. окончил (с отличием) краевую партшколу, в 1964 г. – (с отличием) факультет журналистики Хабаровского отделения Высшей партшколы. До 1972 г. – на партийной работе: редактор Черниговской районной газеты «Черниговский колхозник», зав. сектором печати Приморского крайкома КПСС, первый секретарь Фрунзенского райкома КПСС (Владивосток). С 1972 по 1983 гг. – зам. председателя Приморского комитета по телевидению и радиовещанию (по делам радио). Заслуженный работник культуры РСФСР (1980 г.), отличник радио и телевидения.

тенко, Веру Демидову, Полину Ковалеву, Василия Ивановича Ромашова, Григория Петренко, Вадима Мялка, Георгия Попова»¹.

Слева направо: М.Н. Антипина, В.А. Демидова, Г.С. Ярцев (диктор Всесоюзного радио), Н.П. Кондратенко, Е.А. Лихачева, А. Абраженюк (стоит) (1960-е гг.)

Дикторы Приморского радио работали не только у микрофона. Главный редактор музыкального вещания Антонина Ричардовна Шинкаренко вместе с главным режиссером В.И. Ромашовым постоянно включали дикторов в концертные бригады из певцов, чтецов, музыкантов, которые регулярно создавались в Комитете по радиовещанию для внестудийных выступлений. Дикторы на этих концертах выступали в роли ведущих. «Помню свою концертную бригаду: певцы Ольга Беляева, Надежда Санцевич и Мария Волошинова, чтец Василий Иванович Ромашов, баянист Василий Кабанов, концертмейстер Леонид Заславский, – вспоминала Е.А. Лихачева. – Сколько шефских концертов мы провели на кораблях, в воинских частях, больницах, избирательных участках! Везде нас хорошо принимали. Однажды, когда я вышла объявить о начале концерта, в зале раздался шепот: “Кто это?”. Сидевшая в зале Нина Ивановна Иванова, редактор литературного вещания, назвала мою фамилию. В ответ последовало: “Да ну? Сама Лихачева?” Для меня это было признаком того, что нас слушают, знают, уважают, что мы популярны. Появилась гордость за дикторский коллектив и глубокое удовлетворение своей работой»².

Лазарь Григорьевич Коробченко познакомился с радио еще школьником. Участвуя в художественной самодеятельности, он читал стихи, участвовал в постановках драмкружка. С этим кружком впервые выступил и на Омском радио, где поставили пьесу по рассказу А. Чехова. Звукозаписывающей аппаратуры еще не было, и они выступали в прямом эфире. «В 1944 г. после одного такого выступления меня пригласили к председателю радиокомитета и спросили, не хочу ли я работать диктором, – вспоминал Коробченко. – Предложение было неожиданным. Шла война, по радио каждый день звучали сообщения от Советского Информбюро и приказы Верховного главнокомандующего, и работа дик-

¹ Немного о радио... С. 50.

² Там же.... С. 51.

тора была главным образом связана с этими серьезными и важными текстами. Себя в такой роли я и представить не мог, но Омскому радио требовался диктор-мужчина, и я согласился попробовать. Так началась моя работа диктором, которая не прерывалась много лет. Увы, из-за этого пришлось уйти из техникума, так как совмещать учебу с работой не получилось»¹.

Л. Коробченко и А. Василевская на записи радиожурнала «Дорогие мои старики» (1999 г.)

После войны Коробченко окончил медицинский институт и во Владивосток приехал в 1951 г. по распределению. Поначалу молодой специалист планировал заниматься исключительно врачебными обязанностями, но однажды он встретил знакомого по Омску Б.В. Вернера, дирижера симфонического оркестра Приморского радио. «Нам нужны мужские голоса», – сразу же заявил тот и повел Коробченко к С.В. Юрченко.

«Входить в новый коллектив всегда немного страшновато: неизвестно, как примут тебя, – рассказывал Лазарь Григорьевич, – но коллектив Приморского радио оказался на редкость дружелюбным.

Своим участием в моей судьбе мне очень помогли на первых порах и дикторы, и редакторы, и выпускающая Бетти Григорьевна Аронова. Дикторская группа была очень сильной, в ней работали высокие профессионалы, каждый – со своей индивидуальностью. Режиссер Ромашов был очень требовательным, он ждал от дикторов и приглашенных артистов полной отдачи и погружения в текст, который они произносят. Он сам был не только прекрасным актером, но и обладал тонким музыкальным вкусом, поэтому все передачи, подготовленные с его участием, были блистательно оформлены музыкально».

Белокриницкая вспоминала, как Ромашов записывал радиопьесу с артистами владивостокских театров.

– Ты не так мямлишь, как надо! Попробуй говорить, будто у тебя во рту кусок хлеба.

– Не могу, – отвечает артист, – с пустым ртом не получается!

– Ну, иди сюда, у меня есть конфета.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.Г. Коробченко. 2008. (Рукопись).

Вдруг снова пауза.

– В чем дело? – возмущается Ромашов.

– Ваша конфета прилипла к нёбу!¹

Заслуженный деятель искусств РСФСР Василий Иванович Ромашов, мягкий, добрый и чуткий человек, был еще и прекрасным психологом. Он обладал способностью раскрыть в человеке такие творческие качества, о которых тот даже не подозревал. Благодаря этому определилась судьба известного в Приморье мастера художественного слова Заслуженного артиста Российской Федерации Льва Александровича Ткачева (1936–2003 гг.).

В.И. Ромашов с артистами (1960 г.)

«Радио я люблю с детства, потому что благодаря этому чуду я влюбился в русское слово, – рассказывал Л.А. Ткачев. – Одним из проводников этого слова и был Ромашов. Впервые услышав его в эфире, мне нравился его голос, а манера читать просто завораживала. Слушая литературные передачи в исполнении Василия Ромашова, я испытывал желание быть таким же, как он, так же читать рассказы и стихи. Возможно, я даже чувствовал предназначение повторить его творческий путь.

Когда на Приморском радио по инициативе Ромашова организовали детский радиотеатр, где он был режиссером, и объявили конкурс среди школьников города для поступления в него, я решил пойти попробовать себя. Меня не остановило даже то, что я заикался. Не удалось избежать этого и во время испытания, где я несколько раз заикнулся, тем не менее, я оказался в числе пятнадцати школьников, которых Василий Иванович отобрал для участия в радиотеатре после прослушивания.

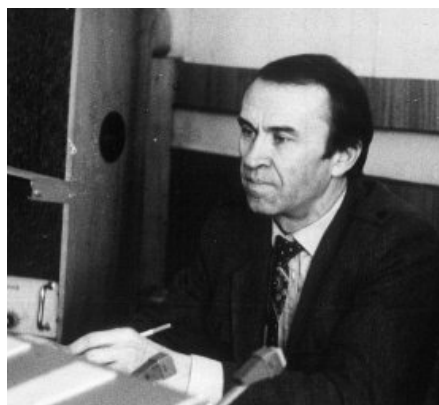
Первой работой детского радиотеатра была сказка Пушкина «О мертвой царевне и семи богатырях». Василий Иванович дал мне образ Ветра. Я выучил текст, но никак не мог научиться читать его, не запинаясь. Как только оказывался у микрофона, начинал от страха заикаться еще сильнее, чем обычно. Сказку записывали сразу на музыку, при этом ни заикания, ни ошибки, конечно же, не допускались. Вновь и вновь мы начинали запись моей сцены, но ничего не получалось. Ромашов долго мучился со мной, но потом оставил в покое и перешел к записи других сцен. Меня же записал потом без музыкального сопровождения и успокоил: «Не волнуйся, Левушка, все у тебя получится. А пока слушай нашу сказку в воскресенье». Ни жив, ни мертв сел я к репродуктору, не сказав никому из домашних о нашем выступлении. И вот начинается радиоспектакль, и к своему удивлению я слышу среди других свой голос – без всяких заиканий. Потом мы с Василием Ивановичем подружились и сделали вместе много работ. Он был моим наставником, первым творческим другом.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.С. Белокриницкой. 2011 г. (Рукопись).

Радио – большая школа для всякого артиста. Микрофон улавливает всякую фальшь, как и камера. Василий Иванович был настоящим мастером. Он не терпел фальши, и нас учил этому: говорите образно, но просто. Он обладал добрым юмором и оптимизмом. Вокруг него всегда собиралось много творческих людей, потому что с ним всем было интересно. Он давал так много окружающим, что после общения с ним хотелось жить и работать»¹.

После введения на Приморском радио второй и третьей программ состав дикторской группы увеличили до 12 человек. Понадобились новые силы. В ноябре 1960 г. Приморское радио объявило конкурс, на который пришли около 250 человек. Среди шести человек, оставленных для трехмесячной учебы, был Алексей Алексеевич Хортов. К этому времени он уже владел несколькими специальностями и имел за плечами опыт работы в самых разных областях, в том числе каменщиком, электриком, механиком радиолокационных установок, художником-оформителем, но что-то до конца неосознанное не позволяло ему остановиться на какой-то одной профессии и посвятить ей себя полностью. «Был замечательный период “оттепели”, – вспоминал Хортов. – Мы ощущали свободу, когда все казалось возможным. Поэтому хотелось найти какой-то свой путь и реализовывать эти намерения»².

Школьником Алексей участвовал в постановках детского театра, сыграл несколько ролей, выступал на литературных вечерах с чтением стихов и прозы, и возможность стать диктором радио показалась ему воплощением мечты: может, это как раз то, к чему он стремился всей предыдущей жизнью. Победа в конкурсе стала поворотным моментом в его судьбе, и вот итог: с 75-летием юбилеем Приморского радио совпало 40-летие работы у микрофона Алексея Алексеевича Хортова. Кстати, из тех шести человек, отобранных первоначально,

А.А. Хортов (1970-е гг.)

работать на радио взяли только двоих – Алексея Хортова и Алевтину Василевскую. Хортова часто называли прирожденным диктором – за четкую, грамотную и красивую речь, приятный тембр голоса, богатство интонаций. Действительно, многие качества, необходимые диктору, досталось ему от рождения, но начинать работу на радио все же оказалось непросто. Тогда, в ноябре 1960 г., ему назначили в учителя (на общественных началах) Е.А. Лихачеву, и в марте 1961 г. начинающий диктор впервые вышел в эфир с объявлением концерта на 3-й программе. «Я был сине-красный, мокрый от пота, руки тряслись – настолько волновался, – вспоминал Хортов. – И сегодня, когда некоторые молодые коллеги говорят, что они бывают совершенно спокойны, выходя в эфир, я не верю. Про-

¹ Ткачев Л. После общения с ним хотелось жить и работать // Немного о радио С. 33.

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с А.А. Хортовым (2001).

сто с годами, с приобретением опыта ты учишься контролировать свои эмоции. Никто с первого шага не делает все правильно. Только после двух–трех лет можно судить, получится из тебя хороший диктор или нет».

Те, кто работал рядом с Алексеем Алексеевичем, помнят, как дотошно готовился он к чтению материала: расставлял интонационные ударения, заменял отдельные слова и обороты речи на более простые, доступные восприятию на слух. «Будучи заместителем председателя Комитета, я любил наблюдать, как работает Алексей Хортов, – рассказывал С.П. Муромцев. – Садясь к микрофону, он преображался. Лицо становилось вдохновенным, глаза светились по-особому. Он произносил вроде бы простые слова, но в его речи они приобретали вес. Он читал всегда неторопливо, что позволяло радиослушателям запоминать смысл сказанного».

«Так и звучит в памяти его баритон: “О доблести, о подвиге, о славе...”, – вспоминает Н.В. Дека. – Это я спускаюсь по лестнице, а он идет в студию и по пути разминает голос. Каким замечательным он был диктором! Если твоя передача оказалась в его руках – можешь расслабиться. Даже в самых твоих неуклюжих фразах он найдет глубокий смысл, и в эфире программа будет звучать достойно. Глубина души? Философский склад ума? Наверное, все вместе...»¹.

Хортов считал, что работа диктора – это не просто красивое и грамотное чтение у микрофона. Это еще и ответственность за все, что сказано. Не случайно, именно с дикторами слушатели ассоциировали все радиопередачи. Хотя над передачей работали еще и редактор с корреспондентами, и звукооператор, и режиссер, для слушателей самым близким человеком оказывался диктор – его голос слышали по радио и с ним связывали все свои чувства и надежды. Дикторам писали, благодарили, обращались за советом. «Бум пришелся на 80-е годы, – вспоминал Хортов, – когда дня не проходило без звонков или почты на мое имя. Пакеты передавали с подарками – шоколадка, банка икры, конфеты... Несколько случаев было, когда людьми приходили за советом. “Вы извините, говорят, но только к вам можем обратиться, подскажите, как поступить...”. Однажды даже советовались, рожать или не рожать – так доверяли»².

Дикторы В. Муравьев и Н. МIRONЧИК с режиссером Р. Николаевой

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.В. Дека. 2019. (Рукопись).

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с А.А. Хортовым (2001).

В течение более трех десятилетий в паре с Заслуженным работником культуры РСФСР (1979 г.) Алексеем Алексеевичем Хортовым чаще всего работала другая замечательная диктор Нина Георгиевна Мирончик. В отличие от напарника, она пришла на Приморское радио, уже имея небольшой опыт работы у микрофона. Ее, вчерашнюю выпускницу педагогического института, работавшую в одном из сел Амурской области, заметили руководители местного телевидения. В те годы оно только-только зарождалось, и там искали подходящих для работы в кадре людей. Нина подошла как нельзя лучше: красивая девушка с глубоким бархатным голосом, филолог по образованию, к тому же легкая на подъем и увлеченная журналистикой.

В Амурском областном комитете по телевидению и радиовещанию очень горевали, когда Нина вышла замуж за моряка и уехала к нему во Владивосток, зато Приморское радио благодаря этому приобрело прекрасный голос, который украшал немало передач, а некоторые и вовсе спасал. Даже невзрачный и банальный текст в исполнении Нины Мирончик обретал особый смысл – настолько лирично и проникновенно звучал ее голос. Он в полном смысле слова входил в душу радиослушателей. В 70–80-е гг. в адрес Мирончик тоже приходило множество писем от приморцев с благодарностью за теплые слова, прозвучавшие в той или иной передаче.

За долгие годы работы на Приморском радио Нина Мирончик и Алексей Хортов достигли такого взаимопонимания, что понимали друг друга с полувзгляда, чувствовали с полуслова, и лучшего сочетания голосов нельзя было и представить. Теперь уже они сами не раз бывали членами жюри конкурсов на замещение вакантных мест в дикторской группе. Как и в прежние времена, проверить свои силы приходило до сотни красивых и грамотных молодых людей, желающих поработать дикторами на радио или телевидении. Многие из них обладали хорошими голосами, но отбирались единицы – лучшие из лучших. После таких конкурсов дикторами стали библиотекарь Ирина Князева, биолог Инна Прокопенко, актеры Андрей Новоселов, Виктор Якутович, Валерий Муравьев, Валерий Чекушев, техник-строитель Андрей Радаев. Большинство работали у микрофона в течение многих лет, пусть в дальнейшем и не на Приморском радио. Они учились у Алексея Хортова и Нины Мирончик, Лазаря Коробченко и Зары Улановской, Галины Зевахиной (Мялк) и Светланы Волковой (Максименко). Вслед за опытными коллегами они познавали тонкости ремесла, учились менять тональность и скорость чтения в зависимости от дня недели и времени суток, от тематики текста и стиля автора.

Дикторская группа постоянно занималась самообразованием. Еженедельно назначался дежурный диктор, в обязанности которого входило прослушивание передач и анализ дикторской работы. По его просьбе техники записывали передачи с участием дикторов на пленку, чтобы потом, на дикторской летучке можно было прослушать их совместно и разобрать недостатки и удаchi. Опытные дикторы обязательно занимались с каждым, кто только начинал работу, а во всех аппаратных на столе рядом с микрофоном лежал словарь ударений русского языка. Никто, ни дикторы, ни журналисты, не считали, что они подрывают свой авторитет, заглядывая в этот словарь во время записи передачи.

«Контроль за языком, ударениями был самым жестким, – подтверждает П.Ф. Марченко. – Ведь слово, сказанное по радио, должно быть эталоном про-

изношения. Мы не стеснялись остановить запись выступления самых высоких начальников, если они допускали нарушение норм языка».

Станиславский писал, что уметь просто и красиво говорить – целая наука, у которой свои законы, и для освоения их нужна вся творческая жизнь. Думается, с этим согласятся все, кто работал когда-либо у микрофона. Нельзя выучиться мастерству диктора или ведущего раз и навсегда. Каждая новая передача, каждая тема требует особого подхода, особой подачи материала. В годы перестройки, когда на смену заранее подготовленным и записанным на пленку передачам пришел «прямой эфир», от дикторов потребовались способности импровизировать, работать в паре с ведущим-журналистом, подхватить на полуслове его фразу. К чести дикторов Приморского радио, они оказались хорошими партнерами журналистам и нередко выручали их по ходу передачи, находя самое точное слово для комментария и развивая начатую ведущим мысль. Журналистам же это партнерство дало хорошую практику красивой и грамотной речи.

НЕ БЫТЬ ПОДСТАВКОЙ К МИКРОФОНУ

Это были любимые слова Валентина Александровича Ткачева¹. «Вы журналисты, а не подставка к микрофону», – часто говорил он. В 1977 г. Ткачев был назначен председателем Приморского комитета по телевидению и радиовещанию², но при всей любви к телевидению, набравшему в те годы силы, оставался близок делам радио. Его заботами он жил в течение многих лет, будучи сначала нештатным корреспондентом, а потом руководителем Находкинской городской радиоредакции, собкором Приморского радио и заместителем председателя Комитета по телевидению и радиовещанию. Да и кабинет председателя находился тогда в Доме радио, поэтому ничто не могло ускользнуть от его внимания.

По воспоминаниям В.А. Ткачева, он начал «играть» в радио в 13 лет. Шла Великая Отечественная война. Отец работал управляющим производственного комбината «Востокрыбхолод» (в дальнейшем управление «Востокрыбхолод-флот») и как ответственный работник получал сводки информбюро ТАСС с последними сообщениями с фронтов и о событиях в стране. Бабушка, хлопоча у плиты, просила внука рассказать, что происходит на фронте, и тот читал ей сводки, подражая дикторам радио. После войны в доме появился радиоприемник «Родина», и Валентин любил проводить за ним время, «ловя» разные станции. Однажды он самостоятельно «поймал» Москву и Лондон во время триумфальной поездки московского футбольного клуба «Динамо» в Англию. В доме стояла ночная тишина. Большой неоновый «глаз»-индикатор настройки то расширялся, то сужался, будто бы подмигивал подростку. Вполголоса, с затуханиями пробивался голос Вадима Синявского, первого советского спортивного коммен-

¹ Ткачев Валентин Александрович (1931, Владивосток – 2002, Москва). Окончил Владивостокский государственный педагогический институт (филологический факультет) (1954 г.) и Высшую партийную школу (1963 г.). Редактор городской радиоредакции в Находке, собственный корреспондент Приморского радио. Ответственный, затем главный редактор общественно-политического вещания Владивостокской студии телевидения, заместитель председателя Приморского краевого комитета по телевидению и радиовещанию. Председатель Приморского телерадиокомитета в 1977–1987 гг. Заслуженный работник культуры РСФСР. Профессор кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики ДВГУ. Создатель первой в Приморье негосударственной телекомпании «Восток-ТВ» (1991 г.). Автор книги мемуаров «Синяя птица телевидения» (Владивосток, 1997). Похоронен во Владивостоке.

² В связи с возросшей ролью телевидения с января 1971 г. Приморский краевой комитет по радиовещанию и телевидению был переименован в Комитет по телевидению и радиовещанию Приморского крайисполкома.

татора. На всю жизнь запомнил будущий журналист впечатление от радиопередачи на расстоянии в десятки тысяч километров.

В.А. Ткачев (1972 г.)

Семиклассником Ткачев написал первую заметку для «Приморской зорьки» о том, как в школе отметили очередную годовщину Красной Армии. Отправив ее по почте в радиокomitee, он каждый день слушал «Пионерскую зорьку» и ждал, когда же по радио прочитают его материал. Он уже потерял всякую надежду, когда вдруг услышал сообщение о празднике в своей школе. Факты, вроде бы, соответствовали тому, что он писал, но изложение было совсем другим, что заставило задуматься и пойти в редакцию. Откуда же было школьнику знать, что информация должна быть оперативной,

со словами «вчера» или «сегодня», а в основе ее должен лежать факт, а не расплывчатые впечатления автора.

В секторе детского вещания, как тогда называли редакции, работали три женщины-редактора, а возглавляла его ответственный редактор Зинаида Федорова Первушина. Она-то и встретила Валентина Ткачева, объяснив ему, как редактору пришлось поработать с его информацией, чтобы сделать ее удобочитаемой и интересной. Тогда же Валентина зачислили в юнкоры и дали первое задание. До окончания школы он активно сотрудничал с детским вещанием Приморского радио, постепенно становясь членом творческого коллектива. «Тогда я стал понимать, что для радио надо писать так, чтобы слово звучало, – вспоминал В.А. Ткачев, – а игра в радио, начавшаяся в школьные годы, превратилась в любимое дело, которому отдано уже полвека»¹. В 1954 г. он окончил филфак Педагогического института во Владивостоке, а затем Высшую партшколу при ЦК КПСС (1963 г.), после чего и сделал головокружительную карьеру, став сначала заместителем легендарного председателя С.В. Юрченко на телевидении, затем – на радио, и, наконец, председателем комитета.

«Появление на радио Ткачева имело и преимущества, и сложности, – вспоминал И.Ф. Гурко. – Талантливый журналист и хороший организатор, он захотел сразу все перестроить. 70-е годы для Приморского края были интересным и насыщенным временем. Строились новые заводы, порты, горнообогатительные комбинаты и предприятия энергетики. Ткачев считал, что при таком размахе и радио должно развиваться динамично, а передачи отражать настрой приморцев на большие дела. Он тонко чувствовал обстановку, умел быстро и остро реагировать на событие или установку руководящих органов, умело рекомендовал формы и способы подачи материала. Вместе с тем он страшно болезненно относился к любому замечанию в свой адрес, особенно от краевых властей или дру-

¹ Ткачев В.А. Сначала было радио // Немного о радио.... С. 54–55.

гих начальников. Сам же он бывал беспощаден в своей критике, не обращая внимания на то, как люди воспринимают его слова. Ему прощалось многое, так как журналисты понимали: в конечном счете, все его требования справедливы, ради дела»¹.

Приморский край к этому времени был полностью радиофицирован. При населении 1 млн 850 тыс. человек в нем насчитывалось 680 тыс. точек проводного вещания, не считая других приемников. Объем местного радиовещания по первому каналу составлял 15 часов в сутки, а среднесуточный по трем программам – 21 час. Вещание велось по шести радиостанциям, в том числе двум коротковолновым, одной средневолновой и трем длинноволновым. В 1972 г. Приморский телерадиокомитет начал первые передачи стереофонического вещания, доведя его объем до шести часов к 1980 г. В апреле 1969 г. был организован Радиотелецентр (директор Николай Тимофеевич Фирсов), в котором объединили технические средства Комитета и Управления связи, необходимые для производства телевизионных и радиопередач. После этого началась работа по обновлению техники.

В 1979 г. в Доме радио произвели полную замену устаревшего радиовещательного оборудования: чешские комплексы фирмы «Тесла» на радиолампах, снятых с производства, были убраны, а на их место установлено венгерское оборудование третьего поколения фирмы «Фит». Инженер П.М. Никулин вспоминает, что за двадцать лет работы на Приморском радио, с 1983 по 2004 гг., он неоднократно участвовал в замене техники. Это заставляло постоянно учиться, в том числе на курсах усовершенствования в Москве.

Технические работники Приморского радио. Слева направо:
неизвестный (водитель?), начальник цеха звукозаписи
Л.С. Шувалов, звукооператор И. Рошина, инженер П.М. Никулин (1980-е гг.)

«Не только во Владивостоке, в радиоредакциях восьми городов Приморского края были установлены комплекты МЭЗ-204 – щит питания, пульт, магнитофоны, микрофоны, акустическая система. Эту работу мы выполняли с Олегом Шалепой, Владимиром Давыденко, Михаилом Скарутиным под руководством Владимира Алексеевича Евтушевского, а обслуживали работники мастерской Дома радио. В некоторых городах это оборудование продолжает работать до сих

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с И.Ф. Гурко (2001 г.)

пор, хотя обслуживать его – настраивать, ремонтировать – уже некому: штаты сокращены до нуля»¹.

В 1970-е – 80-е гг. ежедневно по разным программам Приморское радио передавало в эфир (помимо трансляции из Москвы) шесть выпусков «Последних известий», шесть–семь передач на общественно-политические темы, обзор краевых газет, четыре–пять литературно-драматических передач, свыше двадцати концертов и музыкальных программ, три–четыре передачи для детей разного возраста.

Наибольшее внимание уделялось первой программе, но назвать второй канал неинтересным и невыразительным было бы совершенно неправильно. Хотя часть его заполнялась материалами ленты ТАСС и беседами лекторов общества «Знание», множество музыкальных и литературно-драматических передач предназначались именно для второй программы.

В политике радиовещания также произошли изменения. Если раньше радио воспринималось главным образом как канал официальной информации, то с 60-х гг. одной из основных задач стало приблизиться к радиослушателю, сделать его своим собеседником. Вещание начали строить так, чтобы его ритм как можно полнее совпадал с житейским. В этот период была разработана концепция вещательной сетки с утренними, полуденными и вечерними отрезками как наиболее важными для радио. Каждый отрезок должен был иметь свое лицо и свою аудиторию, в каждом были предусмотрены цикловые программы, рассчитанные на определенный круг слушателей.

В будничные дни рано утром, всегда в одно и то же время, приморцы получали краткий выпуск новостей с сообщениями из городов и районов края и прогнозом погоды. Первый отрезок вещания, который заканчивался в 8 час. утра, завершала пятиминутка «В эфире песня», провожавшая приморцев на работу. Музыкальные редакторы, готовившие ее, часто включали в программу песни, о которых просили радиослушатели, но если был повод, например, профессиональный или государственный праздник, то песня подбиралась в соответствии с его тематикой.

Основные рубрики настраивали человека на оптимистическое восприятие мира, а планируя радиодень, в редакциях старались думать о том, чтобы какая-то тема, начавшись утром, находила продолжение в обеденном эфире, а итоги, если требовалось, подводились в вечернем выпуске «Последних известий». За этим особенно следили в главной редакции информации (главный редактор Виталий Иовович Солдатов, старший редактор Вениций Иванович Емельянов). Журналист, спешивший утром на какое-то совещание или конференцию, знал, что редактор ближайшей информационной программы ждет от него короткое сообщение, а уже для следующего выпуска новостей он просто обязан подготовить полноценный репортаж о событии. Этого правила придерживались не только информационщики. Репортажи и интервью для выпусков краевых новостей приносили сотрудники всех редакций: иначе было невозможно «прокормить» прожорливый радиоэфир. Кроме того, сотрудничество с другими редакциями давало журналистам дополнительный гонорар. Каждая микрофонная папка, основной документ радиоэфира, содержала перечень материалов, использованных в передаче, с названием, жанром, продолжительностью звучания и фамилией автора. На основании этих сведений начислялись гонорары, которые

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания П.М. Никулина. 2001 г. (Рукопись).

выплачивались ежемесячно. У некоторых наиболее активных журналистов гонорар можно было сравнить с окладом!

В.И. Емельянов выступает на «летучке» журналистов радио. За столом – С.П. Муромцев (1980 г.)

Радио продолжало вести шефство над новостройками края. В выпусках новостей и других программах редакций информации, пропаганды и промышленной регулярно звучали передачи о строительстве Мельгуновской рисовой системы, Приморской ГРЭС в Лучегорске и линии электропередач ЛЭП-500, заводов Славянского судоремонтного, Новоспасского цементного, Лесозаводского биохимического и Владивостокского фарфорового. Все стройки считались народными, и радио, освещая ход строительства, должно было задавать тон.

Сотрудники главной редакции информации и ее друзья. Справа налево: В. Солдатов, Г. Братко, С. Оноприенко, Р. Скорбач (сельскохозяйственная редакция телевидения), Денис Солдатов, Н. Соловьева, Н. Чекризова (сельскохозяйственная редакция телевидения), Н. Братко, Г. Дружин (студия «Дальтелефильм») (1980 г.)

В 1979 г. народной стройкой стал водовод для снабжения Владивостока водой из Артемовского водохранилища. Для оперативного освещения хода работ с легкой руки Галины Братко в эфире появилась радиогазета «Владивосток и владивостокцы». В этот период Галина потрясла своей работоспособностью всех радиещиков: она ежедневно бывала на стройке и готовила для утреннего выпуска радиогазеты 10–15-минутный репортаж «Вести с водовода». После завершения

строительства программа осталась в сетке вещания Приморского радио как городская и обросла дополнительными сюжетами.

По-прежнему радио освещало ход социалистического соревнования на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. «Мы будем всю зиму следить за соревнованием двух ферм, из Даниловки и Нестеровки, – сообщала в краевой газете старший редактор сельскохозяйственной редакции Елена Кантакузова. – Журналисты не раз побывают там, встретятся с животноводами, запишут на магнитофонную пленку голоса доярок, скотников, зоотехников, чтобы узнать, что их радует и тревожит. Передачи с ферм будут регулярно звучать в программе “В час обеденного перерыва”»¹.

Елена Ивановна Кантакузова пришла на Приморское радио после работы в краевой молодежной газете «Тихоокеанский комсомолец». Заменив Аглаю Суроедину в сельскохозяйственной редакции, она унаследовала от нее главный принцип – увидеть то, о чем рассказываешь, своими глазами. Несмотря на большую ногу и хромоту, она добиралась с 5-килограммовым магнитофоном в самые отдаленные колхозы и совхозы Приморья, чтобы потом познакомить радиослушателей с селянами. «Когда она переписывала в аппаратной свои пленки, – вспоминал И.Ф. Гурко, – то каждому заходящему туда обязательно давала послушать самые интересные, на ее взгляд, фрагменты записи и при этом восклицала: “Ты только послушай, как он говорит!” Казалось, что вместе с героем своей передачи она радовалась его удачам и переживала за проблемы»².

На радио появились новые программы, полюбившиеся приморцам, а существовавшие раньше менялись, приобретая свежий формат и содержание. После XXIV съезда партии (1971 г.), когда определилась четкая линия на привлечение предприятий тяжелой промышленности к производству товаров народного потребления, было много дискуссий о том, как Приморское радио должно освещать эту тему. По предложению Юрченко в составе главной редакции пропаганды была создана специальная редакция, которая стала заниматься вопросами производства товаров народного потребления и бытового обслуживания. Она готовила программу «Забота твоя, моя, наша», которую радиослушатели называли коротко «Заботой». Редакцию возглавила Алла Прозорова, работавшая в редакции пропаганды и раньше. По воспоминаниям коллег, «трудновато ей было с ее удивительно мягким характером. Она страшно стеснялась, когда приходилось разбираться в запутанных проблемах бытового обслуживания и в других чисто производственных делах, но у нее хватало терпения и настойчивости разобраться и дать в эфир интересную передачу на важную тему»³.

В дальнейшем этими темами занимались старшие редакторы Валентина Байкалова и Любовь Надёжина. Обе оставили заметный след в истории Приморского радио, имея собственный стиль подачи материала, каждая по-своему привлекая внимание приморцев к бытовым проблемам. Редакцию со временем сформировали, ее сотрудники влились в другие коллективы Приморского радио, но программа жила еще многие годы и была популярной. Ее готовила промышленная редакция, рассказывая о новых товарах, выпускаемых в Приморье, поднимая проблемы бытового обслуживания, отвечая на вопросы, а нередко и по-

¹ Красное знамя. 1985. 20 янв.

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с И.Ф. Гурко (2001).

³ Гурко И.Ф. Пути-дороги... С. 184.

могая приморцам, если они сталкивалась с несправедливостью или грубостью в сфере торговли и обслуживания.

Редакция пропаганды готовила и радиожурнал «Меридиан», выпуск которого начался в конце 60-х гг. после требования Москвы включиться в работу контрпропагандистского характера. Редактором этой программы была Татьяна Павлова, пришедшая на Приморское радио из артемовской газеты. Современники отзываются о ней как о человеке большой внутренней культуры, журналистке «с даром божьим» и точным пониманием задач, которые перед ней ставились. Благодаря Павловой «Меридиан» быстро приобрел свое лицо, зачастую отходя в сторону от пропагандистских тем и рассказывая об интересных событиях и людях. В том, что радиожурнал запомнился слушателям, есть и большая заслуга звукорежиссера Ларисы Орловой. Богатое содержание и умелое оформление программы «Меридиан» позволили ей жить многие годы даже при смене редакторов.

Для молодежного вещания, входившего в 70-е гг. в главную редакцию пропаганды, были свойственны все черты юности: поиск, движение, неутомимость. У старшего редактора молодежной редакции Инны Евгеньевны Лебедевой было острое чувство современности и убеждение, что будущее мира принадлежит молодым. И потому еженедельная часовая программа «Современник», которую выпускала редакция, всегда была актуальна, интересна и нацелена в будущее. Темы, волнующие молодежь, были востребованными в 70–80-е гг., и передачи Приморского радио не просто информировали радиослушателей о том, что происходило в молодежном движении, но и звали за собой, помогали организовать досуг.

«Одним из замечательных качеств Инны Лебедевой было то, что все ее собеседники чувствовали себя талантливыми, – вспоминает Н.В. Дека. – Садится она рядом с человеком, пришедшим в студию на интервью, и от вопроса к вопросу он вдохновляется и начинает рассказывать интереснейшие вещи. Меня она тоже вдохновила, и я стала постоянным автором молодежной редакции»¹.

Наталья Дека пришла в молодежную редакцию Приморского радио в 1972 г. студенткой 2-го курса с предложением сделать передачу о том, какие песни поют студенты в общежитии на Океанском проспекте, и включилась в работу – сначала внештатным автором, а после окончания университета редактором. «Наши помыслы чисты и мечты прекрасны, – рассказывает она. – Это было время комсомольских ударныхстроек. Нашим слушателям были интересны рассказы строителей Байкало-Амурской магистрали о трудностях и победах. Студенты уезжали летом в стройотряды, а по возвращению в эфир звучали их вдохновенные рассказы о командном духе и энтузиазме при строительстве сельских школ или обработке рыбы на Шикотане. В это годы началось мощное движение бардовской песни, и мы в “Современнике” давали в эфир тогда еще мало кому известных Сергея Никитина, Виктора Берковского и других, кто приезжал на Дальний Восток и потом пел об этом.

Одной из ударных молодежныхстроек были Сиваковские рисовые системы, и командировки в Приханкайскую долину были довольно частыми. На совхозных газиках мы с инженерами и учеными объезжали бескрайние поля с рисовыми чеки, системами орошения и осушки. Инженеры рассказывали, как сложно выстроить идеально ровный рисовый чек, который после таянья снега и тайфунов опять нуждался в выравнивании. А их были гектары, этих чеков! Сюда приезжали молодые

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.В. Дека. 2019. (Рукопись).

люди со всех концов страны. Для них строились современные двухэтажные коттеджи со всеми удобствами. Далеко не все переселенцы показали себя с лучшей стороны, приходилось видеть новые дома, в которых канализация уже сломана, двор вокруг дома захлащенный. И об этом тоже старались говорить, о чувстве хозяина».

Это были годы развития Дальневосточного научного центра, и программа «Современник» много внимания уделяла молодым ученым. Океанологам, морским биологам и другим специалистам было, что рассказать о своих экспедициях и исследованиях. Как вспоминают очевидцы, Лебедева умела сделать интервью с ними захватывающе интересными. Она была полна идей и однажды придумала провести конкурс между вузами Приморья на лучшую радиогазету. Для этого студенты всех по очереди институтов приходили в Дом радио, обсуждали темы, брали магнитофоны и записывали интервью и репортажи из студенческой жизни. Потом они присутствовали при монтаже программ, и в день выхода в эфир очередной передачи «Современник» весь институт слушал, с удовольствием узнавая знакомые голоса. Редакция при этом убивала двух зайцев: привлекала к работе новых нештатных авторов и делала передачу популярной.

Одной из самых ярких тематических передач Приморского радио была «Батальоны встают на поверку», которую готовил и вел ветеран Приморского радио и участник Великой Отечественной войны Георгий Громов. К мысли провести «поверку» приморских фронтовиков его подтолкнула программа Всесоюзного радио, организованная в преддверии 35-летия победы. «Название передачи родилось из моих личных воспоминаний, – рассказывал Громов. – Утро. Двор авиационного училища, которое я окончил во время войны. Поверка личного состава... Прошло много лет, отгремела война. Многих нет в живых. Надо бы провести поверку. Для памяти, для чести, для совести. Встаньте, все живые и павшие, на поверку. Встаньте, чтобы имена ваши были вечными, чтобы внуки и правнуки знали о ваших страданиях, ваших подвигах...»¹.

В.Я. Мялк, И.А. Гладченков и Г.И. Громов разбирают почту, пришедшую в адрес передачи «Батальоны встают на поверку» (1990 г.)

¹ Громов Г. «Батальоны встают на поверку» – радиопередача, которая не хочет умирать // Утро России. 1992. 9 мая.

В основу передачи Громов положил письма и воспоминания приморских участников войны, даже не предполагая, какой резонанс они вызовут среди приморцев. После первых же выпусков в редакцию стали поступать сотни писем. В 1980-е гг. в Приморье насчитывалось более ста тысяч ветеранов войны, и многим захотелось поделиться воспоминаниями. О тех, кто не вернулся с фронта, писали их родные и друзья, дополняя историю войны новыми подробностями. Обработать обширную корреспонденцию Громову помогала вся редакция информации.

Со временем ведущими программы вместе с Громовым стали участник обороны Брестской крепости Иван Афанасьевич Гладченков и участник штурма Берлина Заслуженный артист РСФСР (с 1985 г. Народный артист РСФСР) Владимир Янович Мясник. Как и Громов, они переживали за каждый сюжет передачи, радовались каждой новой находке. Отталкиваясь от фактов, почерпнутых из газет или писем, они вели поиск, открывая новые подробности военных лет. Однажды они прочитали в газете, что в Чехословакии найдены обломки советского военного самолета, сбитого во время сражения. По номеру ордена Красной Звезды, обнаруженного на месте крушения, было установлено имя его владельца, после чего стало возможным узнать и фамилии других членов экипажа. Оказалось, что стрелок-радист Николай Вовк призывался из Владивостока. Об этом сообщили в «Батальонах...», и вскоре Громову позвонил Михаил Вовк, брат погибшего воина, рассказав, что все эти годы семья считала его пропавшим без вести. Репортаж об этом прозвучал и по Приморскому, и по Всесоюзному радио, после чего откликнулись летчики-сослуживцы Н. Вовка. Они сообщили подробности гибели экипажа, а М.И. Вовк вскоре получил приглашение в Чехословакию, где состоялось торжественное захоронение останков советских летчиков.

Передача «Батальоны встают на поверку» прожила десять лет, с 1980 по 1990 гг., и собрала уникальный исторический материал. В планах создателей было издание звуковой книги воспоминаний приморцев-участников войны, но идею осуществить не удалось: среди начинающих предпринимателей 90-х гг. не нашлось желающих поддержать замысел бывших фронтовиков.

Отличительной чертой Громова был нюх на сенсации. Как никто другой, он умел предугадать, с какой стороны можно ждать интересную новость. Если же этой новости долго не случалось, Громов сам придумывал ее, отыскивая какое-нибудь неординарное событие. Благодаря такому поиску в середине 60-х гг. прозвучал репортаж Громова о саженце каштана, привезенном одним из моряков Дальневосточного пароходства из Франции и посаженном на Второй речке, в районе перекрестка улицы Русской и проспекта 100-летия Владивостока. Громов, которого на Приморском радио считали королем репортажа, мог найти и интересного собеседника, такого же увлеченного, как и он сам, и повод для увлекательного сюжета, незаметный другому, менее внимательному глазу.

– Ты живешь на Столетии? – спрашивал он молодую журналистку. – А видела, какой необычный балкон там есть в одном из домов? Весь в цветах! Сходила бы туда и поговорила с хозяевами. Какой красивый репортаж можно сделать!

Сотрудники редакции информации пользовались «наводками» Громова в течение многих лет, когда сам он уже из-за возраста не ходил по городу с магнитофоном.

Темы утреннего эфира продолжала обновленная программа «В час обеденного перерыва», выходившая с 1964 г. каждый день за исключением выходных.

Ее задачей было дать слушателю возможность отдохнуть в середине трудового дня, узнать о последних событиях, получить ответы на вопросы. Первое время программу готовили совместно журналисты двух редакций – информации и музыкальной, и музыка занимала в ней значительное место. Периодически в передаче транслировали концерты, которые симфонический оркестр Приморского радио и телевидения давал во время обеденного перерыва на одном из крупных владивостокских предприятий.

Музыка осталась важной составляющей программы «В час обеденного перерыва» и в дальнейшем, когда она стала сугубо информационной. Режиссеры программы (Ольга Третьякова, Анатолий Кравченко, Наталья Нестреляева, Раиса Николаева, Михаил Балунин, Владимир Исаков и др.) умело оформляли ее, подбирая музыкальные фрагменты, созвучные тональности звукового материала, а песни логично продолжали тему репортажа или звучали по заявкам слушателей. От режиссера многое зависело даже в информационной программе, и это касалось не только оформления. Важно было вовремя сдать передачу в отдел выпуска, чтобы она вышла в эфир строго в назначенное время. Увы, встречались и такие режиссеры, кто брал у редактора сводный текст программы всего за несколько часов до ее выхода в эфир и, не имея времени на подготовку, наполнял ее случайными музыкальными номерами, чем вызывал справедливый гнев редактора и критику на очередной «летучке». Как правило, век таких «творческих деятелей» на радио был недолгим.

В должности редактора этой популярной программы, существовавшей на Приморском радио почти тридцать лет, сменилось много журналистов. Ею в разные годы занимались Валентина Байкалова, Людмила Васильева, Светлана Оноприенко, Наталья Соловьева, Виктория Прищепа, Елена Шевченко, Татьяна Деева (Сабанова), Марина Долговых, Елена Филатова. Вместе с редакторами менялись и рубрики программы «В час обеденного перерыва»: каждый вносил что-то свое, чего не было раньше, или по-новому наполнял традиционные разделы.

Откликаясь на события и даты всесоюзного уровня, редакции искали их связь с Приморьем, благодаря чему в передачах появлялись неожиданные и запоминающиеся сюжеты. Однажды в канун Дня космонавтики в редакции информации узнали, что во Владивостоке живет человек, встречавший Ю.А. Гагарина из космоса – юрист управления юстиции крайисполкома Анатолий Борисович Пекарский. В 1961 г. он был на срочной службе, и именно его подразделению выпала честь прибыть на место приземления первого космонавта. Хотя официальная печать и сообщила, что Гагарин приземлился в кабине «Востока» в заданном районе, на самом деле он катапультировался из корабля и приземлился с парашютом в степи Саратовской области, где его и не ждали. Для большинства приморцев, скорее всего, это были новые и неожиданные сведения.

Большой интерес у жителей края разного возраста вызвала викторина «У карты Приморья», организованная редакцией информации совместно с Приморским филиалом Географического общества СССР (ныне Общество изучения Амурского края). Она была посвящена столетию Общества, появившегося во Владивостоке в 1884 г. Викторина продолжалась несколько месяцев, предлагая вопросы о географических названиях Приморья, истории населенных пунктов, первооткрывателях, оставивших свои имена на карте. Радиослушатели приняли участие в викторине, не только отвечая на ее вопросы, но и предлагая свои задания, многие из которых демонстрировали хорошее знание географии края, были оригинальными и остроумными.

В преддверии 300-летия Российского флота в течение двух лет в программе звучали беседы из цикла «Под Андреевским флагом». Его вел контр-адмирал в запасе Эдуард Максимович Чухраев. Флотская служба не мешала потомственному моряку заниматься историей. Он еще в молодости начал собирать материалы по истории российского флота и регулярно публиковал статьи во флотской прессе. Придя в студию Дома радио, Чухраев показал себя еще и замечательным рассказчиком. Его манера выступления перед микрофоном – спокойная и доверительная – сразу же привлекла внимание и вызвала интерес радиослушателей. В своих рассказах офицер напоминал не только об известных событиях, в которых участвовали моряки-тихоокеанцы, но и о тех, что оказались незаслуженно забыты. Вспоминал он и случаи из собственной офицерской жизни. Все это делало цикл «Под Андреевским флагом» разнообразным и увлекательным.

Радио оставалось идеологическим фронтом. Вопросы радиовещания и радиофикации систематически рассматривались крайкомом КПСС. Планы работ радиокомитета ежеквартально утверждались на заседаниях бюро крайкома, помогало оно и в укреплении редакций опытными журналистами. В этой ситуации и речи быть не могло, чтобы Приморское радио транслировало в эфир какую-либо иную точку зрения, кроме партийной. Партийные установки иногда касались самых обычных рубрик, таких, например, как еженедельная «Хозяюшка», в которой программа «В час обеденного перерыва» давала советы по ведению домашнего хозяйства. В начале 80-х гг., когда на прилавках магазинов мясо появлялось крайне редко, а рыбы, напротив, было в изобилии, поступила команда всячески пропагандировать рыбные блюда. В столовых и кафе тогда появились «рыбные дни», Приморское книжное издательство выпустило несколько красочных книг с рецептами блюд из рыбы и морепродуктов, а редактору и ведущей «Хозяюшки» пришлось срочно дополнить передачу рассказами о том, как приготовить треску польски и вкусные котлеты из красноперки или кальмара.

По-новому стал работать в этот период и отдел писем, которым в 1980-е гг. руководила Е.И. Кантакузова (позднее отделом заведовали Л. Надёжина и В. Калинина Л. Надёжина и, позднее, В. Калинина). Почта ежедневно доставляла на радио до двухсот конвертов. Большинство предназначались радиостанции «Тихий Океан»: приветы рыбакам и морякам от семей, не имевших в те времена иных видов связи с морем, но были и другие письма, заставлявшие журналистов брать магнитофон и отправляться к их авторам, ожидавшим от радио помощь. «Они открыли мне, человеку правильного советского воспитания, мир без иллюзий, – вспоминает Н.В. Дека, работавшая в отделе писем с 1979 г. – Я поняла, как много у нас неблагополучных семей.

Е.И. Кантакузова (справа)
и В.И. Арановская, заведующая отделом
программ и выпуска. На заднем плане
А. Матвиенко («Тихий океан») (2001 г.)

Жертвы сталинских репрессий, дети “врагов народа” создавали семьи и при этом не знали, что такое нормальный быт, завтраки, обеды, уборка, постельное белье, воспитание детей.

Письмо из Партизанска: многодетная мать просит помочь восстановить справедливость, чтобы получить звание матери-героини. Еду в Партизанск, нахожу дом. Мебель с помоек, грязные шторы и постельное белье, побитая алюминиевая посуда... Бомжеватого вида хозяева встречают меня с улыбкой, но детей не вижу. Сколько их, мать вспомнить не может. Оказывается, малышей супруги сдают в круглосуточные ясли и детский сад, а старших – в школу-интернат. Сами же живут тем, что собирают макулатуру, металлолом, лекарственные травы. Однажды горе-мамаша узнала, что есть такое звание “Мать-героиня”, которое предполагает льготы и пособия. В местном отделе соцобеспечения ей отказали, и вот “дорогая редакция, помогите в сложном жизненном вопросе”. Работники собеса сокрушались, что по закону горе-родителей нельзя лишить родительских прав: дети приезжают к ним на каникулы, их не бьют. Более того, дети любят родителей. Что может сделать редакция в таком случае? Разве что подготовить передачу о родительском долге и моральной ответственности перед детьми. Передача вышла в эфир и вызвала поток писем – с размышлениями и новыми адресами ...»¹.

Отдел писем готовил еженедельную пятиминутку «Почта дня» с кратким анализом писем радиослушателей и 30-минутную передачу «Нам пишут», в которой звучали сюжеты, подготовленные по письмам. Как правило, в передачу включали радиоочерк о достойном человеке, о котором рассказали в письме его коллеги или родные, репортаж из трудового коллектива и обязательно критический материал по теме, подсказанной письмами. Люди верили, что радио способно разобраться с любой проблемой.

Однажды в центре Владивостока, в старом здании бывшей Миллионки, потолок обрушился на кровать ребенка. Хорошо, что малыш с мамой были в это время на прогулке. Первый звонок журналистки чиновникам действия не возымел, и ей пришлось прибегнуть к испытанному приему: заговорить с партийными функционерами на их языке. «Вы разве не понимаете, что накануне 70-й годовщины советской власти проживание семей с детьми в таких условиях недопустимо? Ваше отношение к этому – вопиющая антисоветчина. Об этом факте могут узнать и иностранные журналисты!» Несколько семей из этих “графских развалин” после радиопередачи переселили в новые квартиры, как и обитателей полуразвалившегося дома в пригороде Артема, где под ногами проваливались полы, а сквозь щели в стенах дул ветер. В мэрии, куда журналистка принесла список жильцов, ей показали документы, согласно которым все они давно получили квартиры. Справедливость все же восторжествовала, и корреспондента даже позвали на новоселье.

«Острые сигналы» не были редкостью в программах всех редакций. Радио обращало внимание на упущения в работе цехов, ферм, предприятий торговли и службы быта, злоупотребления руководителей, помогало защитить честное имя человека, оклеветанного недоброжелателями или завистниками, добиться справедливости. Критические репортажи с мест всегда проходили в эфир оперативно. Заинтересованным сторонам заранее сообщали о времени выхода передачи в

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.В. Дека. 2019. (Рукопись).

эфир, а после нее редакция посылала запрос в соответствующий орган для принятия мер. Хотя мы и называем те годы «застойным периодом», на критику тогда реагировали куда лучше, чем спустя десятилетие, в 1990-е гг. и позже. Журналисты знали, что действенность радиокритики существует, и каждый из сотрудников той поры может припомнить не один случай, когда его репортаж приносил результат.

Рубрика «По следам наших выступлений» была на радио постоянной, а на журналистов, бывало, и в суд подавали, как это случилось, например, после передачи о конфликте между жильцами одного из домов по пр. 100-лет Владивостоку и собственниками гаражей, построенных вплотную к подъезду. Председатель гаражного кооператива З. подал заявление в суд, обвиняя журналистку в искажении фактов и оскорблении его достоинства. Позиция председателя телерадиокомитета Ткачева была однозначной: «А с чего это некий З. будет судиться с журналистом? Пусть он судится со всем Комитетом». Вердикт суда был таков: все сказанное в передаче – чистая правда, никакой лжи и подтасовки фактов не допущено, извиняться перед З. не за что. Тем не менее, на душе журналистки эта история оставила тяжелый след. После суда муж сказал ей: «Уходи в другую редакцию, пока инфаркт не получила».

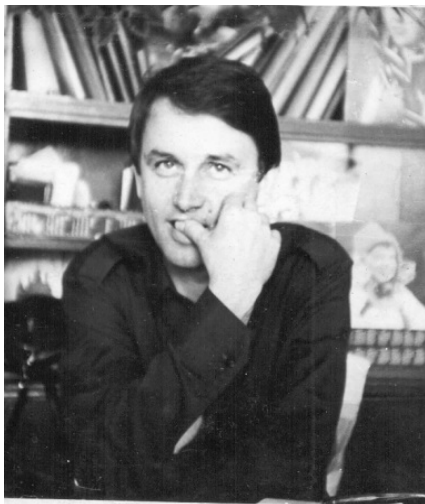
После XXIV съезда партии у советских людей появилось два выходных дня, и это поставило перед сотрудниками радио новые задачи: больше внимания следовало уделять проблемам отдыха, разумного использования свободного времени, воспитанию детей. Эти вопросы прежде всего решала главная редакция художественного вещания в составе литературно-драматической (позднее – литературной), музыкальной и детской редакций. Проводились радиоконкурсы на лучшее произведение (рассказ, очерк, песню), транслировались смотры художественной самодеятельности городов и районов края, широко пропагандировались новые книги советских и, как тогда принято было говорить, прогрессивных зарубежных авторов.

Особое внимание Приморское радио уделяло местным авторам, благодаря чему появилась популярная цикловая передача под названием «Вечера за чтением дальневосточной прозы». Она выходила в эфир с 18 января 1982 г. «Нам хотелось, – вспоминал В.А. Ткачев, – чтобы длинными зимними вечерами слушатели вместе с нами читали повести, рассказы, романы, которые могли бы составить антологию произведений о российском Дальнем Востоке. Редактор и ведущий этого цикла Александр Брюханов составил список произведений, который утвердили на редакционном совете. Он нашел здравствующих авторов, раскопал дневники и воспоминания тех, кого уже не было в живых, и перед каждым литературным чтением устраивал своеобразное представление будущего литературного произведения»¹.

«По замыслу редакции, – читаем в микрофонной папке, – “Вечера за чтением дальневосточной прозы” должны охватить историческое прошлое края и его настоящее, какими встают они со страниц художественных произведений о Дальнем Востоке... Такой литературой, запечатлевшей дальневосточную реальность разных исторических эпох, стали книги Новикова-Прибоя, Арсеньева, Фадеева, Задорнова, Ажаева, Кетлинской, Маркова, Сычева, Борисова, Вахова, Ку-

¹ Ткачев В.А. Вначале было радио // Немного о радио... С. 61.

ваева, Плетнева и многих, многих других. ...Мы будем встречаться с вами каждый понедельник, в одно и то же время, 19 часов 45 минут. К этому времени в студии радио все будет готово к приходу чтеца: включен микрофон, зажжена настольная лампа, на нужной странице открыта книга...».

А.Г. Брюханов (1980-е гг.)

Для открытия цикла передач литературная редакция выбрала роман Николая Задорнова «Капитан Невельской». Со вступительным словом к радиослушателям обратилась преподаватель литературы ДВГУ О.Г. Дилакторская, а читал роман Заслуженный артист РСФСР Лев Ткачев (Народный артист РСФСР с 22 июня 1987 г.).

Большой объем вещания был у литературной редакции и по второй программе. В цикле «Театр у микрофона» передавались композиции спектаклей из фондов Приморского радио. Для любителей поэзии звучали стихи советских и зарубежных поэтов в исполнении

известных артистов. В передаче «Беседы о литературе и искусстве» принимали участие приморские литераторы. Примечательно, что 5 января 1982 г. эту передачу вел С.А. Иванов, в прошлом редактор комсомольской радиогазеты на Приморском радио.

«Из литературной почты», «По страницам журнала «Дальний Восток»», «В начале добрых дел», «Новые литературные записи», «Человек и книга», программа для книголюбов «Читальный зал» – это тоже передачи литературной редакции, подготовленные Александром Брюхановым, Людмилой Хромовой, Еленой Медведской и прекрасно оформленные режиссерами художественного вещания Татьяной Литвищенко, Эльвиной Коваль, Ларисой Орловой и др.

Радио сохраняло тесную связь с приморскими театрами и краевой филармонией. В качестве чтецов в то время у микрофона выступали известные в крае актеры и мастера художественного слова Народные артисты Вадим Мялк, Андрей Присяжнюк, Петр Попов, Валерий Никитин и другие. Передачу «Альбом в красном сафьяне» с участием московских артистов, посетивших Владивосток, вел А. Присяжнюк (30 декабря 1981 г.). В четырех передачах В. Никитин читал повесть П. Проскурина «Тихий, тихий звон», а рассказ В. Лановенко «Проездом» прозвучал в исполнении Заслуженного артиста РСФСР Э. Прокопцева. Артистов приглашала не только литературная редакция. Они участвовали и в записи таких передач, как «Приморский пионер», «Старшеклассник», «Сельские огни», «Тихий океан» и др.

Ефим Семенович Звенияцкий, ныне Народный артист Российской Федерации, художественный руководитель Приморского академического краевого драматического театра имени М. Горького, помнит, как однажды, выходя из студии после записи «Приморского пионера», получил комплимент от звуко-

оператора Л. Белокриницкой: «А ваш голос очень соответствует фамилии – такой же звонкий!».

Редакция музыкального вещания (Рената Кузьмина, затем Евгения Славская и Геталина Воробьева) знакомила приморцев с русской и зарубежной классикой. Ежедневно по второй программе звучало несколько передач «Из фондов Приморского радио». Для первой программы систематически, не реже двух раз в неделю, редакция готовила концерты по заявкам передовиков сельского хозяйства и промышленности под рубриками «Идущим впереди», «Молодым строителям коммунизма», «Труженикам полей» и т.д. Не ограничиваясь составлением концертов, редакторы проводили конкурсы творческих коллективов, радиофестивали, праздники песни, которые привлекали участников со всего Приморья. Пусть не все они демонстрировали совершенное исполнение, и хромала их подготовка, но участие в передаче для самодеятельных артистов было и уроком, и праздником. С открытием во Владивостоке Дальневосточного педагогического института искусств появилось много местных высокопрофессиональных музыкантов и вокалистов. С их творчеством приморцев тоже знакомила музыкальная редакция, в том числе в рамках ежемесячного радиожурнала «В мире прекрасного» (редактор Е.В. Славская).

Важное место в эфире Приморского радио занимало вещание для детей и юношества. Редакция выпускала радиогазету «Приморский пионер», радиожурнал «Старшеклассник», цикловые передачи «Край мой родной», «С физкультурой дружить – сильным и здоровым быть». Их (в разное время) готовили журналисты Нина Иванова, Нина Василевская, Людмила Черемисина, Светлана Чернышева, Алла Прозорова, Любовь Надёжина, Инна Лебедева, Светлана Лясковская, Наталья Поломских, Елена Кагановская (Смирнова), Наталья Новоселова, Светлана Шпилько. Режиссерами работали Калерия Федоровна Лысенко и Элеонора Георгиевна Репина. Благодаря их мастерству передачи обретали краски, которыми затем блистали в эфире.

Чаще всего именно с детской редакции начинали свой путь в профессию будущие журналисты. «Редакция располагалась на четвертом этаже Дома радио, – пишет Л.А. Кондрусь. – В кабинете стояли три стола, и было много цветов, среди которых выделялся огромный розовый куст. За столом сидела молодая синеглазая женщина Любовь Надёжина, в то время старший редактор. Окажись на ее месте кто-то менее внимательный, моя попытка попробовать себя на радио оказалась бы неудачной. Но Надёжина умела не только поставить задачу и ясно объяснить, что от меня требуется, она умела заинтересовать. Рассказывая, каким должен быть мой будущий репортаж, она сама увлеклась идеей, и этот задор, неравнодушие, вера в мои способности действовали безотказно»¹.

В главную редакцию вещания для детей и юношества поначалу входила и передача для воинов, которая так и называлась: «Слушай, воин, слушай, солдат». Она звучала еженедельно, в четверг, по вечерам. Первым редактором передачи была Римма Алексеевна Мордовцева, дочь известного чекиста, именем которого названа улица в центре Владивостока. Она отличалась работоспособностью и организованностью, и ее всегда приводили в пример, когда речь заходила о необходимости сдавать передачи точно в срок. Командировки на далекие

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.А. Кондрусь. 2010. (Рукопись).

пограничные заставы, в таежные гарнизоны были в ее жизни постоянными. Пожалуй, не существовало в Приморье уголка, где имелись бы воинские части и где бы не побывала Римма Алексеевна. Ее репортажи с границы и танкодромов, кораблей Тихоокеанского флота и пограничных сторожевиков демонстрировали знание журналисткой предмета разговора. Еще бы, в квартире Риммы Алексеевны имелаась масса военной литературы – энциклопедии, справочники, мемуары, и она не жалела времени на их изучение. Во время событий на острове Даманском, говорят, пограничникам стоило большого труда сдержать ее порыв быть с микрофоном на передовых позициях. Звание Заслуженного работника культуры РСФСР Р.А. Мордовцевой было присвоено в 1984 г., незадолго до ее ухода с радио.

Слева направо: Р. Мордовцева, Л. Васильева, Н. Норкин, В. Солдатов, Н. Братко, Г. Братко, Н. Соловьева (1980 г.)

О событиях на Даманском приморцы узнавали в те дни и из репортажей собкора Л.С. Кишиневского. «Как вспомню те скорбные митинги и похороны в Имане, – рассказывал он, – так сердце начинает щемить. До сих пор вижу: выходит из вертолета мать одного из пограничников и сразу – к гробам, искать сына. Нашла... Упала на колени... Словами не передать увиденное. Я микрофон из рук выронил, и сам вместе с этой несчастной женщиной чуть не плачу. Вот тогда у меня сильно прихватило сердечко».

Врачи, обследовав журналиста, констатировали: инфаркт, немедленно на больничную койку. Но события на пограничной Уссури еще только начинались, и Кишиневский остался в Имане (с 1972 г. – Дальнереченск). Он продолжал передавать по телефону во Владивосток репортажи из горячей точки, ставшей вскоре известной всему миру. Уже после того, как отгремели и бои на Даманском и салюты в честь погибших, Кишиневский все же лег в больницу, но он был первым, кто успел к тем, ставшим историей, событиям¹.

После ухода Мордовцевой из телерадиокомитета заниматься военными темами поручили Наталье Соловьевой, и передача для воинов несколько изменила свое лицо. В ней сохранилась тема боевой подготовки, но больше стало разговоров об условиях воинской службы, бытовых проблемах, связи с семьей.

Ответственным делом для радиожурналистов 70–80-х гг. был репортаж с праздничной демонстрации 1 мая и 7 ноября. Их задачей было комментировать прохождение колонн по главной площади Владивостока, рассказывая о трудовых коллективах. Подготовка репортажа лежала в основном на главной редак-

¹ Леденев В. «Хлеб нелегкий, путь тернистый...» // Немного о радио.... С. 67.

ции информации, но привлекали и сотрудников других редакций. Заранее между журналистами распределяли задания – кто какой текст должен написать и какие звуковые фрагменты смонтировать – например, интервью с передовиком производства или репортаж из цеха-победителя соцсоревнования. Все это заранее читалось, слушалось и заверялось цензором, но сам репортаж шел в прямом эфире.

Оборудование устанавливали в здании, окна и балкон которого выходят на площадь, и по мере прохождения демонстрантов звучало, например, такое: «На площадь вступает колонна Дальневосточного морского пароходства. Его славные труженики встречают Первомай новыми трудовыми победами...». Текст читали дикторы, но журналисты тоже могли вставить «лыко в строку». Те, кто готовил звуковые материалы об этой колонне, могли сами ввести их в общий праздничный репортаж. Это было интересно, необычно и, как оказалось, явилось хорошей подготовкой к будущим «прямым эфирам».

Во многих сферах советской жизни царили в тот период формализм, официоз и казенщина, влияли они и на работу радио. Но повседневная жизнь редакций была бурной, насыщенной и вовсе не казенной. Крутились, как белки в колесе, известницы, стараясь если не опередить новости, то поспеть за ними. Постоянно обновлялись вслед за редакторами молодежные передачи, воспевая энтузиазм молодых строителей коммунизма. Поднимала темы экологии передача «По поручению живой природы» Любови Надёжиной. Школьники собирались по утрам на занятия под «Приморский пионер» Светланы Шпилько. По выходным обращались к детям «Дед Всевед и любознательки» ветерана Приморского радио Норы Романовны Коварской, к тому времени уже пенсионерки. Собирали приморцев у приемников интересные литературные и музыкальные передачи. Радиослушатели редко обращали внимание на фамилии журналистов, мало знали их голоса, они больше узнавали дикторов, которые доносили до них написанное и собранное редактором, но это обстоятельство никого тогда не смущало. Каждый из радиожурналистов знал, что на своем месте он нужен и его передачу ждут, ради этого они были готовы на любые жертвы.

Слева направо: редакторы С. Шпилько, Е. Филатова,
Е. Смирнова и диктор В. Чекушев (1997 г.)

Симфонический оркестр Приморского радио и телевидения¹ под руководством главного дирижера Заслуженного деятеля искусств РСФСР Виталия Антоновича Краснощека, принявшего оркестр после Б. Вернера, часто выступал на открытых площадках – во Владивостоке или других городах и поселках Приморья. Ведущие артисты оркестра и редакторы музыкального вещания участвовали в оргкомитетах и жюри народных фестивалей и смотров. Начало было положено еще в 50-е гг., когда старшим редактором музыкального вещания была А.Р. Шинкаренко. «Ее энергии хватало на все, – вспоминал В.А. Ткачев, – на работу в музыкальной школе и училище, организацию художественной самодеятельности в городах и районах края, заседания в жюри различных конкурсов и фестивалей, совещания в Управлении культуры. И везде ее мнение определяло решение. Причем эта организаторская работа способствовала обогащению музыкальных радиопрограмм»².

Симфонический оркестр Приморского радио.
Дирижер – В. Краснощек (1980-е гг.)

По инициативе Приморского телерадиокомитета исполком Владивостокского совета депутатов трудящихся восстановил и благоустроил фонтан в сквере у Дома радио, и каждую пятницу оркестр давал концерты популярной классической и советской музыки на открытом воздухе. Это стало традицией, собиравшей большое число любителей музыки.

«Мне кажется, что пока первенствовало радио, мир был добрее. Чище. Открытее. Душевней, – писал А. Брюханов. – И люди, делавшие эфир, были ему под стать. Я застал такие времена, когда на Приморском радио в чести были одержимость работой, бескорыстие, простота и ясность во взаимоотношениях, коллективизм. Коллективизм – потому что делалось общее дело. Потому что был коллектив, это самое дело делавший...

Каким порывом того, забытого уже “воздуха творчества” иногда обдаст тебя, когда вдруг мелькнет на эстаж Люба Белокриницкая, или встретится Неля – теперь Галкина, а тогда Федосеева. Или Лева Шувалов что-нибудь проворчит вслед... Он и двадцать лет назад был ворчуном. С золотыми руками, между прочим. ...

...Вещания было так много, что трудно было понять, то ли это мы великодушно уступаем место Москве, то ли Москва широким жестом позволяет нам включаться в свою программу. Такого Радио, какое помню я, больше не будет.

¹ Работал при Приморском телевидении и радио до 1993 г. Затем преобразован в Тихоокеанский симфонический оркестр.

² Ткачев В.А. Вначале было радио // Немного о радио... С. 61.

Не будет сумасшедшей работы за полночь, этих застолий, этих летучек. Этих интеллектуальных сражений за право видеть жизнь так, а не иначе, отображать мир в соответствии с твоими представлениями о нем»¹.

День с новостей начинался, ими он и заканчивался. Вечерний выпуск новостей сообщал о том, какие события произошли в крае за день. В первую очередь новости отслеживали журналисты редакции информации, но часто их приносили и сотрудники других редакций. Поступали сообщения и от собственных корреспондентов Приморского радио в городах и районах Приморья. В 70–80-е гг. соборовская сеть охватывала весь край: Татьяна Старченко, а затем Юрий Фролов – в Спасске, Леонид Кишиневский – в Лесозаводске, Алексей Малыгин – в Уссурийске, Валентин Радченко, а затем Эдуард Гурченков – в Арсеньеве, Геннадий Петелин, а затем Геннадий Исиков – в Кавалерово, Михаил Ситник – в Находке. Звуковые материалы передавались по телефонным проводам, пересылались почтой, их привозили поезда и рейсовые автобусы, причем проводники и водители считали за честь оперативно доставить во Владивосток пленку, подготовленную собкором. Каждый день главная редакция информации получала несколько материалов, и делом редактора «Последних известий» или программы «В час обеденного перерыва» было умело подверстать их в один из ближайших выпусков. Если тема заслуживала большего, то собору заказывалось продолжение материала.

Самый солидный стаж собкора Приморского радио был у Леонида Семеновича Кишиневского, чей голос регулярно звучал по краевому и местному радио на протяжении пяти десятилетий. «Хлеб нелегкий, путь тернистый...» – так он сам характеризовал журналистскую профессию, которую выбрал вскоре после Великой Отечественной войны и демобилизации из армии, и оставался верен ей на протяжении всей жизни. Даже 75-летним Кишиневский записывал репортажи и интервью для краевых новостей! И не только в Лесозаводске и окрестных селах, но и в соседних Кировском, Дальнереченском, Пожарском, Красноармейском районах, где его также считали полномочным представителем Приморского радио.

«Свой путь в журналистику фронтовик Кишиневский начал с работы в комсомоле. При этом сотрудничал с городской газетой и местной радиоредакцией. А с мая 1950-го он окончательно определился с выбором профессии, став ответственным редактором в радиоредакции Лесозаводска. Непросто одному набрать на 15 минут новостей из жизни города и района. Репортерского магнитофона еще не было, только громоздкий “ящик” в студии. Потом надо было еще прочитать свой текст перед микрофоном или подготовить к выступлению в прямом эфире человека, впервые пришедшего в студию. Первым среди собкоров получил он технику – трехколесный грузовой мотороллер и был очень доволен: все не пешком по району топать. Местные партийные чиновники, в чьи кабинеты он бывал вхож, как к себе домой, уже ездили на “Волгах” и “УАЗиках”, а он трясся на ветру на трех колесах и мало заботился о том, как выглядит со стороны. Леонид Кишиневский, Заслуженный работник культуры России (1982 г.), обладатель одиннадцати правительственных наград и лауреат различных творческих конкурсов, вспоминает о тех годах с теплотой и ностальгией»².

На Приморское радио работала и армия журналистов из районных газет и радиоредакций. Каждое утро стенографистки комитета Антонина Прокопьевна

¹ Брюханов А. Магия слова // Приморскому радио – 70 лет. Владивосток, 1996. С. 6–7.

² Леденев В. «Хлеб нелегкий, путь тернистый...» // Немного о радио... С. 65.

Новикова, Валентина Глущенко и Людмила Кондратьевна Афейчук обзванивали города и райцентры, собирая с них дань в виде информационных сообщений. Среди россыпи мелкотемья, достойного разве что внимания односельчан, редакторы «Последних известий» находили информационные самородки. Обработанные опытной рукой, они украшали выпуски новостей. Жаль, что в 90-е гг. стенографисток сочли излишней роскошью и сократили, а вместе с ними лишили радио и метких наблюдений местных журналистов, которых, как оказалось, не может заменить никакое информационное агентство.

К участию во всех передачах Приморского радио привлекался широкий авторский актив, который имелся у каждой редакции. Он состоял из партийных работников, специалистов промышленности и сельского хозяйства, лекторов общества «Знание», студентов отделения журналистики, а иногда и просто любителей радио. Недостатка в добровольных помощниках редакции не испытывали, потому что их участие в передачах всячески поощрялось. По существовавшим тогда правилам гонорарный фонд делился на две неравные части: штатные работники могли получить только 40% от суммы гонорара, отпущенного на вещание. Остальное предназначалось внештатным авторам.

Некоторые журналисты были недовольны этим обстоятельством: каким бы талантливым ни был внештатник, его материалы все равно приходилось редактировать. Тем не менее, большое число авторов – разных и интересных – не могло не сказаться на качестве передач, разнообразии подходов, оценок, интонаций, построении выступлений, образности речи. Правда, внимание радио к внештатным авторам притягивало порой и обыкновенных графоманов, и редакциям приходилось придумывать всевозможные ухищрения, чтобы от них избавиться.

По предложению Ткачева в конце 1970-х гг. помимо утренних и вечерних выпусков «Краевых известий» на радио появилась новая информационная передача – «Эхо дня», выходившая в эфир в 23.55 и закрывавшая вещание Приморского радио. В отличие от других информационных программ «Эхо дня» вели не дикторы, а журналисты, и это было не просто чтение сообщений о самых важных событиях, случившихся за день, а комментарий, новый жанр для того времени.

«Отобрав группу из трех–четырёх ведущих журналистов, Ткачев поручил им готовить краткие обзоры наиболее значимых новостей, – вспоминал И.Ф. Гурко. – У каждого был свой подход: кто-то больше внимания уделял людям, кто-то производству. После каждого обзора сообщалось: у микрофона был журналист такой-то. И только обзоры Ткачева заканчивались словами: “У микрофона выступал комментатор Валентин Ткачев”. И тут он не хотел быть таким, как все. В общем, он и не был, как все»¹.

Среди тех, кто вел «Эхо дня», помимо Ткачева были Георгий Громов, Вадим Тураев, Леонид Субботенко, Виталий Солдатов, Борис Кожинов. Передача шла в эфир без подписи цензора, что для той поры было невидалью. Только на другой день уполномоченная Крайлита, другими словами – цензор, слушала запись передачи и ставила на микрофонной папке штамп «Разрешено к эфиру».

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с И.Ф. Гурко (2001 г.).

ГЛАВЛИТ, ИЛИ СОВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА

С появлением звукозаписывающей техники прямые репортажи на советском радио ушли в прошлое. С одной стороны, это повысило качество звуковых материалов: журналист имел время обдумать собственный текст к репортажу, убрать из записей повторы и неудачные фразы, но с другой, у властей появилось возможность контролировать содержание материалов, предназначенных для эфира. О том, как это происходило, вспоминает Наталья Соловьева, работавшая на Приморском радио с 1980 по 2003 гг.

«Но вот все пленки отмонтированы, сводный текст в исполнении дикторов записан, можно отдавать эти заготовки режиссеру для сборки программы, но не тут-то было.

— А ты залировала передачу? — спрашивает главный редактор Виталий Солдатов.

Никаких ассоциаций незнакомое слово у меня не вызывает.

—Тебе что, никто не говорил, что передачу перед сборкой надо показать уполномоченному Крайлита?

Ах, да! С этой организацией пришлось познакомиться, работая в многотиражке. Это же обыкновенная цензура, скрываемая за таким ничего не говорящим постороннему человеку сокращением — крайлит. В газете нет-нет, да и вычеркивала цензор кое-какие подробности о производственных делах, но там был завод военно-промышленного комплекса, а какие секреты могу я разгласить в программе «Владивосток и владивостокцы»? Оказывается, могу. После того, как уполномоченная Крайлита —

в общем-то, милая и доброжелательная женщина — прочитала сводный текст и прослушала все пленки, подготовленные для программы, она попросила убрать из отклика на партийное постановление фразу о дневной выработке бригады Дальзавода. А в репортаже из магазина лишней оказалась реплика покупателя о том, что на птицефабрике в питание для кур добавляют антибиотики.

Журналисты главной редакции информации: В. Солдатов (на переднем плане), Л. Васильева и В. Емельянов (1978 г.)

– Враги СССР не дремлют, – объяснила она, – и на основе разрозненных фактов из разных передач и газетных материалов вполне могут сделать анализ состояния советской экономики и обороноспособности»¹.

Первые попытки ввести идеологический и тематический контроль над радиовещанием стали заметны еще до того, как радио стало массовым средством информации. Еще в 1921 г., когда эксперименты по вещанию только начинались, приказ по РОСТА предостерегал: за сознательно или несознательно допущенные ошибки сотрудники, виновные в них, будут немедленно увольняться, а дела о них будут передаваться в ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР – Н.Х.) для привлечения их к ответственности. В 1922 г. Совнарком РСФСР учредил новый контролирующий орган: Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе, сокращенно – Главлит, задачей которого было объединить все виды цензуры, существовавшие в то время в России. В декабре 1925 г. Радиоконмиссия агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) распространила специальную инструкцию о введении «немедленного контроля радиовещания» со стороны Главлита. При этом право решающего голоса при обсуждении любых вопросов цензуры на радио получило Главное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел. Представители Отдела политического контроля ГПУ входили во все без исключения цензурные органы.

Вопросы радиовещания обсуждались и в Наркомпросе, чьи деятели также включались в органы Главлита. 30 ноября 1926 г. при обсуждении проекта «Об установлении контроля над вечерами развлечений, передаваемыми по радио» говорили: «Часто то, что может быть допущено к исполнению в других местах, должно быть запрещено к передаче по радио». Постановление ЦК ВКП(б) «О руководстве радиовещанием» (январь 1927) обязывало «установить обязательный предварительный просмотр парткомитетами планов и программ всех радиопередач», «принять меры к обеспечению охраны микрофонов, с тем чтобы всякая передача по радио происходила только с ведома и согласия ответственного руководителя».

В январе 1928 г. приказом по Правлению акционерного общества «Радиопередача» был введен строгий порядок оформления микрофонных текстов: с визами заведующего отделом или его заместителя и, обязательно, уполномоченного Главлита. Только правильно оформленные материалы допускались для передачи по радио, после чего все без исключения микрофонные экземпляры сдавались ответственному дежурному для их дальнейшего хранения. Обязательный контроль всех материалов, подготовленных для эфира, включая художественно-образовательные, был законодательно закреплен в Постановлении СНК РСФСР о Главлите в 1930 г.

Сеть местного радиовещания также была заключена в жесткие рамки инструкций и положений о контроле всех видов и жанров радиопередач: радиогазет, радиобюллетеней, докладов, лекций, бесед и пр. На проверку полагалось сдавать «полные тексты в оригиналах: или отпечатанные на пишущей машинке, или разборчиво написанные от руки». Если непосредственно перед эфиром в текст были внесены изменения, он подлежал вторичной проверке для получения новой разрешительной визы. Чтобы предварительный и последующий контроль за

¹ Соловьева Н. Не быть подставкой к микрофону // Немного о радио.... С.51.

радиоэфиром можно было осуществлять качественнее, в структуре областных или городских органов Главлита были организованы специальные группы радиовещания. Для облегчения их работы создавались благоприятные технические условия: радиоприемники и радиоточки для контроля за передачами устанавливались не только в рабочих кабинетах, но и на квартирах сотрудников.

Приказом Наркомата просвещения от 27 декабря 1935 г. «в целях упорядочения и укрепления работы цензуры над центральным радиовещанием и обеспечения оперативного руководства радиоцензурой на местах» цензорская группа радиовещания была реорганизована в сектор Главлита. На него возлагалось «оперативно-организационное руководство цензурой центрального, местного и низового радиовещания».

Жесткие сроки представления микрофонных материалов уполномоченным Главлита были установлены в сентябре 1938 г. совместным приказом уполномоченного СНК по охране военных тайн в печати и начальника Главлита. Материалы оперативного характера, например, новости для выпуска «Последних известий», редакция предоставляла уполномоченному Главлита не позднее, чем за час до вещания, а красноармейские новости – за полтора часа, и получала их назад за 30 минут до выпуска.

Международные обзоры, материалы с газетными статьями текущего дня уполномоченный Главлита должен был получить не позднее, чем за четыре часа до выпуска в эфир, чтобы вернуть в редакцию за час до эфира. Еще больше времени отводилось на контроль текстов выступлений у микрофона представителей различных организаций и учреждений: они сдавались не позднее, чем за восемь часов до выпуска. После записи этих выступлений уполномоченный Главлита в обязательном порядке прослушивал еще и пленку не позднее, чем за три часа до эфира. Материал неоперативного характера, включая литературно-музыкальные композиции, предоставлялся уполномоченному Главлита за 36 часов до эфира. Данная схема контроля микрофонных текстов работниками Главлита была строго регламентирована, и отступление от принятого порядка каралось по законам 1937–1938 гг.

Главлит не только охранял государственные секреты, но и строго следил, чтобы в эфир не просочились «вредные» в идеологическом и художественном смысле материалы. Их становилось тем больше, чем шире разворачивались в СССР поиски «врагов народа». То одно, то другое литературное или музыкальное произведение оказывалось под запретом, и журналисты не имели права использовать их при подготовке передач. Был период, когда в опале оказались даже некоторые произведения классиков русской литературы: в них цензура увидела положительные образы представителей дворянства или духовенства¹. Что уж тут говорить про зарубежную литературу! Власти было совершенно некстати сравнение буржуазного образа жизни с советским.

Первоначальный государственный «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию» был довольно коротким, но в дальнейшем на его основе каждый наркомат, а затем министерства, составили свои списки. Поэтому перечни постоянно обновлялись: в 1949, 1958, 1976, 1987 и 1990 гг. В итоговом документе, по которому работали сотрудники Главлита и которым были обязаны руково-

¹ Горяева Т. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2009.

дствоваться все средства массовой информации, насчитывалось 213 параграфов, и в каждом – от пяти до 12 пунктов.

В конце 1960-х, когда ухудшились советско-китайские отношения и обстановка на российском Дальнем Востоке обострились, «сверху» ввели дополнительные ограничения: запретить все публикации, касающиеся дальневосточных экономических показателей: от легкой промышленности до объемов улова рыбы. Правда, после улучшения ситуации на советско-китайской границе это суровое распоряжение отменили. Но массовое переименование в 1972 г. всех географических объектов, имевших китайские названия, заставило журналистов держать под рукой соответствующий справочник, чтобы ненароком не назвать Дальнегорск по-старому Тетюхе или Дальнереченск Иманом.

Под запретом были и случаи, имеющие международный резонанс и могущие повлечь санкции международных организаций. Упоминание в «Тихом океане» о том, что моряки разлили топливо, а рыбакам, не дождавшимся опоздавшей плавбазы, пришлось вывалить за борт кошелёк с задохнувшейся рыбой, безжалостно вычеркивались цензором, хотя критика могла бы помочь делу. Не допускались в передачах также любые намеки на производство в Приморье каких-либо судов (у нас в крае судостроения нет, только судоремонт) или биодобавок (в рационе животных и птиц в совхозах и колхозах нет ничего, что могло бы нанести ущерб здоровью). Запрещалось упоминать предприятия, работавшие по оборонным заказам, хотя их в крае было немало, анализировать качество отечественной продукции, особенно в сравнении с импортной, называть статистические данные об уровне жизни и пьянстве. Статистику вообще боялись как огня, и эти сведения, не считая тех, что сообщались официально, были тайной за семью печатями.

«Приходилось порой ходить по лезвию ножа, – вспоминал В.А. Ткачев, – чтобы защитить ту или иную рубрику или саму идею передачи от цензурных церберов, за которыми стояли партийные идеологи. Учитывая, что наш край и Владивосток были по существу закрытым регионом, делать это становилось день ото дня сложнее. Как-то, например, в обзоре газеты “Красное знамя” (тогда они были регулярными), опубликовавшей постановление бюро крайкома партии о мерах по повышению продуктивности животноводства, были приведены единичные примеры падежа скота. Тут же раздался звонок “сверху”: кто вам позволил раскрывать эти цифры, вот-де звонит народ из районов края и возмущается. В оправдание мы показали газету. Оказывается, печатать можно, а громко говорить об этом не следует. Объяснялось это довольно просто: радио не имеет границ, его слушают и за рубежом, и там могут сделать неправильные выводы о жизни советского общества»¹.

Из страха перед врагами и собственным народом из передач убирались не только те сведения, которые могли быть полезны потенциальному врагу Советского Союза, но и все, что бросало тень на советское общество. Благодаря бдительной цензуре в СССР не существовало ни производственного травматизма, ни профессиональных заболеваний, на советских железных дорогах и в авиации не происходило никаких ЧП с человеческими жертвами, а в населенных пунктах не наблюдалось ни очередей в магазины, ни дефицита продуктов питания, ни нищих. Все это давало народу основание думать, что в стране царит полный порядок.

¹ Ткачев В.А. Вначале было радио // Немного о радио... С. 64.

Работники Приморского телерадиокомитета на пограничной заставе (1988 г.)

Однажды в 1980 г. молодая журналистка получила задание осветить работу конференции медиков Приморья по профилактике наркомании среди молодежи. Слово «наркомания», естественно, не присутствовало даже в названии конференции, скрываясь за нейтральной фразой «вредные привычки». Еще бы – в советском обществе строителей коммунизма наркомании не может быть места! Поэтому журналистке пришлось изрядно изловчиться, чтобы в своем репортаже не выдать тайны и обойтись иносказанием. Можно предположить, что лишь немногие радиослушатели поняли, с какими же «вредными привычками» среди молодежи предстояло бороться общественности Приморского края.

Внимательными приходилось быть не только тем, кто готовил новости или экономические передачи, но даже сотрудникам литературно-художественного вещания. Казалось бы, какие могут быть секреты в театральной жизни Владивостока? Оказывается, еще как могут! В советское время было развито шефство театров над армейскими и флотскими частями. Артисты, в том числе из Москвы и других театральных центров страны, регулярно устраивали на кораблях, пограничных заставах и в воинских частях концерты и творческие встречи. Эти выступления становились поводом для журналистов, чтобы познакомить приморцев с театром и его артистами – среди гастролеров бывали и известные люди. Перед записью репортажа или интервью выступавших предупреждали: никаких географических названий, никаких фамилий, а во Владивостоке вы не видели ни кораблей, ни военных моряков, ни других людей в военной форме¹.

В официальном «Положении о Главлите» имелась и такая формулировка: «Не разрешать к публикации материалы, дезориентирующие общественное мнение». Согласно ей сотрудники Главлита были обязаны обращать внимание на политически ошибочные формулировки, встречающиеся в текстах. Это был своего рода завуалированный идеологический контроль. В телерадиокомитете время от времени проходили встречи с сотрудником Комитета госбезопасности, на которых они сообщали о новых установках и запретах: кто из известных лиц

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с Г.Я. Островской (2008 г.)

сбежал за границу или кто из деятелей литературы и искусства попал в немилость к властям. Сотрудники радио и телевидения должны были все это знать, чтобы не допустить промашку в эфире.

Впрочем, замечания уполномоченного Крайлита – это пустяки по сравнению с военной цензурой. С ней еженедельно приходилось сталкиваться тем, кто готовил передачи для воинов армии и флота. Тексты передач тех лет, сохранившиеся в микрофонных папках, пестрят выразительными правками красным карандашом, подчеркивающими как стремление журналистов выболтать всему миру военные секреты, так и элементарное незнание устава и нежелание идти в ногу с военной терминологией.

Позже, в годы перестройки, смирившись с гласностью, Тихоокеанский флот устроил учения, на которые пригласили военных специалистов и журналистов из разных стран. Была выдана аккредитация и корреспонденту Приморского радио Наталье Соловьевой. На первом же брифинге, где речь шла о программе учений, она обнаружила, что у японских журналистов имелись карманные справочники с тактико-техническими данными всех кораблей Тихоокеанского флота, а также их фотографиями в фас и профиль. Как только организаторы мероприятия заговорили о силах и средствах, участвующих в учениях, японцы тут же начали сверять их слова с данными справочника. Думается, эти и другие подобные издания существовали за границей и раньше, но из передач Приморского радио цензура тщательно убирала названия кораблей и пограничных застав, номера воинских частей и место их расположения, фамилии командиров и замполитов.

Не место в передачах радио было также любым фактам, которые могли каким-то образом бросить тень на Вооруженные Силы – о травмах и болезнях личного состава, плохой физической и военной подготовке и, уж конечно, о неуставных отношениях среди военнослужащих. Однажды в одной из частей Советской Армии, куда редактор программы «Слушай, воин, слушай, солдат» приехала готовить передачу, рассказали о случае, когда из-за нерадивого солдата, не сумевшего на занятии правильно бросить гранату, чуть было не пострадали другие молодые воины. Беды не произошло только благодаря находчивости и смелости сержанта. Увы, рассказать о доблестном сержанте журналистке не довелось, ведь иначе пришлось бы упомянуть и о плохой подготовке солдата.

Поднимать наболевшие темы прессе разрешили лишь в эпоху гласности, но уже первые радиопередачи из циклов «Поговорим о солдатской чести» и «Какая армия нам нужна?» вызвали поток писем в телерадиокомитет с требованием не порочить армию, не клеветать на нее, не нагнетать обстановку и не давать пищи для размышлений нашему потенциальному противнику. К сожалению, не все приняли гласность как орудие в борьбе с недостатками и предпочитали по старинке слушать выхолощенные цензурой материалы.

Перестройка внесла существенные коррективы в деятельность Главлита. В 1990 г. появился новый закон «О печати и других средствах массовой информации», которым были отменены многие прежние положения. А принятой в декабре 1993 г. Конституцией Российской Федерации была и вовсе гарантирована «свобода массовой информации» (статья 29 пункт 5). Тем самым цензура упразднялась. На смену пришла «самоцензура» – журналистам доверили самим решать, что можно выносить на публику, а о чем говорить не стоит.

НА ВОЛНЕ «ТИХОГО ОКЕАНА»

К тому времени, когда в эфире впервые прозвучали позывные радиостанции «Тихий океан», мелодия песни «По долинам и по взгорьям», рыбаки и их семьи уже хорошо знали, что такое долгая разлука. К началу 60-х гг. в рыбной промышленности Дальнего Востока наметился переход на океанский промысел, и промысловые суда стали уходить в море на несколько месяцев. Передачи «Тихого океана» сразу же стали тем звеном, которое соединило море и берег. Главными заинтересованными сторонами при создании радиостанции были рыбаки Приморья, Сахалина и Камчатки: они первыми столкнулись с проблемами многомесячной разлуки с родной землей. Решить их своими силами отдельные территории не могли – не хватало передатчиков или они были недостаточно мощными, чтобы обеспечить нормальную слышимость. Требовалось объединение усилий, и оно было достигнуто. Вначале предполагалось, что каждая территория будет готовить собственную еженедельную программу, которая пойдет в эфир по всем дальневосточным станциям под общими позывными «Тихого океана». Однако по техническим причинам оказалось более целесообразным готовить передачу во Владивостоке, тем более что Главное управление рыбной промышленности Дальнего Востока находился именно в этом городе.

«Нельзя упускать из виду и человеческий фактор, – вспоминает Вадим Анатольевич Тураев, прошедший в 1967–81 гг. путь от корреспондента до главного редактора радиостанции. – Новое дело, как известно, всегда связано с хлопотами, требует настойчивости и упорства. Именно этими качествами в полной мере обладал председатель Приморского краевого телерадиокомитета С.В. Юрченко, который приложил очень много усилий для организации зонального вещания. Председатели некоторых комитетов по телевидению и радиовещанию сопротивлялись всеми силами, не желая, чтобы вместо их родной рыбацкой программы звучал голос зональной радиостанции. Кое-где появление “Тихого океана” было воспринято как стремление приморцев захватить дальневосточный эфир, утвердить свой приоритет. Юрченко сумел доказать руководству Гостелерадио и местным партийным органам необходимость совместных усилий в радиопропаганде. Так и появилась во Владивостоке в составе главной редакции экономических передач Приморского телерадиокомитета редакция “Тихого океана”»¹.

В.А. Ткачев, в свою очередь, считал «Тихий океан» детищем «холодной войны», контрпропагандистской мерой, призванной обеспечить информационное влияние Советского Союза на обширную территорию тихоокеанского бас-

¹ Тураев В.А. Достоинством «Тихого океана» была компетентность // Немного о радио... С. 44.

сейна. «Для трансляции радиопрограмм “Тихого океана” из Владивостока иновещание в соответствии с постановлением Секретариата ЦК партии ежедневно выделяло на 45 минут самые мощные радиостанции в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке прежде всего на коротких волнах. Мы ежемесячно контролировали качество трансляции, получая данные от первых помощников капитанов в различных уголках Мирового океана. Эти данные крайком партии, обобщая, направлял в ЦК КПСС. За нами оставалось качество программ»¹.

После первой программы, вышедшей в эфир 17 апреля 1963 г., тридцатиминутные выпуски «Тихого океана» стали звучать по средам и пятницам, затем к ним добавились воскресные выпуски. В первые годы своей работы «Тихий океан» входил в структуру общественно-политического вещания (главный редактор П.И. Шварц). В числе первых сотрудников редакции были Н.А. Хрулькова (старший редактор), Валентина Плавская, Олег Паденко, Вячеслав Пушкин, первые корреспонденты в море – В. Пономарев, Ю. Полещук, Алексей Степанов. Вскоре встал вопрос о сети корреспондентов «Тихого океана» в краях и областях Дальнего Востока. Были открыты корпункты на Камчатке (1964 г., Кирилл Харыбин), Сахалине (1967 г., Евгения Арбузова, Карл Лауве), в Хабаровске (1972 г., Феликс Куперман), Магадане (1977 г., Александр Черевченко, Геннадий Овчинников), Находке (1979 г., Михаил Вознесенский).

Режиссер Р. Николаева и корреспондент
Б. Метелёв (1970-е гг.)

Период становления и организационного оформления радиостанции занял пять лет. В 1969 г. «Тихий океан» имел уже три часа вещания для рыбаков Дальнего Востока. Руководящим органом «Тихого океана» считался Зональный совет, в состав которого вошли председатели дальневосточных телерадиокомитетов и главный редактор радиостанции. Периодически Совет собирался на заседания, чтобы заслушать и обсудить отчет радиостанции, высказать рекомендации по улучшению вещания для рыбаков Дальнего Востока. Для участия в заседаниях приглашали и руководителей морских и рыбохозяйственных организаций. В период

между заседаниями Зональным советом и работой редакции руководил С.В. Юрченко. Он тщательно следил за тем, чтобы «Тихий океан» был действительно дальневосточной зональной радиостанцией не только по названию. По решению Гостелерадио программы «Тихого океана» включали в сетку вещания Хабаровский, Амурский, Сахалинский, Камчатский и Магаданский телерадиокомитеты. По специальному указанию Министерств морского флота и рыбного хозяйства судовые радисты были обязаны обеспечить ежедневный прием программ – с 18.15 до 19.00 владивостокского времени, включая громкую трансляцию.

¹ Ткачев В.А. Сначала было радио...// Утро России. Владивосток. 2001. 17 янв.

Под названием «Тихий океан» по субботам выходила и другая программа, адресованная труженикам моря. Она предназначалась морякам Дальневосточного пароходства и была, в отличие от рыбацкой программы, не зональной, а местной, так как ее передачи звучали только по местным передатчикам с ограниченной слышимостью. Ее первым редактором была Нина Петровна Василевская, начинавшая работу 15-летней юной корреспонденткой радиогазеты «Приморский пионер» вскоре после окончания Великой Отечественной войны и отдавшая Приморскому радио почти пятьдесят лет.

«Полвека ходить каждый день на работу, как на праздник! Такое может только присниться, – писала она. – Кстати, в мои молодые годы это было совсем другое радио. Может, оно не было таким умным и изощренно задуманным, таким шумным и сбивающим с ног, как сегодня. Таким элегантным и эфирно свободным, а порой разнузданным. Но оно было очень добрым, доверчивым и доверительным. Оно было домашним, оно выходило из каждой рыбацкой семьи и было ее микрофоном. Оно знало меру, и каждому искренне было нужно. Его не выключали и радийным словом очень дорожили. Кстати, письма на море были очень проникновенными и поэтичными. Это сейчас: “Здравствуй, Сережа. Дома все в порядке”. А тогда, если была весна, то непременно вспоминался первый подаренный букетик ландышей, если осень – было напоминание о ветках красного клена или что-то еще. А сколько семей сохранил “Тихий океан”, сколько помирил мужей и жен, сколько влюбленных соединил! Сами можете представить, если по сто писем в день приходило!»¹

Со временем решено было объединить обе передачи, и зональное вещание выросло на один час. От объединения выиграли и моряки, и рыбаки. Первые получили вместо одной программы в неделю четыре, у вторых появилась дополнительная возможность встречаться с родной землей на радиоволне. Позывные радиостанции долетали во все уголки, где ходили дальневосточные суда: на Тихий и Индийский океаны, восточный сектор Арктики.

В 1967 г. на работу в «Тихий океан» поступил Вадим Анатольевич Тураев, ставший его главным редактором после выделения программы из

В.А. Тураев (1970 г.)

общественно-политического вещания в отдельную главную редакцию. «Среднего роста, с большой копной кучерявых волос, в роговых очках, подвижный и немного суровый, а временами очень резкий, он всегда имел свое мнение, высказывал его смело и энергично, – писал о нем И.Ф. Гурко, руководивший радиостанцией в первые годы ее работы будучи главным редактором обществен-

¹ Василевская Н. Мужчины, женщины, дети на радиостанции «Тихий океан» // Анна: газета для женщин. Владивосток, 1996. № 1. С. 2.

но-политического вещания. – Это был очень надежный человек. Когда Вадим был на месте, все было в порядке. Со своей очень подвижной командой он управлялся умело и оперативно. Как правило, он докладывал руководству проработанные варианты решения сложных вопросов»¹.

«Я пришел в редакцию, – вспоминал В.А. Тураев, – в примечательное для радиостанции время. “Тихий океан” только-только получил полные права гражданства в дальневосточном эфире, стремительно росла его популярность, рыбаки, быстро и охотно признав его своим, охотно и щедро помогали редакции советами, авторитетом и даже штатами. В отдельные годы на ставках “Дальрыбы” и ее подразделений в море находилось по пять–шесть журналистов. Ежедневная радиотелефонная связь с ними позволяла быть в курсе самых последних новостей, иногда в редакции узнавали о ситуации на промысле раньше руководителей главка, а звуковые материалы из районов промысла и других уголков Мирового океана помогали своевременно решать проблемы рыбаков. Специальную ставку для корреспондента радиостанции выделяло и Дальневосточное морское пароходство – ее в 70-е гг. занимал Борис Метелёв, который начинал свою карьеру в пароходстве начальником радиостанции. Выступать у микрофона “Тихого океана” считалось большой честью, а слушать его было модным и обязательным»².

В.А. Тураев вспоминал случай, который может показаться невероятным. На транспортном рефрижераторе «Дмитрий Часовитин» вышла из строя антенна, и судно не могло принимать радиопередачи. Именно в это время один из моряков получил сообщение о том, что в программе «Тихий океан» с ним будет говорить жена. Рейсы у моряков были длительные, девять–десять месяцев, и звуковые письма многое значили для моряков. Именно поэтому капитан принял решение изменить курс: судно сделало крюк и в Беринговом море пришвартовалось к одному из рыбопромысловых судов, чтобы моряк мог услышать по радио голос жены.

Активной работе редакции, действенности и высокому авторитету ее передач способствовало то, что помимо руководства Приморского телерадиокомитета о «Тихом океане» заботились, поддерживая его морально и материально, руководители рыбного хозяйства и морского флота страны и Дальнего Востока: М. Дроздов, Н. Носов, В. Старжинский, В. Бянкин, Ю. Островский, В. Миськов. Они старались создавать корреспондентам «Тихого океана» благоприятные условия для работы. Сотрудников радиостанции, командированных в район промысла, могли пересадить с одного судна на другое, подбросить в нужную точку, на них не распространялись строгие правила судового распорядка. Как вспоминают журналисты той поры, кое-кто злоупотреблял этим гостеприимством, но даже в этих случаях рыбаки не высказывали неудовольствия. Они любили свою передачу, несмотря на то, что некоторые выпуски и были далеки от совершенства. Определяющим для всех оставалась незримая связь с берегом и семьей, ради которой прощалось многое. Награждение журналистов «Тихого океана» почетными грамотами и ведомственными знаками трудового отличия рыбной и морской отраслей народного хозяйства свидетельствует о признании радиостанции рыбаками и моряками.

¹ Гурко И.Ф. Пути-дороги... С. 167.

² Тураев В.А. Достоинством «Тихого океана» была компетентность // Немного о радио... С. 43.

Редакция радиостанции «Тихий океан» за работой.

В центре: зав отделом Е. Давид-Хан беседует с выступающим. *Слева:* корреспондент

Е. Гилистенева и редактор Н. Просветов.

Справа: старший редактор А. Копейка работает с пленкой (1980 г.)

Письма, поздравления, музыкальные приветы родных и друзей были стержнем всех программ. Самой любимой слушателями была рубрика «Твой дом, твоя семья, рыбак», в которой передавались приветы с берега, в том числе звуковые. Этой рубрике редакция была обязана стабильным интересом со стороны дальневосточников. Порой на редакционных летучках «Тихий океан» критиковали за примитивные письма и однообразные песни, передаваемые по просьбам жен и детей, но именно они делали передачу любимой дальневосточниками. «Мы получали множество писем. К нам обращались с радостью и горем, в минуты гнева и разочарования, в состоянии сильного душевного волнения и полной опустошенности. Нас благодарили за то, что мы сближаем моряков и рыбаков с их женами и любимыми, согреваем их сердца. Скольким людям нехитрые строчки приветов и поздравлений вернули душевное равновесие. Иногда я жалею, что не собирал эти удивительные человеческие документы: они могли бы составить потрясающую книгу добра и доверия, которым «Тихий океан» вполне может гордиться»¹.

Сотрудники «Тихого океана» считают, что его главным достоинством была компетентность. У микрофона работали журналисты, знающие проблемы промысла не понаслышке. Многие провели в море долгие месяцы: одни работали на судах рыбной промышленности, другие бывали там в командировках. Это позволяло говорить о проблемах промысла или грузоперевозок со знанием дела. В начале 70-х гг., когда в стране стал проследиваться курс на интенсивные методы развития экономики, эти вопросы стали определяющими и в содержании «Тихого океана». К тому времени в редакции собрались сторонники аналитической журналистики, для которых экономика не была скучной материей. В программах регулярно звучали комментарии специалистов, экономические обзоры работы судов в экспедициях. Абстрактные ранее термины «фондоотдача», «себестоимость» и другие приобрели вполне конкретное звучание, а недавние герои пере-

¹ Тураев В.А. Достоинством «Тихого океана» была компетентность // Немного о радио... С. 45.

дач, просоленные морские волки и романтики, уступили место рачительным хозяйственникам и экономистам.

Редакция «Тихого океана» не только исправно сообщала обо всем, что происходит в рыбной промышленности Дальнего Востока и на предприятиях морского флота, но и сама вела большую организаторскую работу. В 1972 г. по инициативе радиостанции развернулось социалистическое соревнование судов, ведущих новый по тем временам промысел скумбрии. Был учрежден памятный выпел радиостанции «Тихий океан», выделены крупные премии для поощрения победителей. Соревнование продолжалось почти семь месяцев и широко освещалось в программах, получив высокую оценку руководства управления «Дальрыба».

По предложению редакции началось соцсоревнование между управлением тралового флота «Приморрыбпрома» и управлением «Мурмансельдь» Северного бассейна. Редакция брала под свой контроль перевозки пакетированного цемента со Спасского цементного завода на Камчатку, перевозки леса в пакетах в японские порты. Была она и арбитром социалистического соревнования Владивостокского и Петропавловского морских торговых портов. Большой резонанс получила серия передач по проблемам выпуска пищевой продукции из минтая на судах «Приморрыбпрома» в 1978–79 гг. По темам, которые поднимались в передачах, принимались решения, они были предметом обсуждения в краевом комитете партии.

Особенно интересные формы организаторской работы применялись в период массовых летних путин. Утром, в день выхода программы в эфир, на рабочих столах ведущих специалистов и руководителей «Дальрыбы» появлялась ее краткая аннотация. В ней подчеркивались критические и проблемные вопросы, излагались претензии и предложения рыбаков. Это помогало руководству управления в поиске конкретных и оперативных мер по устранению недостатков. Тураев вспоминал примечательный случай, когда начальник «Дальрыбы», заболев, провел в больнице около двух месяцев. Ни одна деловая бумага к нему не попадала, но каждый раз, когда его навещали помощники, он проявлял, к их удивлению, большую осведомленность о положении дел на промысле. Секрет оказался прост: он регулярно слушал «Тихий океан».

Середина 70-х гг. оказалась трудным периодом для «Тихого океана». «Дальрыба» ограничила журналистам доступ к информации: менялись международная обстановка и правовое положение Мирового океана, начинался разговор об экономических зонах. В этих условиях цензура сочла нежелательным детальный анализ работы советских рыбаков: он мог оказаться на руку потенциальному противнику. «Информационные ограничения с каждым годом становились все строже, – вспоминает В.А. Тураев, – говорить о промысле рыбы стало практически невозможно. Потом были ликвидированы ставки наших корреспондентов на промысле, запрещены радиотелефонные переговоры. Все это отразилось на характере передач: оказавшись в изоляции от проблем рыбной промышленности, редакция повернулась к проблемам морского транспорта. Это повлекло за собой изменения в расписании «Тихого океана». Морской флот Дальнего Востока работал и в тех районах, куда наши передачи не доходили. После обсуждения на Зональном совете решено было к двум выходам в эфир, утреннему и вечернему, добавить еще и ночной, специально предназначенный для

районов Индийского океана. Кроме того, в два раза увеличилось число передатчиков, транслирующих «Тихий океан», повысилась их мощность. Именно тогда в программах появилась такая адресная ремарка: «Мы ведем свои передачи на Тихий и Индийский океана и Восточную Арктику». С октября 1976 г. в эфир стала выходить еще одна, пятая программа «Тихого океана» – по вторникам¹.

В апреле 1976 г. на очередном заседании Зонального совета в Москве было решено увеличить объем вещания «Тихого океана». Редакции выделили дополнительные штатные единицы и средства на командировочные расходы. Было признано целесообразным придать «Тихому океану» характер дальневосточной общественно-политической программы, благодаря чему стало складываться новое лицо «Тихого океана»: в передачах наметился поворот к общественно-политической тематике. В силу специфики своей работы моряки и рыбаки оказались на переднем крае идеологической борьбы, и одним из ведущих направлений стала тема контрпропаганды. Большое место в вещании заняли рубрики «Мир глазами советского моряка», «Под флагом страны Советов», «Мы – интернационалисты», «Из дальних странствий воротятся», «И дым отечества нам сладок и приятен...», «На морях и землях Дальнего Востока» и т.д. Хотя моряки и рыбаки по-прежнему оставались главными героями передач, их тематика расширилась. Зональный совет, собравшийся в сентябре 1977 г. в Благовещенске – в качестве председателя на нем участвовал В.А. Ткачев – одобрил работу редакции по перестройке вещания и отметил возросший уровень передач.

С октября 1978 г. «Тихий океан» стал выходить в эфир ежедневно. Это было временем специализации программ: появились спецвыпуски для молодых моряков и рыбаков Дальнего Востока, программа для капитанов «Капитанский час» (с 1974 г.). С 1975 г. в программы «Тихого океана» были включены еженедельные 30-минутные «Уроки английского языка», подготовленные специалистами кафедры иностранных языков Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. Каждый день недели в программе радиостанции имел свое лицо. По понедельникам звучали тематические передачи, такие как «Дым отечества», «Час интересного письма», «Эхо месяца». Четверг был днем направленных передач для определенной категории слушателей: капитанов, экипажей научно-исследовательского флота, молодежи и т.д. В субботу на волне «Тихого океана» выходила информационная программа «Панорама дальневосточной недели», воскресные передачи были посвящены культурной жизни Дальнего Востока. В конце каждого выпуска сообщалось, каким курсом следуют или в каких портах находятся суда Дальневосточного морского пароходства, какова планируемая дата прибытия в родной порт. В итоге интерес слушателей к программам радиостанции еще больше повысился, вырос приток писем. В 1980 г. редакция получила их более 11 тысяч – рекорд за всю историю существования зонального вещания.

¹ Собр. Н.В. Хисамудиновой. Воспоминания А.К. Копейки.

В. Солдатов, Е. Песчаницкая, М. Лобода
(1985 г.)

«Тихий океан» всегда славился сильными журналистами. В редакции работал дружный и квалифицированный коллектив, журналистов которого помимо компетентности и профессионального мастерства отличала преданность делу. Все сотрудники были патриотами «Тихого океана», гордились тем, что работают в нем, хотя им и приходилось трудиться гораздо интенсивнее, чем любой другой редакции. После Павла Шварца главную редакцию, в которую поначалу входила радиостанция, возглавлял Иван Гурко. Затем редакцией, ставшей самостоятельной, руководил Вадим Тураев, который некоторое время возглавлял

и редакцию информации. С уходом Тураева в 1981 г. в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока на должности главного редактора радиостанции сменились несколько человек: журналист из «Красного знамени» Юрий Ралин, Татьяна Александровна Баранова из главной редакции общественно-политического вещания, главный редактор информационного вещания В.И. Солдатов.

В аппаратной радиостанции «Тихий океан».

Слева направо: неизвестная, В. Куварзин, Н. Нестреляева,
Р. Николаева, Л. Белокриницкая, А. Матвиенко, Ю. Степанов.
У пульта – Т. Ясенкова, за ней – И. Кириллова. Справа – Н. Орлова

Старшими редакторами в разное время работали Нина Хрулькова, Анатолий Лебедев, Нина Василевская, Виктор Феоктистов, Александр Копейка, Евгений Давид-Хан. В качестве редакторов и корреспондентов были А. Воробьев, В. Кондрашин, Олег Паденко, Анатолий Матвиенко, Тамара Ясенкова, Евгения

Гилистенёва, Николай Просветов, Владимир Куварзин, Александр Колесов, Наталья Гурулева, Дмитрий Брюзгин, Юрий Степанов, Андрей Островский, Марина Лобода, Елена Песчаницкая, Наталья Орлова, Татьяна Надеина, Ирина Пугина, Андрей Яковенко. На протяжении всех лет работы «Тихого океана» постоянным режиссером передач радиостанции была Раиса Антоновна Николаева. В течение ряда лет в этой роли выступала и Татьяна Викторовна Батова.

Вспоминает А.В. Колесов, ныне директор издательства «Рубеж» (Владивосток): «Спустя десятилетия становится совершенно понятно, что работа на радио – это удивительный творческий и жизненный опыт, который ничем невозможно возместить....Японское море. Плавбаза “Константин Суханов”. Я, спецкор радиостанции “Тихий океан”, стою на мостике и явственно слышу, как голос начальника экспедиции, звучащий из радиорубки, вырывается на океанский простор, а потом возвращается через репродукторы плавбазы... Это мы с начальником экспедиции ведем с промысла прямой первомайский репортаж на центральную площадь Владивостока.

Когда через две недели я вернусь во Владивосток и приду в редакцию, меня встретит Саша Копейка и с дружеской улыбкой расскажет обо всем, что со мной произошло в этой командировке в море... Потому что прямо передо мной в редакции успела побывать кадровичка “Константина Суханова”, с которой у нас на плавбазе возник конфликт. Сойдя на берег, она первым делом отправилась к моему начальству, чтобы пожаловаться и доложить о моих “похождениях”, но Саша случайно перехватил ее в коридоре комитета.

“Тихий океан” раздвинул границы моего миропонимания и предоставил щедрую возможность получить грандиозный жизненный опыт. Он познакомил и подружил меня с самым разными людьми, такими, например, как недавно ушедший от нас легендарный капитан-директор плавбазы “Алексей Чуев” Анатолий Александрович Семашко. Наша дружба с Санычем длилась потом без малого тридцать лет.

Вадим Тураев, Александр Копейка, Нина Василевская, Раиса Николаева... Я всегда с благодарностью буду вспоминать бывших коллег и старших товарищей. А чего стоила одна только 20-метровая стенная газета, которую я вызвался

редактировать и собирать весной 1984 года – к 20-летию юбилею «Тихого океана»! Это был не столько журналистский, сколько издательский проект, который позволил мне многое понять и пригодился в дальнейшей работе»¹.

Радиостанция «Тихий океан» не дожидаясь своего 40-летия всего год: она была закрыта в конце 2002 г. Как объяснили редакции, федеральный бюджет перестал выделять средства на оплату работы дорогих коротковолновых передатчиков. Но уже и флот – и рыболовецкий, и торговый – стал другим, потеряв, увы, былую мощь.

Однако есть в работе редакций очень существенный пробел, и об этом хотелось бы поговорить несколько подробнее. Не секрет, что моряки, находящиеся в дальних плаваниях, подвергаются определенному воздействию чуждой нам пропаганды. На такую пропаганду капиталисты средств не жалеют, лишь бы хоть как-то приукрасить неприглядное лицо «свободного мира». Радиожурналисты, готовящие передачи для моряков дальнего плавания, должны без остатка смывать всяческие белила и румяна с этого самого лица. Возможности для разоблачения сущности капиталистического мира у редакции поистине безграничны, и очень жаль, что они почти не используются... Можно порекомендовать редакциям ввести рубрику «Капитализм – глазами очевидцев» и передавать рассказы людей, побывавших в портах разных стран. Много правдивого могли бы поведать морякам о хваленной буржуазной демократии и репатриированные советские граждане.

Из рецензии на передачи для моряков Приморского краевого комитета по радиовещанию и телевидению и Калининградского комитета по радиовещанию и телевидению. 28 октября 1962 г.

Не одно поколение дальневосточников выросло под мелодичные позывные «Тихого океана». Когда-то они звучали раз в неделю, потом чаще. Теперь услаждают слух каждый день. И остается только завидовать и радоваться той энергии и творческим способностям радиожурналистов, сумевших за столько лет не только не надоесть своим слушателям, но еще и приобрести новых поклонников.

Л. Петрова. Красное знамя. 17 апреля 1993 г.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания А.В. Колесова. 2019.

НАШ ОТВЕТ «ВРАЖЬИМ ГОЛОСАМ»

В начале 1960-х гг. в составе Приморского краевого комитета по радиовещанию и телевидению появилась редакция иновещания. Это было совершенно новое подразделение для Приморского радио, хотя в СССР регулярное вещание на зарубежные страны началось 29 октября 1929 г., когда в эфир впервые вышло «Радио Коминтерна» (позже – «Московское радио»). Передачи, рассчитанные на зарубежного слушателя, готовил специально созданный при Центральном радио Сектор передач на иностранных языках. Первыми в эфир стали выходить передачи на немецком языке. Они звучали два раза в сутки через день продолжительностью от 30 минут до 1,5 часа. Той же осенью по воскресеньям появились часовые программы на французском языке, а затем Москва начала готовить передачи и для англоязычного слушателя. С 1930 г. вещание «Московского радио» на иностранных языках стало ежедневным. Поскольку качество звукозаписи в те годы было крайне низким, все передачи шли в прямом эфире. Они носили откровенно пропагандистский характер, преподнося советский образ жизни в приукрашенном виде. Впрочем, таким было в те годы и радиовещание для внутреннего пользования. Вместе с тем, большое внимание уделялось знакомству зарубежных слушателей с культурой и искусством СССР: для них готовились литературные передачи, а также трансляции опер из Большого театра.

К началу Второй мировой войны передачи из Москвы велись на 13 языках, а в 1941 г. объем радиовещания на зарубежный мир резко вырос: в декабре «Московское радио» говорило на 21 языке, а общий объем вещания превысил 51 час в сутки. К концу 1945 г. трансляция велась уже на 29 языках, а ее среднесуточный объем составлял почти 60 часов¹. Зарубежным слушателям сообщали о положении дел на фронтах и в тылу, героизме советских людей и злодеяниях фашистов, антифашистских действиях на оккупированной территории. Особая задача стояла перед вещанием, адресованным жителям стран-союзников по антигитлеровской коалиции: вызвать их симпатию к Советскому Союзу и его борьбе с фашизмом. В 1943 г., например, стали готовить специальную еженедельную передачу для США, которую ретранслировала американская компания «Blue Network». В подготовке передач на США и Великобританию принимали участие известные советские писатели и журналисты. Созданию в Америке многочисленных благотворительных фондов и разворачиванию кампаний по сбору средств для помощи Советской России способствовали и эти радиопередачи.

¹ Гянджинский С. Блеск и нищета иновещания, Или невидимые бойцы информационного фронта. Электр. ресурс: ИноСМИ.ру (портал). URL: <https://inosmi.ru/> (дата обращения: 12.04.2019).

В военные годы в иновещание помимо Москвы включились другие города СССР, в частности, в апреле 1942 г. передачи на страны Дальнего Востока стали вестись из Хабаровска. С одной стороны, ставилась задача удержать Японию от вступления в войну на стороне Германии, а с другой – важно было охватить информационным влиянием Китай и Корею, оккупированные в этот период Японией. Там проживали тысячи выходцев из России, которых надо было оградить от японской пропаганды и привлечь на сторону СССР. Есть сведения, что радиопередачи из России пользовались популярностью у русских эмигрантов в Китае: они помогали сохранять связь с родиной и узнавать новости о жизни в СССР, где у многих оставались родственники. В Русском клубе в Тяньцзине, например, имелась специальная радиокomната, где русские жители китайского города собирались для коллективного прослушивания радиoproграмм, передаваемых из Хабаровска¹.

15 августа 1945 г., в день освобождения Кореи от японских колониалистов, в СССР началось радиовещание на корейском языке. Поначалу все передачи шли из Хабаровска, но уже через несколько дней в вещание на Корею включилась и Москва, где корейский отдел стал составной частью дальневосточного отдела (руководитель японист Степан Калмыков). Первую передачу Московского радио на корейском языке прочитал Ким Ги Ун, советский кореец, работавший до этого преподавателем вуза. Самостоятельным отдел стал в начале 50-х гг. Возглавил его выпускник первой группы корейского языка Московского института востоковедения Дмитрий Усатов. Под его руководством работали дикторы и переводчики Владимир Ли, Ли Кян Вон, Иван Нам, Ким Дю Бон, Тен Гук Нок, Николай Ян, Ли Хан Су, Тё Ён Гиль и Валентин Тен. Двое последних до сих пор работают на радио – это старейшие сотрудники иновещания Московского радио².

«Я пришел работать в корейскую редакцию в трудное время, в 1951 году, – вспоминал Вениамин Попов, в дальнейшем главный редактор Главной редакции радиовещания на социалистические страны Европы. – Шла тяжелая война. Помню свое первое задание – поездку в детский дом, где жили корейские дети, вывезенные из Пхеньяна. До сих пор вспоминаю лица и глаза ребят, переживших ужасы бомбежек. Работа в редакции была сложная, но интересная. Готовились специальные передачи для воинов Корейской народной армии и китайских добровольцев. Эта работа велась совместно с китайской редакцией. В то время нас называли "фронтовым отделом". Потом пришел мир, и передачи Московского радио стали много рассказывать о советском опыте послевоенного восстановления. Самым главным для нас всегда было стремление донести до корейского слушателя чувства дружбы, солидарности, человеческой теплоты, которая была тогда и есть сейчас в нашем народе по отношению к корейцам. Наши передачи встречали горячий отклик в Корее. Это мы знали из писем, из общения с корейскими гостями. Мы чувствовали, что наши передачи нужны»³.

«Мы получали сотни писем, – вспоминает Роза Знаменская, литсотрудник корейского отдела по работе с письмами с конца 50-х гг. – Нас буквально засы-

¹ Гуверовский архив войны, революции и мира (Пало-Альто, Калифорния, США). Коллекция И.И. Серебrenникова. Дневники.

² Собр. Н.В. Дека. Письмо Т.М. Симбирцевой от 14.05.2019. Москва.

³ Собр. Н.В. Дека. Из передачи «К юбилею советского Иновещания». 21 октября 1989 г.

пали вопросами: как живут советские люди, как учатся, работают, растят детей. Многие хотели установить дружеские связи с коллегами, завязать переписку с товарищами по интересам. Писали не только из Кореи, но и из других стран, где живут корейцы»¹.

В послевоенный период радиовещание на зарубежные страны продолжило расширяться, появились новые направления, формы и методы. В 1946 г. в радиокомитете Хабаровска была создана специальная группа иновещания. В 1949 г. она была преобразована в отдел вещания на зарубежные страны из Хабаровска при Совете Министров СССР (с марта 1953 г. – при Министерстве культуры СССР). К середине 1950-х гг. языковой спектр этого подразделения увеличился с трех языков до девяти, а его информационная деятельность, как отмечают исследователи, стала выходить далеко за пределы дальневосточного региона. Вещание из Хабаровска распространялось не только на соседние Китай, Корею и Японию, но и на другие страны Тихоокеанского бассейна, в частности, побережье США, что было немаловажно в годы «холодной войны»².

И в Москве, и Хабаровске для корейских, японских и китайских слушателей работали журналисты и переводчики, дикторы и операторы. Всех их объединяла большая любовь к стране, для которой они трудились. Многие бывали там в командировках, проходили стажировки и даже получали дополнительное образование. Это были уникальные специалисты. Они должны были не только в совершенстве знать иностранные языки, иметь отличную дикцию и грамотную речь, но и хорошо разбираться в международных вопросах.

Именно таким был сотрудник хабаровского отдела вещания на зарубежные страны Борис Константинович Огородников. Родившись в Харбине в семье эмигрантов, он окончил американский колледж в Иокогаме (Япония) и в совершенстве выучил японский, английский и французский языки. После окончания Второй мировой войны семья репатриировалась в СССР, и в начале 1950-х гг. Огородников стал диктором хабаровского отдела иновещания. Как и многие сотрудники подобных подразделений, он работал под псевдонимом и в эфире выступал как Борис Новиков. В дальнейшем его перевели из Хабаровска в Москву, где Огородников продолжил карьеру переводчика и диктора советского радио, вещавшего на зарубежные страны³.

Как отмечают исследователи, работа сотрудников иновещания часто приводила к заметным политическим и геополитическим результатам. «Они владели особо развитым информационным чутьем, способностью за тысячи километров от Москвы вычислять именно ту “информационную десятку”, в которую нужно было попадать буквально каждый день. Журналист, работник иновещания относился к “элите”, так как был посвящен более других своих коллег в хитросплетения мировой политики, обладал определенной свободой суждений. Такого уровня специалистов-международников тогда не готовило ни одно из высших учебных заведений страны. Те, кто попадали туда, пройдя сквозь “кадровое

¹ Собр. Н.В. Дека. Из передачи «К юбилею советского Иновещания». 21 октября 1989 г.

² Баклыков В.П. Из истории Главной редакции радиовещания из Хабаровска (1946–1996 гг.): К 50-летию радиовещания на зарубежные страны. Хабаровск, 1996.

³ Иванов-Ардашев В. Белые пятна хабаровского радиоэфира и истории // Приамурский казачий вестник». 2014. № 6 (25). С. 6.

сито”, являлись, как правило, выпускниками МГИМО (Московский государственный институт международных отношений – *Н.Х.*), гуманитарных факультетов университетов, специальных языковых вузов»¹.

В 1962 г. постановление Секретариата ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» (6 июня 1962 г.) потребовало от руководства радиокомитетов обратить более серьезное внимание на инновации и шире использовать контакты с иностранными радиотелевизионными организациями. «Серьезные недостатки имеются в радиовещании на зарубежные страны, – отмечалось в постановлении, – особенно в пропаганде советского образа жизни, успехов коммунистического строительства. До сих пор не введены передачи на русском языке для зарубежных слушателей, хотя за границей проживают многие миллионы людей, знающих русский язык, и еще больше — изучающих его»².

Партия призвала «широко освещать жизнь, внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза; пропагандировать достижения мировой системы социализма, борьбу народов за мир, демократию и социализм; всесторонне раскрывать международное значение коммунистического строительства в СССР; разоблачать антинародную политику империалистических государств. Разъяснять народам колониальных, зависимых и слаборазвитых стран, что капиталистический путь развития — это путь народных страданий, нищеты и бесправия...».

При подготовке радиопередач предлагалось «умело учитывать особенности отдельных стран и групп населения». В частности, быстрое развитие телевидения в Западной Европе, Америке и Японии заставляло задуматься о конкуренции радио с новым видом вещания. По мнению партийного руководства, инновационно следовало переключиться на создание «кратких актуальных радиопередач, в которых основные информации и комментарии должны повторяться в течение дня».

Редактор инновещания Л.В. Моисеева (крайняя справа)
и звукооператоры Л. Пигаева и М. Евсеенко (1996 г.)

¹ Гянджинский С. Блеск и нищета инновещания, Или невидимые бойцы информационного фронта. Электр. ресурс: ИноСМИ.ру (портал). URL: <https://inosmi.ru/> (Дата обращения: 12.04.2019).

² О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения. Постановление ЦК КПСС 6 июня 1962 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987 С. 545–551.

Задачи, поставленные перед радио в 1962 г., включали резкое расширение объема и улучшение содержания программ для стран Азии, после чего Владивостоку было поручено готовить программы для японских и корейских слушателей. Для этого на Приморском радио была создана редакция иновещания. Старшим редактором в ней долгое время был Николай Александрович Зайцев, участник войны с Японией (1945 г.), имевший ордена и медали за освобождение Кореи от японских захватчиков. Редакторами иновещания работали Лидия Гулай, Наталья Дека, Людмила Моисеева, назначенная старшим редактором после ухода Зайцева на пенсию.

Еженедельные передачи были 30-минутными и содержали два–три звуковых материала на разные темы, не перекликавшиеся друг с другом. Хотя их готовили во Владивостоке, но визировали в Москве, куда по телетайпу посылали сводный текст передачи и расшифровки звуковых материалов. Через некоторое время на Приморское радио по телетайпу приходило ответное сообщение: передача на такое-то число завизирована. Если была правка, то указывали страницу и строку. В 80–90-е гг. шефом корейского отдела в Москве был Константин Белов. Журналисты Владивостока и Хабаровска по всем вопросам связывались с ним. Работу редакции иновещания во Владивостоке курировала кореевед и журналист Татьяна Симбирцева, много раз бывавшая и в КНДР, и в Республике Корея.

Москва только проверяла содержание передач, подготовленных во Владивостоке, а трансляция программ на Китай, Японию, Корею шла из Хабаровска, где с текстами работали журналисты, переводчики и дикторы-носители языка. Пленки с репортажами и интервью, смонтированные во Владивостоке, отправлялись в Хабаровск по почте.

Пытаясь понять, что может заинтересовать иностранных слушателей, приморские редакторы иновещания внимательно прислушивались к тому, что передавали зарубежные корреспонденты Всесоюзного радио и телевидения. Многому их научили, например, репортажи В.Я. Цветова, который сам начинал карьеру журналиста сотрудником иновещания, рассказывая жителям Японии о жизни в СССР. Работая затем в Японии собственным корреспондентом Всесоюзного телерадиокомитета, он находил много сюжетов, поучительных для советского труженика. В частности, его рассказ о том, как японские мастера по дереву обрабатывают древесину, не оставляя ни одной щепки неиспользованной, мог заинтересовать советских специалистов лесопереработки, при которой оставалась масса отходов.

«А что интересно японцам и корейцам?», – задумывались на Приморском радио. Например, как у нас выращивается рис, самый северный рис в Азии. В странах традиционного рисосеяния рассаду риса обычно высаживают вручную, по колено в холодной воде. В Приморье для посева риса и обработки его гербицидами использовалась сельская авиация. Иновещание рассказывало и о том, как приморские селекционеры выводят на основе японских сортов новые сорта риса, устойчивые к заболеваниям.

Много репортажей посвящалось жилищному строительству. В 1960-е гг. важной темой было возведение «большого Владивостока», то, как на месте пустырей появляются новые микрорайоны. В 70-е–80-е гг. стали говорить о строительстве жилья, несравнимого с «хрущевками», – с новым уровнем комфорта, хорошей инфраструктурой. При этом подчеркивалось – жилье в СССР раздается бесплатно.

Редакция иновещания во Владивостоке уделала много внимания истории региона, где в 60-е гг. только начинали говорить о бохайской культуре, раскопках Марьяновского городища и других мест, где сохранялись остатки Бохайского царства. Зарубежные историки не очень-то хотели признавать его существование на территории Приморья, и каждая находка или резко оспаривалась учеными из стран АТР, или просто замалчивалась. Интервью с приморскими археологами пробивали стену умолчания. Зато сегодня в Приморском объединенном музее им. В.К. Арсеньева выставлено множество артефактов древней истории Приморья, обнаруженных при совместных раскопках с коллегами из стран Дальнего Востока.

Рассказывала редакция иновещания и о японской интервенции в Приморье во время Гражданской войны. Один японский ученый, приехавший во Владивосток в Институт истории, археологии и этнографии и работавший длительное время в советских архивах, говорил в интервью, что для него было полной неожиданностью узнать, какую жестокость проявляли японцы в Приморье. Историк подчеркивал: он не уверен, что на родине ему разрешат опубликовать собранные факты. Официальная историческая наука в Японии трактовала события тех лет в другом свете.

Цикл исторических передач вел офицер Тихоокеанского флота Александр Иванович Груздев, участник освобождения корейских портов Сейсин и Раджин в 1945 г. Он рассказывал о роли моряков-тихоокеанцев в освобождении Кореи от японских захватчиков, и воспоминания очевидца были особенно интересны ранее неизвестными фактами, мелкими деталями, фамилиями участников тех событий. Среди постоянных авторов, которых Приморское радио приглашало для иновещания, были и специалисты из штаба Тихоокеанского флота, которые хорошо знали иностранные языки – и английский, и восточные. По долгу службы они слушали передачи соседних стран, получали зарубежную прессу и были в курсе всех событий.

По воспоминаниям сотрудников радио тех лет, на иновещании была сформирована особая школа журналистики, отличная от советской. В передачах, готовившихся во Владивостоке, совершенно отсутствовали контрпропаганда и сообщения о каких бы то ни было политических или религиозных настроениях в СССР. «Мы – ваши соседи. Давайте знакомиться и дружить» – под этим лозунгом проходили все материалы передач Приморского радио на Японию и Корею. Журналисты рассказывали в них о крае, его предприятиях, а главное – о людях Приморья, их жизни, интересах, заботах и судьбах.

«Для меня было неожиданностью, что стиль журналистики здесь не такой, как в других редакциях, – вспоминает Н.В. Дека, начавшая работу на иновещании в 1980 г. – и меня очень обрадовало, что не придется цитировать речи Брежнева и постановления съездов КПСС, от чего не был свободен ни один журналист. Нашей задачей было создание положительного образа СССР в глазах зарубежных слушателей. Это очень увлекательная работа для журналиста – знакомиться с лучшими, талантливыми и интересными людьми, узнавать доселе неизвестное и рассказывать об этом соседям по региону. В советское время вещание на Корею было ежедневным, по 3,5 часа, из которых 1,5 часа занимали передачи из Хабаровска.

Придя в иновещание, я первым делом стала читать о том, какие отношения были у Кореи и России в прошлом, и узнала, что история полна примеров само-

го замечательного добрососедства. В голодные годы корейцы целыми семьями переходили в Россию, где им оказывали сердечный прием. Царским указом предписывалось принимать корейцев, кормить, обогревать, помогать с поселением. Казакам вменялось в обязанность охранять корейские деревни от китайских хунхузов. Потомки наших переселенцев, приехавших с Украины, с Нечерноземья, вспоминали, что корейские крестьяне рассказывали их отцам и дедам, как во влажном морском климате выращивать овощи, злаки, рис. С тех пор в Приморье существует корейская диаспора. Она тесно сотрудничала с нашей редакцией, мы делали циклы передач об истории, в которой были и тяжелые страницы, например, сталинское переселение корейцев из Приморья в Среднюю Азию»¹.

В 80-е годы Приморский край активно общался с приграничными провинциями Северной Кореи, принимая делегации ученых, медиков, энергетиков и других специалистов. Для каждой организовывали свою программу, включавшую экскурсии на предприятия и организации, которыми Приморье заслуженно гордилось: Владивостокский торговый порт, 1000-кочная больница, угольные шахты, биостанции Института биологии моря. Об этих экскурсиях журналисты и новеллисты делали репортажи, которые шли в эфир и в программах для зарубежного слушателя, и в передачах Приморского радио.

«Северокорейцы страшно боялись микрофона, – вспоминает Н.В. Дека. – В тоталитарном государстве любую фразу могли использовать против человека. Но корейцы приспособились: перед поездкой в Приморье они стали еще у себя дома, в Коре, писать и согласовывать тексты, и потом зачитывали их по бумажке.

До Олимпиады в Сеуле (1988) никаких отношений с Южной Кореей у СССР не было. И вот после Олимпиады лед тронулся. У тех корейцев, которых японцы в свое время вывезли в качестве рабочей силы на Сахалин и которые оставались там после Второй мировой войны без всякой связи с родными в Коре, наконец появилась возможность начать поиски родственников, наладить переписку с ними и даже встретиться. В этой работе огромная роль принадлежала дальневосточным корейским диаспорам. На теплоходе «Ольга Садовская» в южнокорейский Пусан вместе с первыми российскими туристами отправились и корейцы на встречу с родными. Их встречали множество родственников, от глубоких стариков до детей. Когда теплоход причаливал, они пытались высмотреть родных среди людей на палубе, а потом очень трогательно приветствовали друг друга. Я с магнитофоном носилась по встречам, записывала интервью... Незабываемые впечатления...»².

«В конце 80-х значительно расширились международные контакты Приморского края, – рассказывает Л.В. Моисеева, работавшая на иновещании в 1987–1993 гг. – Буквально каждый день во Владивосток прибывали делегации из стран Юго-Восточной Азии. Больше всего было гостей из Японии и Южной Кореи, меньше из Китая и Северной Кореи. Гости посещали различные предприятия края, встречались с коллегами. Популярными стали выставки товаров, которые предлагались для торговли с нашим краем. Самыми активными были японцы: выставки и посещения их кораблей бывали не только во Владивостоке, но и в Находке. Из Японии приходили суда с туристами специально для посе-

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.В. Дека. 2019. (Рукопись).

² Там же.

щения кладбищ с могилами бывших японских военнопленных. Японцы приезжали целыми семьями, совершали у могил свои обряды и высказывали благодарность за внимание и уважение к погибшим, за возможность чтить память своих родных. Это было интересно не только для зарубежных слушателей, но и для жителей края. На встречах с членами делегаций всегда была доброжелательная обстановка, чувствовался неподдельный интерес к Приморью и стремление поддерживать добрососедство и дружбу. Обо всем этом мы рассказывали в передачах. Их слушали не только Япония и Корея, но и другие страны Юго-Восточной Азии, так как главная редакция иновещания в Москве часто включала наши репортажи о встречах в Приморье в передачи на многие страны региона.

Обратная связь зависела от международной обстановки. Отклики шли в основном от японских слушателей, северные корейцы не располагали техническими средствами для прослушивания советских программ и, мягко говоря, не поощрялись в подобных действиях руководством своих стран. Но если и были письма радиослушателей, то попадали они в Москву, на Пятницкую, где было сосредоточено все вещание на зарубежные страны»¹.

В 90-е годы Приморское радио перестало готовить передачи для зарубежных слушателей: эти функции постепенно перешли к Москве, о чем бывшие сотрудники иновещания жалеют. Они считают, что международные связи между государствами на региональном уровне очень важны: нужно, чтобы о Приморье и Владивостоке больше знали в мире, понимали наше гостеприимство, доброжелательность и заинтересованность в добрых соседях.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.В. Моисеевой. 2019. (Рукопись).

«ТИШЕ! МИКРОФОН ВКЛЮЧЕН!»

С переездом всех служб Приморского радио на ул. Уборевича, в новый Дом радио, число студий и аппаратных значительно увеличилось, в штате уже числились одиннадцать операторов, и всем находилась работа. Начальник радиоконкомплекса В.А. Евтушевский и начальник отдела звукозаписи Л.С. Шувалов, в прошлом сам звукооператор, по-прежнему следили за квалификацией своих подчиненных. Операторов учили обращать внимание не только на явные огрехи магнитофонной записи, но и на содержание материала, его тональность. Одно дело – пленка для новостей, где паузы между фразами можно ужать до минимума, совсем другое – материал для художественного вещания, где скороговорка неуместна.

Сотрудники цеха звукозаписи (1981 г.) Первый ряд (слева направо: М. Клименко, М. Борисенко, Л. Белокриницкая, Л. Сырых, Л. Шувалов (начальник цеха). Второй ряд: И. Козлов (инженер), И. Рощина, П. Никулин (инженер), М. Евсеенко, Т. Романова, Л. Пигаева, И. Невеличко

Операторы 80–90-х гг. Любовь Белокриницкая, Марина Здорик, Валентина Деркач, Татьяна Романова, Марина Евсеенко, Лариса Сырых, Ирина Невеличко (Кириллова), Лидия Пигаева, Ирина Рощина, Марина Дядишева (Борисенко), Татьяна Золочевская, Людмила Краева и др. были мастерами своего дела. Их высокую квалификацию не раз отмечали сотрудники других телерадиокомитетов, приезжавшие во Владивосток. В частности, работой звукооператоров Приморского радио всегда оставались довольны московские журналисты, аккредитованные на различные крупные мероприятия и готовившие свои звуковые ма-

териалы для передачи по Всесоюзному радио на базе владивостокского Дома радио. Мало того, что операторы терпеливо ждали, порой допоздна, когда корреспондент вернется с какой-нибудь важной встречи, они часто выполняли и функции режиссера, помогая смонтировать красивый репортаж. «Наши операторы этого бы делать не стали, – признавались москвичи, – ведь это не входит в их непосредственные обязанности»¹.

Вручение Ордена Трудовой Славы 3-й степени звукооператору Л.С. Белокриницкой (справа) и монтажнице «Дальтелефильма» Л. Ковальчук (1981 г.)

Ежедневно на двери то одной, то другой студии Дома радио загоралась надпись: «Тише! Микрофон включен!». Третья студия работала в основном на литературное и музыкальное вещание, четвертая – на редакцию радиостанции «Тихий океан», седьмая – на информационное вещание. Редакторы приводили в студию людей, чтобы записать интервью или выступление, а режиссеры – дикторов или ведущих на запись сводного текста передачи. В первой студии, самой большой, и во второй, поменьше, проводили записи дискуссий «за круглым столом», театральных постановок и других крупных передач.

Большинство звуковых материалов, подготовленных для передач, предназначались для разового использования: магнитная лента шла в дело повторно. Некоторые пленки откладывались, чтобы выпустить их в эфир еще раз по второй программе, но существовали и такие записи, которые сохранялись многие годы в фонотеке Приморского радио, богатейшем на Дальнем Востоке хранилище магнитофонных записей. Это была звуковая летопись Приморья – интервью со старожилами Владивостока и участниками Гражданской войны, выступления передовиков производства из бригад коммунистического труд и строителей первых городских микрорайонов, репортажи с мест важных событий. Время от времени, если был повод, их использовали в передачах.

Тематические и цикловые программы, как правило, были еженедельными, по 30–40 минут, иногда более продолжительные. К примеру, 30-минутный информационный радиожурнал «Владивосток и владивостокцы» обычно состоял из трех–четырёх пятиминутных звуковых материалов, соединенных дикторским текстом и комментариями, а в часовую программу молодежной редакции «Современник» входили сюжеты и длиннее, до 15 мин., хотя и предполагалось, что

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с М.Н. Евсеенко (2019).

более десяти минут человек не может удерживать внимание на одной теме. Редактор какой-либо программы и был ее автором, намечая темы каждого выпуска. Старший и главный редакторы на редакционной планерке принимали или корректировали этот план, после чего журналисту оставалось взять в руки магнитофон и воплотить намеченное в жизнь, то есть обеспечить передачу качественным звуковым материалом.

Сценарный план информационных радиогазет или радиожурналов составлялся по стандарту: обязательно новости, какой-нибудь репортаж на производственную тему, потом репортаж или интервью социальной тематики и, наконец, что-нибудь о культурной жизни или отдыхе. Сводный текст занимал порой всего одну машинописную страницу, но, чтобы превратить ее в 30-минутную программу, редактору приходилось изрядно попотеть, поскольку звуковое обеспечение передачи лежало всецело на нем, разве что внештатные корреспонденты помогали. Ими, как правило, были студенты-будущие журналисты или просто те, кто чувствовал в себе тягу к творчеству и был готов побегать по городу с магнитофоном в поисках интересных сюжетов.

Главные материалы оставались все же за штатными сотрудниками. В редакции информации они уже набили руку на подготовке репортажей на тему «На ударных стройках», «Люди нашего города», «Пятилетка – день за днем», «Рабочей минуте – рабочий контроль» и пр. Они звучали и в выпусках новостей, и в цикловых информационных программах. Иногда ночью на телетайп Приморского телерадиокомитета поступал из Москвы текст очередного постановления ЦК КПСС с пометкой: «эмбарго до 12 часов московского времени». Это означало, что постановление еще не принято, и говорить о нем в Приморье, живущем на семь часов впереди Москвы, еще рано. Надо подождать, когда столица проснется и партийная верхушка проголосует за новые задачи советских тружеников. В том, что голосование пройдет единогласно и постановление будет принято, никто не сомневался. Гарантия – текст с телетайпа. Разница во времени между Москвой и Владивостоком позволяла журналистам не только подготовить для вечернего выпуска «Последних известий», выходявшего в 19.40, текстовое сообщение о свежем партийном решении, но и записать первые отклики на него приморцев.

Чтобы найти человека, готового «откликнуться», редактор передачи обычно звонил в партком крупного предприятия, например, Дальзавода. Пожелание одно: чтобы рабочий умел связать два слова и при этом не заикался. На заводе о будущем постановлении еще ничего не знают, но помочь Приморскому радио всегда готовы. Когда журналист добирается до парткома, там его уже ждут. Слесарь 5-го разряда, или бригадир корпусников-сборщиков, или передовик-литейщик – неважно, главное, он готов сказать все, что думает рабочий класс по поводу постановления. И он говорит, причем, без особых наводящих вопросов. Забота о качестве продукции (или об экономии рабочего времени) – большое дело, соглашается он. Хорошо, что партия заботится об этом. Мы, слесари (корпусники, литейщики) тоже постоянно об этом думаем. Через двадцать минут интервью записано. Это, конечно, только черновик звукового материала, с множеством оговорок и поправок, неточно выраженных мыслей и повторов. Пусть не очень гладко, но почистить – это уже дело техники.

В 1970-е – начале 80-х гг. техника представляла собой профессиональный стационарный магнитофон «МЭЗ-28А», выпускаемый с 1960-х гг. горьковским

заводом и предназначенный для работы в студиях звукозаписи. Стоя у МЭЗа, журналист с помощью ножниц производил черновой монтаж: вырезал заведомо ненужные куски, убирая повторы и неудачные фразы. Но вот оплошность: вырезанной и выброшенной случайно оказалась нужная фраза! Хорошо, когда это бывало вовремя замечено: найти кусок пленки поверх других обрезков и вклеить его в нужное место хлопотно, но возможно. Но если запоздал – лучше отказаться от попыток и не тратить время попусту: во время монтажа в урне перед корреспондентом собирается изрядный ворох пленочных обрезков.

После журналиста по интервью или репортажу еще «пройдется» звукооператор. Таким же путем, с помощью ножниц и клея, она подчистит шероховатости и перепишет материал с множеством склеек на новую пленку: нужна гарантия, что во время передачи она вдруг не распадется на кусочки. Очень скоро технология подготовки звуковых материалов сделает большой шаг вперед: техника обновится и операторы перейдут на «бескровный» электронный монтаж пленок, а пока главное оружие редактора и оператора – обыкновенные ножницы.

При виде микрофона многие теряют дар речи. Журналисту же надо, чтобы человек отвечал на вопросы заинтересованно, не волновался и говорил раскованно. Живая и естественная интонация – вот что ценится. Как сделать так, чтобы собеседник забыл о микрофоне? Своим опытом делится Н.В. Дека, пришедшая на Приморское радио студенткой и отдавшая этой работе 15 лет: «Сначала объясняешь, что это не прямой эфир и неудачные фразы будут вырезаны, для чего существуют умелые мастера звукомонтажа. Потом начинаешь разговаривать о всяких несущественных делах. Где вы родились? Где учились? Какие предметы в школе любили? Когда первый раз пошли к зубному? Иногда приходилось прибегать к каким-то провокациям, типа “да нужна ли ваша профессия сегодня?” Задетый за живое человек мог наговорить замечательных вещей для эфира.

Одно из любимых моих воспоминаний – поездка в Лазовский район, где я записывала интервью с егерями, охранявшими заповедник, и с охотниками на пушного зверя. И вот я вернулась из тайги, где записала несколько интервью, и жду у конторы леспромхоза молодого охотника, которого представили к награде за ударный труд. Вечер, мы с ним сидим на улице у конторы, мимо нас туда-сюда ходят люди, курят на крыльце, а мы разговариваем. Парень не видит мой магнитофон “Репортер-6” и потому быстро привыкает к микрофону, увлекается, и начинает рассказывать, как кричат звери на заре, как мать подзывает детеныша. Потом на летучке Вадим Тураев похвалил это интервью, хотя нас не очень-то баловали похвалой...»¹.

«Прихожу на мебельную фабрику, – вспоминает Наталья Соловьева, – чтобы записать рассказ женщины-бригадира, придумавшей и внедрившей более рациональный способ обработки деталей для мебели. Она встречает меня у проходной, и по дороге к цеху мы говорим о том, о сем, в том числе и об ее рациональном предложении. В цехе включаю микрофон, задаю вопрос и слышу в ответ:

– Да я же вам все уже рассказала! Больше ничего не скажу!

Пришлось убеждать ее повторить свой рассказ на микрофон. Но для себя сделала вывод: “развязывая язык” собеседнику, говори о чем угодно, но не о главной теме будущего интервью».

Журналисту приходится быть поистине энциклопедистом: утром он делает репортаж со строительной площадки, вечером пойдет на фестиваль народного творче-

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.В. Дека. Владивосток, 2019. (Рукопись).

ства, а завтра его ждут в диспетчерской аэропорта или лаборатории почвоведов. Правильно построить интервью, грамотно задать вопросы, а потом умело смонтировать запись, выделив главное, – это тоже приходит с опытом. Иногда случалось, что собеседники, особенно занимавшие высокий пост, не были уверены в компетентности корреспондента и настаивали на предварительном прослушивании пленки, предназначенной для эфира. Чаще всего они оставались довольны, разве что просили подчистить какое-нибудь неудачное слово из собственной речи.

Как-то раз редактор молодежного вещания записывала интервью с молодым математиком, получившим престижную премию за свое открытие. Он объяснил суть своих исследований, и она, как ни удивительно, все поняла – возможно, потому, что в школе ей хорошо давалась математика. Ученый даже не поверил:

– Вам действительно все ясно? Тогда перескажите, как вы меня поняли.

Она послушно пересказала.

– Ну, слава богу. Если бы мне пришлось объяснять все заново, я бы вас убил»¹.

Редко какой репортаж обходится одним голосом корреспондента, чаще всего в нем много дополнительных звуков, а иногда именно они и создают репортаж. Классика жанра, когда журналист записывает и собственный текст, и репортажный момент, и интервью с людьми прямо на месте события, не прибегая к записям в студии. Но нередко случалось, что сводный, авторский текст репортажа приходилось начитывать, уже вернувшись в Дом радио: то ли оставалось недовольство сделанной записью, то ли на ум пришли более подходящие слова. Увы, студийная запись всегда выглядела искусственно, даже если наложить ее на подходящий шум.

Как-то в начале 50-х гг. корреспондентов «Последних известий» Г. Громова, Б. Ничипировича и Л. Субботенко называли в газетном фельетоне радиофокусниками: чтобы создать подходящий фон для репортажа

с морского берега, они устроили «волны» в ванне. Очень скоро развитие техники звукозаписи позволило обходиться без подобных фокусов. В течение многих лет корреспонденты Приморского радио, готовя репортаж с места событий, заодно записывали и различные шумы: крики чаек, гул самолета на взлете и при посадке, шум моря в тихую погоду и в шторм, звук конвейера на молокозаводе и

Интервью на пограничной полосе.
1988 г.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.В. Дека. Владивосток, 2019. (Рукопись).

в сборочном цехе приборостроительного завода... В фонотеке хранилось несколько больших коробок с различными шумами, и в случае надобности журналист или режиссер всегда мог найти подходящий фон для репортажа или оформления передачи.

Об истории появления в фонотеке записи под названием «Пение птиц на границе» вспоминал Г.И. Громов. В конце мая, в преддверии Дня пограничника, готовился репортаж на далекой таежной заставе. При записи интервью с офицерами выяснилось, что лучший пограничник находится в наряде, на самой границе. Тем лучше, решил корреспондент, – запишем беседу прямо на «рабочем месте». Вместе с сопровождающим он отправился туда, где находился воин, поговорил с ним и напарником о том, как живется-служится парням на далекой заставе. Беседа получилась удачной. Особенно понравилось журналисту то, что ее сопровождало птичье пение. «Это место непуганых птиц, – пояснили пограничники, – они совсем не боятся человека».

Корреспондент же был под таким впечатлением от весеннего птичьего гомона, что решил его записать – вдруг пригодится и для других передач. Записал, а на заставе обнаружил, что на обратном пути потерял кассету. «Не огорчайтесь, – успокоили пограничники. – Сейчас найдем». И правда, через пятнадцать минут запыхавшийся пограничник вручил корреспонденту кассету. «Это наш лучший следопыт, – объяснил начальник заставы. – Он бы смог и иголку найти в стоге сена. Пусть приморцы послушают, как поют птицы на нашем участке границы».

Если пение птиц способно украсить передачу, то есть такие шумы, которые могут ее изрядно испортить. Начинаящим репортерам любили рассказывать случай, когда молодой журналист стал записывать репортаж в Приханкайской долине без защитного фильтра для микрофона, не подумав, что там почти всегда дует сильный ветер. Когда неожиданный порыв чуть было не вырвал из его рук микрофон, он догадался сказать: «Ну и ветер же здесь, на ногах не устоять!». Это спасло ситуацию, иначе слушатели не поняли бы, что за странные завывания сопровождают репортажную запись. Впрочем, очень скоро радиожурналисты обучаются маленьким профессиональным хитростям: забыл прихватить ветрозащиту – замотай микрофон шарфом или надень на него трикотажную перчатку.

Современные диктофоны со встроенным микрофоном и наушниками позволяют контролировать запись и вовремя заметить какой-либо сбой. В прежние же года журналист обнаруживал дефект записи слишком поздно, когда ничего исправить уже нельзя. «Я смертельно боялась любой техники, – вспоминает Л.А. Кондрусь, в 80-е гг. редактор отдела писем, – и техника это чувствовала! Однажды мне дали задание сделать передачу для детской редакции “Пароль Дружба” – о том, как в пионерском лагере под Владивостоком отдыхали вьетнамские дети. Встретиться с ними оказалось не так-то просто: каждый день у вьетнамцев был расписан по минутам. Но все же нашли для меня время, назначили день и час встречи. Добралась до лагеря, проверила магнитофон – тогда еще старые тяжелые и громоздкие “Репортеры-6” были в ходу – все нормально. Усадила детей и переводчицу – записала на пленку вопросы-ответы. Вроде, все хорошо получалось. По дороге к автобусной остановке решила отдохнуть, а заодно и проверить запись. Открываю “Репортер” – и замираю от ужаса: вся пленка под крышкой сбилась, спуталась – змеиный клубок какой-то. Села на траву рядом с негодной техникой и разревелась – так обидно было и досадно. Успокоившись немного, стала дрожащими руками осторожно распутывать и расправ-

лять пленку. Намотала ее снова на бобину и, ни на что не надеясь, включила воспроизведение. Ты когда-нибудь летала с земли до неба? Нет? А вот я в тот миг чувствовала именно такой полет, потому что весь разговор до единого слова записался! А значит, я не подвела редакцию и выполнила задание»¹.

Качество записи – это одна проблема, другая – ее количество. Редко какое интервью или репортаж получались короткими. Часто, оказываясь у микрофона, люди были склонны порассуждать, отвлекаясь от главной темы. Если журналисту не хватало решительности вовремя остановить собеседника, то потом приходилось сокращать запись, чтобы уложиться в те немногие минуты, отведенные на интервью, всего три–четыре для информационной программы. Даже при подготовке тематической передачи, где, казалось бы, журналист не был зажат в тесные временные рамки информационного сюжета и мог развернуться, подстерегала опасность. С интересным собеседником забываешь о времени. Вопрос за вопросом, мнение за мнением – глядишь, записи на два часа, а передача всего 30-минутная! Приходится с болью в сердце сокращать. Хотя и ходила среди радиожурналистов шутка о том, что краткость – сестра таланта да мачеха гонорара, прокрустово ложе передачи не позволяло излишеств.

Творческий характер работы радиожурналиста, ее необычность и разнообразие привлекали многих людей, но далеко не каждый мог справиться с нагрузкой и требованиями, которые предъявляет радио к журналисту. Кто-то считал ниже своего достоинства ходить по городу с магнитофоном на плече. Другие не соглашались делать записи во время торжественных собраний, стесняясь стоять с микрофоном у трибуны на виду у всего зала. Скромность, как выяснялось, – не самое полезное качество для журналиста, а застенчивость – и вовсе несовместимое с профпригодностью. Если на массовых мероприятиях, таких как торжественные собрания, митинги, презентации и пр., газетчик может издали, со стороны вникнуть

Т. Сабанова, Е. Шевченко и А. Овечкин, ответственный редактор Артемовской городской радиоредакции (1998 г.)

в суть дела, то радиожурналисту с микрофоном надо обязательно быть впереди – там, где происходит главное действие. Стушуешься, поскромничаешь – никакого репортажа не получится. Попадали на радио и те, кому с трудом давались разговоры с людьми при посторонних, и они предпочитали записывать своих собеседников в студии. Такие сотрудники быстро понимали, что на радио они оказались случайно, и подыскивали другую работу.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Письмо Л.А. Кондрусь от 27 декабря 1998. г. Свободный Амурской обл.

Будь то редакция информации, или «Тихий океан», или литературно-художественное вещание – везде существовал строжайший график выхода передач в эфир. Времени на их подготовку отводилось не так уж много, а срыв считался чрезвычайным происшествием. Казалось бы, не составляет особого труда подготовить 30-минутную программу, которая выходит один раз в неделю. Но рабочая неделя – это всего лишь пять дней, из которых один уходил на решение всяких оргвопросов вроде сбора подписей контролирующих лиц (старшего и главного редактора, а также уполномоченного Крайлита) и сборку программы. В оставшиеся дни журналисту надо было обеспечить программу записями, за которыми порой приходилось и в командировку ехать, а по возвращению в редакцию расшифровать все, что записано на магнитную пленку, и подготовить звуковые материалы.

Дежурные из отдела программ и выпуска (в 80–90-е гг. Светлана Флусова, Елена Фирсова, Любовь Мурашова и др.), которым в течение долгого времени заведовала Валентина Ивановна Арановская, строго следили за тем, чтобы ролик с готовой передачей вовремя оказался на их столе. Чаще всего их головной болью оказывалась программа «В час обеденного перерыва», выходившая почти ежедневно. Звуковые материалы для нее нередко были оперативными, они записывались и монтировались в тот же день. Журналист, неся в редакцию свеженькую запись, на ходу сочинял то, что скажет диктор или он сам в «подводке» – так на радио называли фразы, которыми предварялись репортаж или интервью. А в аппаратной, переписывая пленку, он уже намечал то основное, что следует включить в репортаж, и то, что можно безболезненно сократить. Даже при способности журналиста к такой оперативной работе времени часто не хватало, и режиссеру приходилось собирать передачу на двух, а то и трех роликах: первый уже звучал в эфире, а режиссер «колдовал» над продолжением.

Н. Соловьева и М. Долговых (1995 г.)

Расслабиться не удавалось, даже выпустив программу в эфир: в голове уже составлялся план следующей передачи. Не случайно говорят, что журналистика – это не работа, а образ жизни. «Рабочий конвейер», «потовыжималовка» – так характеризуют свой повседневный труд радиожурналисты той поры. Не каждый мог выдержать этот бешеный темп. Он довел до нервного истощения одного сотрудника 80-х гг. (а может, и не только его одного). Несчастный

молодой человек стал испытывать страх перед началом рабочего дня и не мог заставить себя подняться утром из постели. Продержался он на радио совсем недолго и восстановил здоровье, только найдя «тихую гавань» в конторе вторсырья.

О журналистике как будущей профессии обычно задумываются те, кто чувствует тягу к литературному творчеству. Увы, способность писать стихи или рассказы – не самое главное в работе на радио, и те, кто мечтал раскрыть здесь свой литературно-творческий потенциал, часто оказывались обманутыми, осо-

бенно, если попадали не в тематическую редакцию, а в информационное вещание. Очень скоро обнаруживалось, что при записи репортажа или подготовки информации просто нет времени, чтобы думать над образностью речи и выискивать самые точные фразы. В то же время это вовсе не значит, что можно высказывать мысли, как попало. Радио очень требовательно к слову, поэтому у радиожурналиста эпитеты, метафоры и меткие сравнения должны быть всегда на кончике языка. Причем, в отличие от газеты, на радио надо помнить еще и о благозвучности.

«Первый урок я получила уже во время испытательного срока на пробном репортаже от соседа по кабинету Георгия Исаевича Громова, – вспоминает Наталья Соловьева. – Он терпеливо слушал, как я, собираясь в торговый порт, на ходу сочиняла свой текст к репортажу на тему “Рабочей минуте – рабочий контроль”, и потом сказал:

– Измени-ка первые слова. Скажи лучше: “С самого утра..., а не с раннего...”».

Однажды Любовь Надёжина, талантливая журналистка и веселый, славный человек, пыталась записать репортаж о том, как знаменитый тренер занимается с трудными подростками: учит их ставить паруса, управлять яхтой и пр. У него дети занимали первые места на краевых и республиканских соревнованиях, и в редакции считали, что его опыт может пригодиться другим людям, работающим с детьми. Включает она магнитофон, и что же? Знаменитый тренер командует: “Ты, та-та-та, возьми эту та-та-та, отнеси туда та-та-та”. Дети его слушались и отлично понимали, но для репортажа подобная речь, конечно же, не годилась...

Н. Дека вспоминала противоположную ситуацию, когда в Новонежино летчик спасательной авиации рассказывал ей о том, как вывозили из тайги геологов, попавших в западню наводнения; как искали в тайге останки вертолета, потерпевшего крушение, и чудом их нашли; как вывозили из тайги лесоруба с приступом аппендицита – не меньше полутора часов интереснейших историй.

– Как получилось интервью? – спрашивает журналистку на другой день коллега рассказчика. – Что-то пригодится для радио?

– Еще бы, – отвечает та, – давненько не было у меня такого отличного собеседника. Интересные рассказы, богатый и образный язык!

Человек в изумлении замолкает и после паузы произносит с недоверием:

– И что, все в пределах нормативной лексики? Надо же, мы работаем вместе уже десять лет, и я ни разу не слышал фразы без мата!

Возможно, в наши дни в эфир прошел бы и репортаж с ненормативной лексикой – замаскировали бы особо неприличные места «пиканием», но в советское время не то, что мат, грубое слово, неудачное созвучие и скользкие темы были на радио под запретом. Ни о проблемах с кишечником, ни о сексуальных расстройствах, ни о венерических болезнях говорить было не принято, и врачей из Дома санитарного просвещения, регулярно выступавших по радио, всячески отговаривали от таких бесед, какими бы полезными для населения они ни были.

Как известно, чтобы сделать хороший репортаж, надо соблюсти два основных условия: оказаться в нужном месте в нужное время – непременно с магнитофоном и свежими батарейками. Журналистский магнитофон «Репортер-6», которым журналисты пользовались в начале 80-х гг., вместе с батарейками весил около 6 кг, поэтому просто так, на всякий случай, носить его мало кому хотелось. В редакциях еще были в ходу более ранние и более легкие «Репортеры-

5», но считалось, что записи на «Репортере-6» получались качественнее. Поэтому на интервью и другие записи ходили, лишь предварительно договорившись. Другое дело, что вечно занятые руководители не очень-то стремились создать корреспонденту комфортные условия для работы.

– Интервью для радио? Конечно, конечно... К сожалению, сегодня не получится. Завтра тоже занят с утра до ночи. Через два дня подходит? Нет? Надо побыстрее? Ну, хорошо, завтра я приду на работу пораньше, подъезжайте к 7 утра.

Подобные диалоги не были редкостью для сотрудников радио и ничуть не пугали их. Главное, согласие получено, а встать ни свет, ни заря и подъехать – на общественном транспорте, конечно, личных машин тогда журналисты не имели – в торговый или рыбный порт, фарфоровый завод или мебельную фабрику не составляло проблем для людей, переживавших за дело. А такими были большинство радиожурналистов той поры.

Н. Дека с сыном Андреем (1981 г.)

Н.В. Дека вспоминает эпизод с двумя интервью, запланированными на один день. «Первое – с Афанасенко, знаменитым генеральным директором Владивостокского домостроительного комбината. Он попросил: “Давайте попозже, после планерки, часов в 8”. Я озадачилась: придется будить ребенка на час раньше, чтобы отвести в детский сад и успеть на встречу. Насчет второго интервью звоню в Дальневосточный научный центр, где говорят: “Давайте встретимся пораньше – в 11.00”. Тут я обрадовалась – успею добраться до станции Чайка после первой встречи. Чем не теория относительности в действии?!»

После Московской олимпиады-1980 радиожурналистов снабдили

аппаратами нового поколения весом всего 2,5 кг. «Репортер-7» куда больше подходил женскому плечу, а они в редакциях Приморского радио преобладали. Журналистки, особенно поначалу, готовы были носить с собой удобный новенький аппарат хоть целый день.

– Журналист – не подставка для микрофона, – учил председатель телерадиокомитета В.А. Ткачев. – Умейте прогнозировать события, опережать их. Подавайте тему в развитии, показывайте, что же меняется в лучшую сторону.

Перемены к лучшему и активная жизненная позиция были тогда в большой чести. Однажды С. Оноприенко и Н. Соловьевой, готовившим в начале 80-х гг. программу «В час обеденного перерыва», нагорело от того же Ткачева за популярную в те годы песню со словами «Не надо печалиться, вся жизнь впереди...».

– Совершенно безыдейная песня, – отчитывал их председатель. – Что значит «вся жизнь впереди, надейся и жди»? Ничего не предпринимай, сиди, сложа руки, и жди? Никакой жизненной позиции!

«Если я заболею, то к врачам обращаться не стану» – эту строчку из песни тех лет часто цитировали радийщики. Если сами они стойко переносили ангины и прочие мелкие недуги на ногах, то с детьми было сложнее, особенно тем, кто не имел под рукой бабушек или дедушек. Врачи не торопились закрывать «больничный», связанный с детскими болезнями, а передачу надо сдавать. Тогда выход один – взять ребенка с собой на работу. Сколько радийных детей выросло под дверьми студий и в аппаратных! Весь коллектив относился к ним терпимо. Звукооператоры показывали, как монтируются пленки, вырезаются лишние слова и звуки, а режиссеры позволяли наблюдать, как идет запись или сборка передачи. Не потому ли и в последующие годы на радио-телевидении, и не только Приморском, были слышны фамилии прежних сотрудников – Гурко, Малыгина, Шинкаренко, Дека, Сорокина, Ткачева, Максименко...?

Детский праздник в Доме радио. 30 августа 1982 г.

Профсоюз телерадиокомитета не оставлял без внимания проблемы родителей и детей. На Новый год снабжали всех желающих елками, а кто-то из дикторов становился Дедом Морозом и по заявкам сотрудников Комитета развозил детям подарки. Каждый год в конце августа, перед началом школьных занятий, проходил детский праздник в честь первоклассников. Всех ребятшек приглашали на экскурсию по Дому радио и студии телевидения, в вестибюле устраивали выставку детских работ, а первоклассникам дарили подарки – ранцы со школьными принадлежностями.

Когда прилавки магазинов опустели, и красивой одежды было не купить, профсоюз организовал курсы кройки и шитья. Журналисткам рассказывали, как снимать мерки, строить выкройки, какие есть технологии обработки швов. Женщины старательно учились, ведь детей надо было одевать. Запомнились сотрудникам и занятия аэробикой, которая вошла в моду в 1980-е гг. Профсоюз

договорился с тренером, оплачивал его работу, и в обеденный перерыв Большая студия превращалась в гимнастический зал. «Вы после обеда занимаетесь?» – «Нет, вместо обеда!».

«Всегда улыбайтесь. Вы устали, у вас уже нет сил – но вы улыбайтесь, и силы появятся!» Эти слова тренера по аэробике для многих сотрудников стали девизом, помогавшим справиться с трудностями.

Газеты о Приморском радио

Слушая радио, многим кажется, что подготовка радиопрограмм не требует особого труда: сел в студию к микрофону, прочитал новости, задал несколько вопросов тому или иному гостю передачи – вот вам и прямой эфир. Но, познакомившись поближе, оказалось все иначе. Начнем с того, что те же новости нужно раздобыть, а для этого посидеть не один час у телефона, обзванивая знакомых и незнакомых людей. А за интервью журналисту чаще всего приходится ехать самому, а порой еще и убеждать собеседника не смущаться микрофона и не пытаться воспользоваться заранее подготовленной шпаргалкой. В чем вы можете быть уверены, так в том, что никакое интервью не укладывается в 5 минут, а для программы новостей, как известно, максимальная продолжительность пленки – 3–4 минуты. Вот тут-то и наступает для корреспондента тяжелая пора: сокращать интересную пленку, все равно, что по живому резать.

А. Хисамутдинов.

Владивостокское время. 9 января 1996 г.

«ЭФИР-105» И ДРУГИЕ

Одним из ведущих журналистов Приморского радио был Александр Константинович Копейка¹, приехавший во Владивосток из Бердянска в сентябре 1974 г. Он работал главным редактором на местном радио, когда прочитал в журнале «Журналист» о вакансии на радиостанции «Тихий океан», и послал по указанному адресу свой репортаж о рыбаках Азовского моря. Приморское радио тогда получило более двухсот писем от желающих работать в «Тихом океане», и Копейка оказался одним из тех, кого зачислили в штат. Но известность он получил не столько в этой редакции, где был и редактором, и старшим редактором, и корреспондентом «Тихого океана» в море, на плавбазе, а как организатор работы по-новому – в прямом эфире.

1985 г. Только-только начинается перестройка. Горбачев открыл шлюзы свободы, и кажется, что теперь все возможно: нет ни закрытых тем, ни неразрешимых проблем. После строго регламентированного вещания журналисты увидели перед собой новые перспективы в поиске тем и форм передач, манере подачи материалов. Редакции информации положено быть самой оперативной, она-то и начала перестройку на Приморском радио. К этому времени уже было известно, что Ленинградское радио стало работать по-другому. Там перестали заранее записывать на пленку утреннюю

В.Ф. Гончаров (1990-е гг.)

¹ Копейка, Александр Константинович (1946, Донецк – 2018, Владивосток). Окончил филологический факультет Днепропетровского гос. университета (1971). В журналистике с 1967 г.: на Бердянском областном радио (корреспондент и главный редактор), Приморском радио (с 1974): редактор, старший редактор, зав. отделом радиостанции «Тихий океан», главный редактор главной редакции информации (1984), главный редактор общественно-политического вещания (1987). С 1988 г. – заместитель председателя Приморского телерадиокомитета (по делам радио). С 1 сентября 1990 г. – народный депутат Верховного Совета РСФСР, заместитель председателя комитета по средствам массовой информации. В 1993–2000 гг. в Судебной палате по информационным спорам при президенте Российской Федерации. Затем секретарь Союза журналистов России.

информационную программу, как делали в течение многих лет, а начали вести ее прямо из студии, вернувшись к давно забытым прямым эфирам. Заместитель председателя Приморского телерадиокомитета Вячеслав Федорович Гончаров¹, руководивший тогда работой радио, предложил последовать примеру ленинградцев. Перенимать опыт коллег и направили А.К. Копейку, назначенного сначала старшим, а затем главным редактором главной редакции информации.

«Издавека в нововведении ленинградцев все казалось необычным, – вспоминал он, – но уже там я убедился, что все новое – это хорошо забытое старое. Ведь и в Приморье радио начиналось когда-то с прямых передач, когда диктор, наговаривая перед микрофоном текст, напрямую обращался к радиослушателям. В отличие от той поры, современные средства связи позволяли при этом установить обратную связь с теми, кто слушал радио, насытить программу прямыми включениями, телефонными звонками. Коллеги из Ленинградского телерадиокомитета были радушны и откровенны. Они не только ничего не скрывали от меня, но, напротив, делились планами и сомнениями и даже позволили мне самому поработать у микрофона. Так что домой я вернулся уже с некоторым опытом, и вторым в Советском Союзе после Ленинграда, кто вышел в прямой эфир, был Владивосток с информационной программой “Приморье: новости, факты, комментарии”. Она стала звучать в прямом эфире по утрам с марта 1985 г. – сначала два раза в неделю, потом с понедельника по пятницу»².

Первым помощником главному редактору в новом деле стал Г.И. Громов, самый опытный журналист, знакомый с прямыми включениями в радиозфир еще со времен своей молодости, когда на радио не имелось никакой звукозаписывающей техники. Другие сотрудники редакции также охотно поддерживали начинание. Программа «Приморье: новости, факты, комментарии» была комбинированной: в ней звучали и репортажи в записи, и текстовые новости, которые читали дикторы, и сообщения, переданные по телефону с места события, например, из порта, где встречали вернувшееся из дальнего рейса судно. Главным было то, что журналист и диктор, сидящие в студии – именно таким был обычно тандем ведущих программу, – могли в случае необходимости отступить от запланированной схемы и уделить больше внимания какому-нибудь событию, прокомментировав новость или включив неожиданный телефонный звонок с репликой радиослушателя.

«Необычное начинается уже со сводки погоды, – писала газета о новой программе. – “Данных нам пока не принесли, сообщает ведущий, но когда мы шли в студию, было холодно. Так что одевайтесь потеплее”. А дальше и вовсе передача

¹ Гончаров, Вячеслав Федорович (1945 г., с. Липовка Тамбовской обл.). Окончил отделение журналистики ДВГУ в 1973 г. В 1969–74 гг. в газете «Дальневосточный моряк»: корреспондент, заместитель редактора. В 1974–83 гг. инструктор Владивостокского горкома КПСС, инструктор Приморского крайкома КПСС. В 1983–92 гг. заместитель председателя Приморского комитета по телевидению и радиовещанию, президент Российской вещательной корпорации. Затем – заместитель редактора газеты «Утро России» (Владивосток). В 1998 г. ответственный секретарь ТПО «5 канал» Тихоокеанской государственной телерадиокомпании «Владивосток». Затем – ответственный секретарь, заместитель редактора газеты «Завтра России», заместитель редактора по творческой работе газеты «Утро России», исполнительный директор радио «Лемма», заместитель директора «Авторadio-Владивосток», руководитель пресс-службы главного федерального инспектора по Приморскому краю, редактор газеты «Правда Приморья», главный редактор портала <http://vestiregion.ru/>

² Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с А.К. Копейкой (2000 г.).

“Приморье: новости, факты, комментарии” превратилась в живой разговор ведущего, дикторов и радиослушателей. Секрет необычности прост: прямой эфир. Слушатели из Приморья уже оценили новинку. Все чаще звучат звонки во время передачи: владивостокцы предлагают новые темы, новые адреса выступлений, задают вопросы. Ведь одно дело – слушать заранее подготовленные новости, другое – ощущать себя соавтором, чувствовать, как посторонними шумами, взволнованными голосами врывается в эфир сама жизнь»¹.

«Я тоже однажды вышла в утренний прямой эфир с рассказом об открытии во Владивостоке первого корейского ресторана “Моранбон”, – рассказывает Н. Дека, – о том, какая там чудесная кухня, как первые посетители восхищались необычной едой, какие блюда считаются самыми любимыми в Корее. И вот я утром в своем родном Доме радио. Тишина непривычная. Пришло время идти в вещательную студию. Подхожу, дергаю дверь – не открывается. Мне уже в эфир – а дверь не открывается! В ужасе дергаю ее снова, бью ногами. Огромная дверь, метра три высотой, толстенная. Бегу в дикторскую, возвращаемся вместе с дежурным диктором – оказалось, я ломилась в соседнюю дверь. От страха перепутала. Эфир вел Анатолий Лернер, и когда я закончила рассказ, он сказал: “Жаль, что мы не на телевидении! Ты так красиво размахивала руками во время рассказа, и никто кроме меня этого не видел!”»².

Команда «Эфира-105» (слева направо: Татьяна Сабанова, Татьяна Кирасирова, Лариса Жиронкина, Александр Копейка, Ольга Журман, Татьяна Богатикова, Наталья Соловьева (1988)

Удачный опыт с информационным прямым эфиром позволил задуматься о дальнейшей реформе радиовещания. В 1987 г. Копейке предложили занять освободившуюся должность главного редактора главной редакции пропаганды: Ирина Федоровна Кокова, руководившая до этого редакцией, уволилась в связи с переездом в другой город. «То, что сказано на партийном бюро, всегда воспринималось как команда, – рассказывал А.К. Копейка. – Я очень переживал, так как вещание в редакции пропаганды всегда было партийным, велось по старинке, передачи напоминали тяжелые кирпичи – и по содержанию, и по форме. С одной стороны, я побаивался: надо было все менять, по сути, делать револю-

¹ Барабаш Н. Красное знамя. Владивосток, 1986. 24 дек.

² Собор. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Н.В. Дека. 2019. (Рукопись).

цию. Но с другой стороны, новое всегда интересно. Я попросил месяц на обдумывание, уехал в отпуск и там придумал новую программу. По замыслу она должна была объединить основные темы, которые поднимала редакция пропаганды, но уже в новом виде. От пропагандистского вещания надо было перейти к нормальному, душевному разговору с радиослушателями.

На редакции замыкался довольно обширный круг тем: политика, международные отношения, экономика в разных аспектах, включая промышленность, сельское хозяйство и бытовое обслуживание, контрпропаганда, атеистическое воспитание, военная тема. «Сельские огни», «Пятилетка: день за днем», «Слушай, воин, слушай, солдат», «Меридиан» были серьезными, интересными задачами, которые поднимали важные темы, готовились постоянными редакторами и выходили регулярно в определенные дни недели. Я понимал: ломать привычный уклад будет нелегко»¹.

Несмотря на сомнения главного редактора, реформа удалась. Общее эфирное время прежних передач редакции пропаганды составляло 105 минут в неделю. Оттолкнувшись от этого, придумали название для новой программы. «Эфир-105, – объявлял диктор в заставке и сразу же расшифровывал, – 105 минут о насущных вопросах перестройки». Насущные вопросы были самыми разными. Если первую передачу посвящали вопросам демократии при выборах в местные Советы, то в следующей поднимали производственные проблемы, затем обращались к темам экологии, новым отношениям в аграрном секторе, реформе Вооруженных Сил, проблемам малых народностей Приморья, явлению многопартийности.

«Коллектив редакции был в основном женским, – вспоминал Копейка, – но все журналистки любили работу, готовы были ради интересного материала “трое суток шагать”, отличались творческой жилкой. Если раньше, узнав о моем новом назначении, коллеги-мужчины жалели меня: мол, с женщинами трудно работать, они поверхностно мыслят и не могут глубоко анализировать, то вскоре они готовы были в корне изменить свое представление о женском коллективе. Лариса Жиронкина, Людмила Моисеева, Людмила Хромова, Татьяна Богатикова, Татьяна Сабанова, Ольга Журман смело брались за самые сложные темы и преподносили их очень умело, делая передачи яркими, выигрышными и в то же время глубокими по содержанию. Коллективно, что-то принимая, а что-то отвергая, и была создана концепция новой передачи. Увидев наши возможности, с редакцией захотели сотрудничать и другие журналисты, предложившие свои темы».

Это была единая команда – «Эфир-105». Передача никогда не готовилась кем-то одним, в ней, как правило, принимали участие все сотрудники редакции, а темы не надо было долго искать или придумывать – они находились самым естественным образом, часто благодаря радиослушателям. Если раньше письма в редакцию пропаганды были редкими, за год 150, не больше, то «Эфир-105» мог соперничать в этом отношении с «Тихим океаном», который всегда лидировал благодаря приветам и поздравлениям для моряков. В период перестройки люди стали интересоваться делами государства, охотно обсуждали все новшества, делились идеями, высказывали сомнения. Письма не только подсказывали темы будущих передач, но и давали обширный материал для анализа. В большинстве своем они не оставались незамеченными, редакция оперативно реагировала на предложения радиослушателей, и это вызывало ответную реакцию:

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с А.К. Копейкой (2000 г.).

доверие к передаче росло, приморцы знали, что их голос будет услышан, а если нужно, то и оказана помощь.

Программа «Эфир-105» выходила тремя блоками: два в будние дни и один, самый большой, в субботу, когда в передаче имелись прямые включения. Эта рубрика так и называлась – «Открытый микрофон». Чаще всего редакция выносила микрофоны на центральную площадь Владивостока, где по субботам проходили митинги. Это было время политической активности, и желающих высказать в микрофон свое мнение о перестройке и наболевших проблемах находилось немало. Перестройка воодушевила всех, заставила задуматься о судьбе общества и своем месте в нем. Большинство людей, которые участвовали в передачах, верили в гласность и огромные возможности радио. Поначалу, переходя на такой необычный способ общения с радиослушателями, журналисты испытывали опасение, что могут случиться казусы или непредвиденные ситуации вроде провокаций или ругани у микрофона, но ничего подобного не произошло ни разу.

«Эфир-105» стала первой на Дальнем Востоке передачей, которая готовилась не столько в студии или редакторском кабинете, а на людях. Одной из форм передачи были выездные заседания редакции в городах и районах Приморья, где проходили встречи с трудовыми коллективами. На эти встречи приглашали и местную администрацию, и руководителей предприятий или сельских хозяйств, чтобы работники завода или совхоза смогли получить ответы на наболевшие вопросы из первых уст. Каждая такая встреча становилась откровенным двусторонним разговором: журналисты рассказывали о своей работе и планах и узнавали о том, чем живут предприятия, какие проблемы, производственные и бытовые, волнуют коллектив. Помимо очередной программы, которая готовилась по материалам таких встреч, редакция получала от их участников свежие идеи и темы для новых передач.

Редакция программы «Эфир-105» на встрече с коллективом завода «Дальприбор» (1988 г.). Справа налево: О. Журман, Т. Богатикова, А. Копейка, режиссер Н. Нестрелева, Л. Жиронкина, Т. Сабанова

Так 5 марта 1988 г. на встрече с коллективом владивостокского завода «Дальприбор» журналистов попросили посвятить одну из передач экологической обстановке в районе Второй речки. Она была вскоре подготовлена, после чего передачи цикла «Экология и экономика» стали выходить регулярно. Благодаря предложениям радиослушателей появились и другие постоянные циклы «Эфира-105»: «Какие мы» – о взаимоотношениях в обществе, «Семь Я» – о семейных делах, «Что может ЖЭУ?» – о проблемах жилищного хозяйства, «Какая армия нам нужна?» – о состоянии Вооруженных Сил и др. Выборы руководителей на альтернативной основе, развитие науки на Дальнем Востоке, строительство моста через бухту Золотой Рог и каскада ГЭС на реке Уссурке, – эти темы также оказались в центре внимания редакции после писем или звонков приморцев.

Все, что происходило в стране, находило отражение и в жизни Приморья, а значит, и в передачах Приморского радио. Первые демократичные выборы в Верховный Совет СССР в марте 1989 г., социальные и экономические реформы, либерализация цен и свобода предпринимательства – все это волновало приморцев, а значит и журналистов. Они регулярно бывали аккредитованы на депутатские сессии: выходили в эфир из Москвы с рассказом о том, какие вопросы обсуждают новые законодатели, привозили во Владивосток интервью с ними. В 1990 г. коллектив телерадиокомитета единодушно выдвинул своего кандидата в депутаты Верховного Совета – А.К. Копейку. «Когда коллеги предложили мне баллотироваться в депутаты, я согласился, твердо веря, что мы сможем что-то изменить в нашей стране: построить гражданское общество, развить демократию. Мы верили, что заживем по-другому», – вспоминал он те дни.

Для обсуждения актуальных проблем редакция «Эфира-105» регулярно собирала «круглые столы» в Большой студии Дома радио. К дискуссиям приглашали партийных и советских работников, руководителей предприятий, представителей общественных организаций. Бывало, ради прямого эфира передаче выделяли дополнительное время: разговор на важную тему за «круглым столом» трудно уложить в 15 минут. В эти передачи включались и телефонные звонки радиослушателей – с вопросами к участникам «круглого стола», предложениями и репликами. Сначала их принимал в аппаратной кто-нибудь из редакторов, чтобы заранее поговорить со звонившим и принять решение – пускать его звонок в прямой эфир или нет. Это помогало избежать многословия и придерживаться намеченной темы. Звонки с критическими замечаниями или «острыми» вопросами, как правило, не оставались без внимания и в эфир проходили. «Так что гостям нашим холодно в студии не было», – вспоминал Копейка.

Мог ли кто несколькими годами раньше предположить, что по радио станет возможно обсуждать случаи выхода коммунистов из партии? А в «Эфире-105» прозвучали несколько передач на эту тему, подготовленные в 1989 г. собкором в Арсеньеве Эдуардом Гурченковым. Он не думал о цикле, когда однажды подготовил передачу под названием «Мнение», в которой рассказал об отказе от партийного билета уважаемых в трудовых коллективах рабочих-коммунистов, в том числе бригадира треста «Дальспецстрой» В.П. Обыденника. Передача вызвала неоднозначные отклики. Партия в те годы еще сохраняла авторитет, ей отводилась ведущая роль в перестройке, и журналист решил продолжить тему, чтобы осмыслить факты, разобраться в политических настроениях рабочих и обозначить назревающие тенденции. Передача Гурченкова имела огромный резонанс не только в Арсеньеве, но и во всем крае. Протестный отказ рабочих от партий-

ных билетов в период перестройки заставил местное партийное руководство задуматься над созданием условий для плодотворного труда рабочих и предпринять конкретные шаги для улучшения ситуации.

Острота передач «Эфира-105», непредвзятость мнений и свобода высказываний нередко давали повод упрекнуть журналистов в нагнетании страстей и намеренном повышении температуры эмоций. «С чьего благословения и по какому праву люди, которые называют себя демократами, просто-напросто захватили Приморское радио и телевидение, превратив их в трибуну для пропаганды своих взглядов..., – писал в редакцию один из жителей края. – Создается впечатление, что сегодня на радио и телевидении может легко выступить каждый, кто проповедует антикоммунизм, а порой и антисоветизм...»¹.

Но резкие суждения, бурные споры и непредвзятые комментарии были отражением действительности. После долгого периода, когда активность и инициативность граждан подавлялась всякими возможными способами, перестройка дала надежду на создание гражданского общества, и радио не могло оставаться в стороне. Журналисты получили свободу, о которой раньше не могли и мечтать. Они смогли наконец поднимать любые вопросы, включая ранее запретные. Начальство уже не редактировало передачи так, как раньше, предоставляя их авторам право напрямую высказывать то, что думают. Каждая передача была творческим взлетом для журналиста, в ней он мог полностью раскрыться, не опасаясь, что его мнение кому-то не понравится. Тогдашнее руководство Приморского телерадиокомитета, председатель В.В. Феоктистов², а затем Б.В. Максименко³, заместитель по делам радио В.Ф. Гончаров, а затем Г.Г. Климов⁴ доверяли журналистам редакции, которые уже не раз подтверждали свой профессионализм, и в большинстве случаев предоставляли им право самим принимать

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Письмо В. Кобыщи (Владивосток) в редакцию «Эфира-105». 19 марта 1991 г.

² Феоктистов Виктор Петрович. Собкор Всесоюзного радио по Хабаровскому краю. С 1969 г. – на Приморском радио: редактор радиостанции «Тихий океан», старший редактор редакции информации (заменил В.Я. Абрамова), старший редактор редакции информации студии телевидения, затем главный редактор. Собкор Всесоюзного комитета по телевидению и радиовещанию по Сахалинской области. Председатель Приморского телерадиокомитета в 1987–1989 гг.

³ Максименко Борис Васильевич (1941, Владивосток – 8 февраля 1999, Москва). Окончил отделение журналистики ДВГУ в 1966 г. В 1965–1977 гг. на Приморском телевидении: комментатор и старший редактор. В 1977–1983 гг. – собкор Гостелерадио СССР по Байкало-Амурской магистрали и Амурской области. С 1983 г. – зам. председателя Приморского краевого телерадиокомитета (по делам телевидения), с 1989 г. – председатель. С 1992 г. – генеральный директор Тихоокеанской государственной телерадиокомпании «Владивосток». Лауреат премии Союза журналистов СССР (1983 г.). Похоронен во Владивостоке.

⁴ Климов Георгий Георгиевич (1940, Омск). Окончил отделение журналистики ДВГУ в 1966 г. и Академию общественных наук при ЦК КПСС в 1979 г. Работал в газетах «Молодая гвардия» (Сахалин), «Тихоокеанский комсомолец», «Красное знамя», «Рыбак Приморья» (редактор). С 1992 по 1999 гг. – заместитель председателя Тихоокеанской государственной телерадиокомпании «Владивосток» (по делам радио), затем – директор радио. После 1999 г. – ответственный секретарь Ассоциации журналистов Приморья.

решения, хотя и опасались порой, как бы чересчур смелые высказывания не вышли боком.

А.К. Копейка вспоминал: «Перед выборами в союзный парламент в 1989 г. мы вели прямые эфиры из студии, соединяясь с каким-нибудь предвыборным собранием – во Владивостоке, Находке, Партизанске... Идет у нас однажды эфир, я говорю, что наш корреспондент выходит на связь из Находки, где сейчас идет предвыборное собрание. А тот включает зал, и с трибуны объявляют, что выступает доверенное лицо такого-то кандидата в депутаты, старший лейтенант воинской части такой-то. А эта часть вообще секретная, о ней и упоминать нельзя! Мы-то с Жиронкиной этого пока не знаем, сидим в студии, ведем передачу дальше, вдруг стук в стекло: кто-то с выпуска прибежал и машет рукой – выйди... А там на проводе Феоктистов, в то время председатель Приморского телерадиокомитета. “Что вы творите, – говорит, – открываете воинские части, о которых никому знать не положено. Завтра придешь на работу – будешь объяснительную писать”... Иду на другой день по коридору, а навстречу уполномоченная Главлита. Я уже голову в плечи вжал, а она улыбается. “Благодаря тебе, – говорит, – сняли с этой части секретность”. А пятью годами раньше за такую вольность в эфире нас бы самих “засекретили”»¹.

Слева направо: Т. Кирасирова, А. Копейка, Н. Соловьева, Л. Жиронкина (1997 г.)

Позднее редакция пропаганды объединилась с редакцией информации, слив прямые эфиры и той, и другой в единый радиодень. Он начинался по будним дням в 6.10, сразу же после новостей из Москвы, информационно-музыкальной программой «Приморье: новости, факты, комментарии», а затем продолжался, в едином ключе и с тем же самым ведущим, на протяжении всего дня – в тех отрезках, которые выделялись Приморью Всесоюзным радио (затем Радио России).

К каждому очередному выходу в эфир журналисты готовили подборку свежих новостей, корреспонденты по рации вели репортажи из разных мест города, все новости края подавались в развитии и очень оперативно. В каждом отрезке были прямые включения собкоров из других городов и районов Приморья. «В тот день ты чувствовал себя главным на радио, – вспоминает Н.В. Соловьева, – ведь в твоих руках была сосредоточена вся информация о событиях дня. Ты знал, что происходит во Владивостоке и других городах края, и имел возможность из всех новостей выбрать те, что считал наиболее достойными внимания.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с А.К. Копейкой (2000 г.)

Ты мог повернуть в любую сторону разговор с собеседником в студии, задать ему самый неожиданный вопрос, прокомментировать его ответ и даже поспорить. Но внутренний цензор в нас сидел крепко: если сомневались в возможности сообщать о каких-то фактах, то замолкали на полуслове. Постоянно думали и о том, чтобы не было двусмысленности, чтобы наши слова воспринимались однозначно и позиция наша по тому или иному вопросу была слушателям ясна.

От ведущего радиодня требовалась большая выносливость, ведь ему приходилось работать с утра до позднего вечера, но такая форма вещания всем нравилась, и никто не хотел отказываться от новых возможностей. Со временем, правда, от радиодня в прямом эфире отказались. От него остался утренний прямой эфир, а другие отрезки были распределены между тематическими передачами. В 1990 г., когда А.К. Копейку избрали депутатом Верховного Совета СССР и он уехал в Москву, на место главного редактора редакции пропаганды пришел доцент отделения журналистики, экс-декан филологического факультета ДВГУ Игорь Алексеевич Илюшин¹. Сам талантливый журналист и поэт, он легко вошел в коллектив и часто становился инициатором новых тем.

Вслед за редакциями информации и пропаганды в прямом эфире стали работать и остальные редакции Приморского радио, поднимая актуальные для того времени темы. К примеру, 1 декабря 1988 г. программа «Молодежный фарватер» радиостанции «Тихий океан» пригласила приморцев к разговору о демократизации комсомола. Гостем студии стал делегат 4-го пленума ЦК ВЛКСМ от комсомольцев Приморья Василий Кулаков, который рассказал о впечатлениях от встреч в Москве и ответил на вопросы, поступившие в студию во время передачи. В микрофонной папке не зафиксировано, какие поступили вопросы и сколько их было: прошли те времена, когда редактор был обязан вносить в печатный текст передачи каждое слово, сказанное в эфире.

Главная редакция художественного вещания (главный редактор Галина Яковлевна Островская) в 1987 г. запустила программу «Камертон», опробовав ее сначала на второй программе, а затем трансформировала ее в более продолжительное «Популярное время». Если часовой «Камертон» состоял преимущественно из литературно-музыкальных сюжетов, то в «Популярное время», звучавшее в эфире три часа (с перерывом на новости), включались и материалы на общественно-политические темы. С них, объединенных под рубрикой «Акценты», чаще всего и начиналась эта программа.

«Вспоминается май 1992 года, – рассказывает Е.Л. Песчаницкая, – когда на арсенале в районе Второй речки рвались снаряды. Это началось еще в ночь на пятницу, но и в субботу город был взбудоражен, и поэтому редакция не могла оставаться безучастной. Мы открыли “Популярное время” интервью с очевидцами и репортажем о том, как разместили эвакуированных жителей микрорай-

¹ Илюшин Игорь Алексеевич (1940, Белосток – 2017, Владивосток). Окончил отделение русского языка и литературы ДВГУ. Кандидат филологических наук (1977 г.), декан филологического факультета ДВГУ. В 90-х гг. принял решение уйти в практическую журналистику, работал на Приморском радио, в газетах «Утро России», «Тихий океан» и «Владивосток», сотрудничал с «Литературной газетой», «Трудом», журналом «Итоги» и другими изданиями. С сентября 1995 г. заведующий кафедрой массовых коммуникаций на факультете экономики и управления Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ).

она, и потом в каждом выпуске сообщали, как идут дела. От напряжения и наплыва информации кружилась голова, но после эфира чувствовала удовлетворение от слаженной работы и от сопричастности к переживаниям горожан. Это ЧП мы пережили все вместе, сообща»¹.

Все же чрезвычайные события были больше делом информационного вещания, а журналисты литературной и музыкальной редакций (А. Брюханов, Е. Славская, Г. Воробьева, Е. Песчаницкая, О. Шкленник, Н. Безручко, О. Данилюк и др.) приглашали на встречи у микрофона с приморскими литераторами, художниками и артистами, готовили репортажи из творческих мастерских, с выставок и презентаций новых книг. Обсуждения в студии новостей культурной жизни Приморья сопровождались прямыми включениями с места событий, а радиослушатели могли задать вопрос гостям студии и поспорить с ними.

По Приморскому радио звучали репортажи и целые передачи о творческих коллективах и отдельных представителях мира искусства. Так, несколько передач были посвящены репертуару приморских театров прошлых лет. Передача из цикла «Держайте, вы талантливы» (6 декабря 1986 г.) рассказывала об энтузиастах художественной самодеятельности из Чугуевки. В тот же день радио познакомило приморцев с художником-любителем Н.П. Дарштом и подняло вопрос о создании музея народного творчества. Вечер поэзии лауреата премии Приморского комсомола Бориса Лапузина «Не подводя итогов», посвященный 50-летию поэта, прозвучал в записи, сделанной в актовом зале межсоюзной краевой библиотеки им. А. Фадеева (Владивосток). В декабре 1988 г. в стране проходил 3-й Всесоюзный фестиваль народного творчества, и Приморское радио вновь не осталось в стороне, познакомив с артистами-любителями из разных городов и сел края.

Слева направо: начальник цеха звукозаписи Л.С. Шувалов, режиссер Л.Г. Орлова, старший редактор литературной редакции А.Г. Брюханов, старший редактор музыкальной редакции Е.В. Славская

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Интервью с Е.Л. Песчаницкой (2019 г.)

«Одна из самых памятных передач той поры, – вспоминала Г.Я. Островская, – это встреча в Большой студии Дома радио с гостями Владивостока, актерами и режиссерами Центрального театра Советской армии из Москвы: П. Холмским, А. Покровской, И. Ледогоровым и другими. Работал телефон “прямой линии”, звонков поступило множество, дозвониться было безумно сложно, а актеры в студии до последнего не верили, что это действительно прямой эфир. Они думали, что это какие-то технические хитрости, и наш разговор записывается на пленку. Вопросов, интересных и неожиданных, от слушателей было так много, что прямо во время эфира было решено продлить передачу. Наши московские гости признались, что впервые участвовали в таком необычном деле»¹.

Литературная редакция (старший редактор А.Г. Брюханов) не могла не отреагировать на публикации ранее запрещенных литературных произведений. В журналах «Новый мир», «Октябрь», «Нева», «Юность» один за другим стали выходить романы, о которых советский читатель раньше только слышал: «В круге первом» А. Солженицына, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Котлован» А. Платонова... Оформить подписку на литературные журналы стало чрезвычайно трудно: такую популярность они получили у советских читателей, а на Приморском радио появилась передача «Подписка без лимита». В ней звучали фрагменты

Г.Я. Островская (1980-е гг.)

опубликованных произведений, которые благодаря прекрасному исполнению и оформлению с удовольствием слушали и те счастливчики, кто получал эти журналы по почте и мог прочитать запретную ранее литературу полностью.

Передачи в прямом эфире появились и у молодежной редакции, тоже входившей в структуру главной редакции художественного вещания (редакторы Е. Старостина (Смирнова), В. Буркова, Н. Новоселова). Кому, как не молодым приморцам, намечать новые перспективы для края, быть инициаторами интересных дел, строить планы и искать пути их выполнения? Редакция поднимала острые вопросы, отвечающие духу времени, и разговоры в студии чаще всего были жаркими – о зарождающемся предпринимательстве, новых направлениях работы молодежных организаций, охране природы.

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Г.Я. Островской. 2008 г. (Рукопись).

Е. Смирнова (Старостина) (1980-е гг.)

«Однажды, — вспоминает Г.Я. Островская, — позвонил из Москвы известный журналист Л. Варебус и попросил кого-нибудь из молодежной редакции принять участие в прямом эфире молодежной передачи Всесоюзного радио. Как нарочно, Лена Смирнова была в эти дни в командировке. Я уверяла Варебуса, что выйти в прямой эфир некому, а он в ответ:

— Да что вы говорите! У вас такой молодой голос!

Вот так и пришлось мне перед самым уходом на пенсию участвовать в молодежной программе»¹.

От отдельных сюжетов о защите природы Е. Старостина перешла к созданию авторской

программы на эту тему. «Среда обитания» тоже выходила в прямом эфире, обращая внимание приморцев на причины наводнений и лесных пожаров, оскудение наших лесов и рек. Судя по звонкам, поступавшим на телефон «электронного секретаря», равнодушных людей находилось очень много.

Сводные тексты программ, сохранившиеся в микрофонных папках, дают представление о качествах, которыми должен был обладать ведущий передач в прямом эфире. От него требовалась предельная собранность, способность быстро отреагировать на звонок, каким бы он ни был, или на внезапный сбой связи, что тоже нередко случалось. Тексты микрофонных папок свидетельствуют: ведущие прямых эфиров старались предусмотреть все возможные случаи. Наготове была пленка с записью какого-нибудь репортажа или интервью на тему, которой посвящалась передача, подбирались подходящие к случаю песни, позволявшие заполнить неожиданно возникшую паузу.

Однажды Ларису Жиронкину спросили, волнуется ли она перед микрофоном «прямого эфира». «В эфире — нет, — ответила она, — но ночь накануне не сплю, а целый день после эфира трясет мелкая дрожь!» А некоторые ведущие утренней информационной программы вообще предпочитали не уходить накануне эфира домой, а остаться ночевать в Доме радио. Во-первых, не надо было беспокоиться, что проспичь и пропустишь дежурную машину, которая ранним утром собирала бригаду. Во-вторых, и это главное, остаться в редакции означало быть в курсе всех событий, которые могли произойти в стране и мире за ночь, и успеть подготовить свой комментарий к наиболее важным из них. Именно так случилось в ночь на 10 января 1991 г., когда дежурный редактор узнал, что в Литву, первой из советских республик вышедшей из состава СССР, введены советские войска. Утренний эфир открылся голосом Лаймы Вайкуле: «Я за тебя боюсь, я за тебя молюсь...».

^{1 1} Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Г.Я. Островской. 2008 г. (Рукопись).

В период перестройки появилась возможность готовить передачи на закрытые ранее темы. Рассказы о пионерах Приморского края, тех, кто обживал эти места, и раньше были нередки на радио, сейчас же они обогатились новыми подробностями. Братья Худяковы из Раздольного – известная крестьянская семья, достигшая многого своим трудом. Собственные лесопилка, верфь, катера, мельница, табун лошадей, несколько сотен оленей, стадо коров... Генерал-губернатор Гродеков докладывал о ней царю как об образцовом крестьянском хозяйстве. Надо ли говорить, что раскулачили Худяковых одними из первых, забрав все имущество и выслав из Приморья. Об этой семье зашла речь, когда в открытую стали говорить о том вреде, который принесли экономике страны коллективизация и раскулачивание. От Сергея Афанасьевича Худякова, с которым встретила журналистка, ожидали, конечно же, осуждения этой политики. А оказалось, что он вовсе не держит зла на советскую власть: «Обиды не осталось. Единственная обида – как на дураков, которые не ведают, что творят... Нас с детства приучили никогда не унывать, не лодырничать, не завидовать чужому. Потерял что-то – не жалею. Нашел если что – сильно не радуюсь. Так и пошло...»¹.

Репрессии – еще один огромный пласт, который журналисты вскрыли в эпоху гласности. В течение многих лет в СССР старались не говорить и не думать об убитых и замученных в годы красного террора. Молодые поколения вырастали, не зная имен своих отцов и дедов только потому, что чье-то нелепое обвинение или глупая случайность занесла их в черные списки врагов народа. С перестройкой правда вышла из подполья. Указ Верховного Совета СССР (январь 1989 г.) и Закон Российской Федерации (октябрь 1991 г.) о реабилитации жертв политических репрессий возобновил процесс, начатый в хрущевское время, по восстановлению справедливости по отношению к лицам, пережившим незаконные преследования в СССР по политическим или религиозным мотивам. Если раньше люди всячески скрывали наличие в семье репрессированных, то сейчас у них появилась возможность рассказать о них. Так, участницей радиопередачи стала инженер-строитель И.И. Вашук, внучка одного из строителей Владивостокской крепости, Владимира Алексеевича Свинына, арестованного в 1938 г. и умершего в лагере. О трагической судьбе востоковеда и библиографа Зотика Николаевича Матвеева рассказала его дочь, тоже библиограф Т.З. Матвеева.

Журналисты были в постоянном поиске тем, стараясь не упустить что-то новое и необычное. Многие, отправляясь в отпуск, брали с собой магнитофон и возвращались с записями, которые могли заинтересовать и приморцев. Благодаря этому, например, в 1986 г. в эфире прозвучала передача «А деды мои, адмиралы...». В ней ленинградский поэт Вадим Шефнер рассказал о командире военного транспорта «Манджур» Алексее Карловиче Шефнере. Это он в 1860 г. доставил в бухту Золотой Рог команду, основавшую порт Владивосток.

Вслед за историками и краеведами, делившимися с Приморским радио интересными находками, журналисты и сами углубились в поиск, воспользовавшись открытием некоторых ранее секретных архивных фондов. Так, передача «За семью замками» (1989 г.) рассказала о Центральном государственном архиве Военно-Морского флота СССР в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), где хра-

¹ Собр. Н.В. Хисамутдиновой.

нятся послужные списки морских офицеров, участвовавших в основании Владивостока. Работал там и журналист Приморского радио Алексей Алексеевич Степанов, собирая материал для своей книги «Сибирской флотилии лейтенант» о П.П. Шмидте.

В том же году совместно с ленинградскими радиожурналистами была подготовлена передача «Что тебе снится, крейсер “Аврора”?», в которой нашлось место и для тихоокеанских, и для балтийских страниц истории легендарного корабля. Этой передачей Н. Соловьева открыла цикл «Корабли и годы», регулярно выходивший в эфир в рамках программы для воинов армии и флота. Одна из передач этого цикла ей особенно памятна — о корабле «Сторожевой».

Как-то раз в 1990 г., просматривая ленинградские газеты, она обнаружила небольшую заметку о событиях ноября 1975 г., когда офицер большого противолодоч-

ного корабля «Сторожевой» капитан 3-го ранга Валерий Саблин хотел воспользоваться участием своего корабля в праздничном морском параде и обратиться с воззванием к советским людям. Его выступление против советского режима не состоялось, а попытка протеста была официально выдана за желание угнать корабль в Швецию. Саблина расстреляли как изменника родины, экипаж расформировали, а «Сторожевой» отправили на Тихоокеанский флот, переведя в другой класс кораблей, сторожевики (СКР).

Были приняты тогда и чрезвычайные меры секретности: никто в стране не должен был знать правды о бунте на военном корабле, но, как известно, шила в мешке не утаишь. Знали об истории на «Сторожевом» и моряки-тихоокеанцы, хотя и не говорили об этом вслух, пока не настала пора перестройки и гласности. Их размышления о поступке офицера Саблина и составили в 1990 г. передачу «СКР “Сторожевой”» из цикла «Корабли и годы». Вошли туда и репортажные фрагменты: ведь оказалось, что корабль стоял как раз в Дальзаводе, куда его перевели для ремонта. Несмотря на приказ не пускать на борт корреспондентов и не давать какую-либо информацию, разговор с экипажем все же состоялся.

Во время эфира был, как обычно, включен «электронный секретарь», записавший звонки радиослушателей. Мнений было так много, что решили подготовить еще одну передачу о «Сторожевом». Она закончилась интервью в прокуратуре Тихоокеанского флота, о чем просили многие звонившие: нельзя ли в новых условиях после выяснения истинных причин поступка Саблина реабилитировать его? Увы, тогда ответ был отрицательным, но в 1994 г. дело Саблина было все же пересмотрено. Военная коллегия Верховного суда РФ, хотя и не

реабилитировала офицера, «с учетом новых обстоятельств» переквалифицировала его преступление с «измены Родине» на воинские преступления (превышение власти, неповиновение и сопротивление начальству). Был изменен, хотя и с большим опозданием, и приговор: десять лет лишения свободы. Возможно, в этом сыграло роль и общественное мнение, высказанное в передаче.

Перестройка расширила экономические, научные и культурные контакты Дальнего Востока с зарубежными странами, в них включился и «закрытый порт» Владивосток, начав приоткрывать свои двери для гостей из-за рубежа. Радио сообщало подробности трансарктической советско-американской экспедиции на лыжах и собачьих упряжках по маршруту Анадырь – Аляска (1988 г.), визита делегации Гавайского университета в Дальневосточное отделение Академии наук СССР (1989 г.), первого форума стран Азиатско-Тихоокеанского региона (1990 г.), работы совместного российско-американского оргкомитета по празднованию 250-летия исторического плавания Витуса Беринга и Алексея Чирикова к берегам Русской Америки (1990–91 гг.) и открытия во Владивостоке памятной доски в честь российских мореплавателей.

Для радиостанции «Тихий океан» важными событиями стали международная регата «Белый парус мира-89» и приход во Владивосток первого иностранного торгового судна, сухогруза «Хау Чжиян» под вьетнамским флагом, зафрахтованного южнокорейской фирмой. Он загружался во Владивостоке металлическими болванками для последующей доставки их в Пусан.

«Встречаем Новый год вместе с японскими коллегами» – таким репортажем открылся утренний эфир в первый рабочий день 1991 г. Ведущая Л. Жиронкина рассказала об установлении дружеских связей Приморского телерадиокомитета и японской компании NHK. Ее журналисты снимали фильм о предновогоднем Владивостоке, а заодно и праздник встретили в семье русских коллег.

Еще больше новых тем принесло открытие Владивостока. Визиты зарубежных делегаций, установление побратимских связей, открытие иностранных консульств, международные научные конференции и деловые встречи... Все это находило самое широкое освещение на радио. Как никогда оказался востребованным Дом переговоров на Санаторной, построенный для встречи Л.И. Брежнева и Дж. Форда в 1974 г. Чуть ли не ежедневно корреспонденты устанавливали там свои микрофоны, чтобы сделать запись очередной международной встречи. Вот где пригодилось знание некоторыми журналистами английского языка! И напротив, незнание особенностей чужого менталитета порой приводило к казусам.

Идет пресс-конференция, посвященная подписанию одного из первых деловых контрактов с японцами.

– Чем вызван ваш десант на приморский берег? – спрашивает журналистка.

Японцы неожиданно выглядят взволнованными и торопливо отвечают:

– У нас исключительно мирные цели, ни о каком десанте речи быть не может.

Девушка остается в недоумении. Ей и невдомек, что японцы каждое слово воспринимают буквально, в его основном значении.

Иностранные гости познавали Приморье, а радио помогало приморцам лучше узнать их и их страну. Каково быть артистом Голливуда – об этом приморцы узнали от Рока Бриннера (Rock Brynner), американского актера из рода известных приморских предпринимателей. О том, как американцы собираются по утрам на работу и чем обычно завтракают, рассказала профессор Вашингтонского университета (г. Пулман, США) Биргитта Ингемансон. Она в 1990 г. впервые приехала во Владивосток с циклом лекций для студентов Дальневосточного государственного университета и охотно согласилась принять участие в утренней информационной передаче. Потом она еще не раз бывала в студии Приморского радио – и как профессор филологии, и как автор книг о Владивостоке¹.

Эмиграция из России – особая тема, поднимать которую стало возможно в эти годы. У микрофона выступали как исследователи, работавшие над этими вопросами, так и потомки тех, кто оказался за границей в годы Гражданской войны или более поздний период. С открытием Владивостока многие захотели побывать в местах, где жили их предки. Их рассказы о старожилах Владивостока, строивших город и развивавших его экономику, – это одно, а другое – размышления о том, каково человеку жить вдали от родных мест, как сохранить в чужой стране русский язык и передать детям любовь к русской культуре.

Несколько раз гостем студии был и Ив Франкьен, правнук редактора газеты «Дальний Восток» Н.В. Панова, в чьем доме по ул. Первого мая размещался в 1935–1962 гг. радиокомитет. Переводчик-синхронист Ив Франкьен, для которого оба языка, и русский, и английский, родные, много работал с русскими делегациями в Америке и с американскими – в России, а потому имел собственное мнение о развитии экономических контактов двух стран.

Стали приезжать во Владивосток и потомки первооткрывателей и старожилов города. Участниками различных передач стали Владимир Владимирович Бурачек из Петербурга, внук второго командира поста Владивосток Евгения Степановича Бурачека, племянница В.К. Арсеньева Ольга Николаевна Окулист из Кишинева, Евгения Павловна Виттенбург, дочь уроженца Владивостока главного геолога Владивостокской крепости Павла Владимировича Виттенбурга. Прекрасное время для журналистов! Интересных встреч и событий было так много, что они едва успевали менять кассеты в своих магнитофонах!

¹ Ингемансон Б. Элеонора Прей. Письма из Владивостока: 1894–1930. Владивосток: Рубеж, 2008; Она же. Солнечный дворик. Владивостокская повесть. Владивосток: Рубеж, 2011.

Новая программа, которая недавно появилась на Приморском радио, называется «Камертон» – с его помощью журналист сверяет, насколько созвучен результат их работы настроением и запросам аудитории. «Камертон» – это обозрение, в котором можно найти информацию из области литературы и искусства, а музыка – непременная его составляющая. Прямой эфир сегодня уже не новость. Многие из нас с особым удовольствием включают радио по утрам во вторник и в четверг – именно в эти дни звучит ставшая привычной программа «Приморье: новости, факты, комментарии». Но прямой эфир в обозрении культурных новостей – это новинка.

М. Никола. Красное знамя. 7 мая 1987 г.

К сожалению, большие возможности, имеющиеся на радио и телевидении для осуществления пропаганды исторических знаний, используются недостаточно. Очень часто упрощенно и односторонне отображается наша непростая, временами трагичная история. Нередки попытки замазать черной краской, охаять и отринуть все то, что делали наши отцы и деды... Положительные материалы были в основном по проблемам сокращения партийного аппарата, передачи различным общественным организациям партийного имущества, помещений, телефонов, гласности в работе, готовности к диалогу. Но и тут положительные оценки выносились в подавляющем большинстве радиослушателями. Что касается профессиональных журналистов и ведущих передач, то они были по отношению к КПСС, мягко говоря, не очень расположены – всего 19% их высказываний были доброжелательными. ...У гласности нет границ – это верно, но не все просто. Маятник качнулся от прежнего жесткого контроля над содержанием передач в другую сторону. Перехлесты, повышенная температура эмоций...

С. Головачев. Красное знамя. 30 марта 1991 г.

На состоявшемся недавно в Абакане (Республика Хакасия) Всероссийского конкурса журналистов «Экология России» приморские радиийщики и телевизионщики были вне конкуренции. Автор и ведущая радиопрограммы «Среда обитания» Елена Старостина (ТТТРК «Владивосток») получила высшие награды конкурса – берестяную грамоту и диплом имени Сергея Залыгина... Елена ведет «Среду обитания» уже четвертый год, и нынешняя победа не единственная в ее багаже.

Е. Прядко. Известия. 16 июня 2000 г.

Отдано много сил, чтобы радио стало таким, какое оно сейчас. Но останавливаться нельзя. Еще пять лет назад мы были единственными, сейчас появились другие, негосударственные радиостанции. Чтобы конкурировать с ними успешно, надо совершенствоваться. На мой взгляд, перспективы радио связаны с содержанием: еще большая оперативность, мобильность, незаштампованность материалов обеспечат успех. Пусть не всегда все удается и от жизненных проблем не уйти, но каждый день с его хлопотами и радостями находит отражение в программах государственного краевого радио.

Б. Максименко. «Владивосток». 17 января 1996 г.

РЕШЕНИЕ

Коллегии и объединенного профкома Приморского комитета по телевидению и радиовещанию от 25 апреля 1991 г.

*о кандидатурах для занесения
в Книгу Почета и награждении
призами имени В.И. Ромашова
и В.Г. Назаренко*

Рассмотрев предложенные профсоюзными организациями и руководителями служб Комитета кандидатуры, Коллегия решила:

1. Учитывая многолетнюю трудовую деятельность в Комитете и большой личный вклад в создание теле-радиопрограмм на высоком художественном уровне, занести в Книгу Почета Островскую Галину Яковлевну, главного редактора главной редакции художественного вещания радио...

2. Присудить приз имени В.И. Ромашова Брюханову Александру Георгиевичу, заведующему отделом литературно-драматического вещания радио, за создание и творческое воплощение новой программы радиоканала «Популярное время».

**Председатель Комитета
по телевидению
и радиовещанию**

Б.В. Максименко

**Председатель объединенного
профкома**

В.Г. Муравьев

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1990-е гг. Приморское радио встретило конкуренцию со стороны независимых местных радиостанций, что было новым явлением в истории отечественных средств массовой информации. Одна за другой в эфире стали появляться коммерческие радиостанции: «Радио Владивосток» (с 19 июля 1991 г.), «Радио VBC» (Vladivostok Broadcasting Corporation) (с 1 января 1993 г.), «New-Wave» («Новая волна») (с июня 1995 г.), «Радио Лемма» (с 22 июня 1996 г.) и др. Организаторами и сотрудниками некоторых были бывшие работники Приморского радио, в частности, Д.Н. Брюзгин, основавший «Радио Владивосток».

1990-е гг. оказались отмечены и рядом сложных процессов реорганизации государственных каналов. Политика в отношении регионального радиовещания – объема местных передач, отрезков эфира, предоставляемых Москвой, – год от года менялась. С 14 июля 1990 г. Приморское радио стало работать в составе Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК), а через несколько лет все региональные государственные телерадиокомпании были реорганизованы в федеральные государственные предприятия, ставшие дочерними предприятиями Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании. Тихоокеанская государственная телерадиокомпания (ТГТРК) «Владивосток» была зарегистрирована в марте 1994 г.

Эти реорганизации сопровождались сменой руководства, изменениями в политике вещания, резким и безжалостным сокращением штата. Последнее очень болезненно воспринималось людьми, работавшими на радио много лет и считавшими его частью своей судьбы. Говорят, что именно переживания по поводу сокращений стоили жизни Борису Кожинову, в то время главному редактору информационного вещания. Деликатный и ранимый человек, он болел душой за каждого журналиста своей редакции. В понедельник на планерке ему надо было сообщить коллективу, кто подлежит увольнению в ближайшие дни. Накануне он плохо спал. Утром, увидев, что погода солнечная, попросил жену погладить ему светлые брюки, а сам прилег. Жена думала, спит. Стала будить, а он заснул навсегда.

Коллектив Приморского радио значительно сократился. Казалось, новому руководству был на руку уход самых опытных и независимых сотрудников. Им на смену пришли вчерашние студенты, управлять которыми было куда легче. Возможно, молодежная струя лучше соответствовала духу того времени: с радикальными реформами и переменами во всех сферах жизни, но из-за недостаточной компетентности ведущих радио утратило роль организатора общественного мнения. Перестало оно быть и эталоном грамотной речи. Что же касается быв-

ших радийщиков, нелегкая школа радио помогла их успешному вхождению в иные сферы деятельности: бизнес, науку, туристское, издательское и книжное дело.

Вместе с сокращением штатов и объема вещания радио сокращало и площади: все больше помещений Дома радио сдавалось в аренду: при недостаточном финансировании радио было вынуждено искать источники дохода. Главным критерием успешности программ стала их пригодность для рекламы. Многие «некоммерческие» передачи были закрыты, а те, которые можно было использовать для рекламы, стали беззастенчиво этим пользоваться. На смену еженедельной передаче для садоводов, например, которую с большим успехом вели агрономы, пришла «Страничка дачника» с ведущей-директором магазина для садоводов. Комментарии и советы, которая она давала, хотя и не совсем компетентные, хорошо помогали коммерции. Зато во многих сюжетах, имевших явный информационный повод – благотворительная выставка, фестиваль моды, новые образовательные программы, – авторы вынуждены были скрывать место действия, чтобы их не упрекнули в скрытой рекламе.

Вместо новостей о достижениях, открывавших «Краевые известия» советской и перестроечной поры, первыми стали звучать сообщения о дорожно-транспортных происшествиях, пожарах и прочих неприятностях. Они, как стали считать, привлекали наибольшее количество радиослушателей. Мало интересовала новых руководителей и культура. «Информации из сельских клубов, – внушали редакторам, – нужны только артистам самодеятельности. Никого другого они не интересуют». Ненужным оказался и человек с его заботами: ответственность радиопередач осталась в прошлом.

И все же радио, пусть и претерпевшее коренные изменения, и сегодня, в век цифровых технологий, остается востребованным. Никакое другое средство массовой информации не может соперничать с ним в общедоступности и оперативности предоставления информации. К тому же коротковолновое радио – это единственное СМИ, которое может работать автономно, например, в случае отключения электричества, что делает его альтернативой другим электронным средствам массовой информации. Вовремя оповестить население о возникшей опасности – значит предотвратить трагедию, сохранить человеческие жизни. Это понимают во всем мире, не случайно в 2011 г. благодаря ЮНЕСКО учрежден Всемирный день радио – 13 февраля. Его цель – воздать должное радио как средству коммуникации и повысить его престиж, а также способствовать укреплению сотрудничества между всеми, кто имеет отношение к радио.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабюк, М.И. К вопросу об экономических аспектах развертывания массового радиовещания в СССР Э М.И. Бабюк // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2408> (Дата обращения: 12.04.2018).
2. Баклыков, В.П. Из истории Главной редакции радиовещания из Хабаровска (1946–1996 гг.): К 50-летию радиовещания на зарубежные страны / В.П. Баклыков. Хабаровск, 1996. 112 с.
3. Брюханов, А. Магия слова // Приморскому радио – 70 лет / А. Брюханов. Владивосток, 1996.
4. Василевская, Н. Мужчины, женщины, дети на радиостанции «Тихий океан» / Н. Василевская // Анна: газета для женщин. Владивосток, 1996. № 1.
5. Вдовина, Е.А. Художественное радиовещание в отечественной культуре: традиции и современность / Е.А. Вдовина // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. № 21 (312).
6. Вернадский, В.И. «Коренные изменения неизбежны»: Дневник 1941 г. / В.И. Вернадский. Электр. ресурс: Литмир. Электр. библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=129849&r=1> (Дата обращения: 12.02.2019).
7. Власова, Е.С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование / Е.С. Власова. М.: «Классика-XXI», 2010. 474 с.
8. Волынец, А. Голос Дальнего Востока. Как начиналось Дальневосточное радиовещание / А. Волынец. Электр. ресурс: DV.LAND (информ. портал). URL: <http://dv.land/history/radiogolos-dalnego-vostoka> (Дата обращения: 12.05.2018).
9. Говорит СССР. М., 1934, №№ 1; 3; 6; 9; 18; 19.
10. Горяева, Т. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история / Т. Горяева. М.: РОССПЭН, 2009.
11. Громов, Г. «Батальоны встают на проверку» – радиопередача, которая не хочет умирать / Г. Громов // Утро России. Владивосток, 1992. 9 мая.
12. Гуверовский архив войны, революции и мира (Пало-Альто, Калифорния, США). Коллекция И.И. Серебренникова. Дневники.
13. Гурко, И.Ф. Пути-дороги / И.Ф. Гурко. Владивосток: Водолей, 2009.
14. Гянджинский, С. Блеск и нищета иновещания, Или невидимые бойцы информационного фронта / С. Гянджинский. Электр. ресурс: ИноСМИ.ру (портал). URL: <https://inosmi.ru/> (Дата обращения: 12.04.2019).
15. Иванов-Ардашев, В. Белые пятна хабаровского радиоэфира и истории / В. Иванов-Ардашев // Приамурский казачий вестник». Хабаровск, 2014. № 6 (25).

16. Исаев, А.А. Радио как проводник политико-информационной работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. (на примере Приморского края) / А.А. Исаев // Гуманит. исследования в Вост. Сибири и на Дальн. Востоке. Владивосток, 2017. № 4.
17. Королева, В.А. Корейская музыка в программах национального радиовещания на Дальнем Востоке России в 1926–1937 гг. / В.А. Королева. Электр. ресурс: Корё Сарам: записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/korejskaya-muzyka-v-programmah-natsionalnogo-radioveshhaniya-na-dalnem-vostoke-rossii-v-1926-1937-gg/> (Дата обращения: 12.01.2019).
18. Красное знамя. Владивосток. 1925, 26 авг.; 1971, 7 мая; 1985, 20 янв.
19. Музей радио и телевидения в Интернете. Электр. ресурс. URL: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=34&page=13 (Дата обращения: 10.05.2018).
20. Мурашов, Ю. Электрифицированное слово. Радио в советской литературе и культуре 1920–1930-х годов / Ю. Мурашов // Советская власть и медиа. СПб., 2006.
21. О радиофикации и радиовещании. Сб. постановлений. М., 1935.
22. Немного о радио и о нас с вами: к 75-летию Приморского радио / отв. сост. и ред. Н. Соловьева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 80 с.: ил.
23. Новости радио. 1925. № 7.
24. Правда. 1937, 22 июля.
25. Протокол заседания оргбюро Всесоюзного научно-технического общества радиотехники и электросвязи (14 декабря 1945 г.). ГАРФ. Ф. Р-5587. Оп. 22. Д. 1. Л. 2.
26. Радио. М., 1946. № 1.
27. Радиолюбитель. М., 1924, №№ 2, 4; 1925, №№ 4, 5, 11–12.
28. Радиотехник. М., 1919, № 8.
29. Радиофронт. М., 1937. № 18.
30. Радио всем. М., 1925, № 1; 1927, №1; 1928, № 3–4.
31. Сборник законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. М.: Политиздат, 1933. 832 с.
32. Собр. Н.В. Дека. Письмо Т.М. Симбирцевой от 14.05.2019. Москва.
33. Собр. Н.В. Дека. Из передачи «К юбилею советского Иновещания». 21 октября 1989 г.
34. Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.С. Белокриницкой, 2011; Воспоминания Н.В. Дека, 2019; Воспоминания Л.Н. Князева, 2001; Воспоминания А.В. Колесова, 2019; Воспоминания Л.А. Кондрусь, 2010; Воспоминания А.К. Копейки, 2001; Воспоминания Л.Г. Коробченко, 2008; Воспоминания Л.В. Моисеевой, 2019; Воспоминания П.М. Никулина, 2001; Воспоминания Г.Я. Островской, 2008; Воспоминания Е.Л. Песчаницкой, 2019; Воспоминания Н.Т. Фирсова, 2001; Интервью с И.Ф. Гурко, 2001; Интервью с М.Н. Евсеенко, 2019; Интервью с З.А. Леоновой, 2001; Интервью с Г.Я. Островской, 2008; Интервью с Б.П. Полевым, 2001; Интервью с А.А. Хортовым, 2001; Интервью с Л.С. Шуваловым, 2001; Письмо П.Е. Малинина. Рига, 1980. Письмо В. Кобыщи в редакцию «Эфира-105». Владивосток, 1991.

35. Стенографический отчет IV-го Приморского губернского съезда профессиональных союзов (с 31 марта по 5-е апреля 1925 г.). Владивосток: Изд. Примор. губпрофсоюза, 1925. 271 с.

36. Ткачев, В.А. Сначала было радио... / В.А. Ткачев // Утро России. Владивосток. 2001. 17 янв.

37. Толмачев, В. Проблема кадров и техническое любительство: Тезисы доклада на совещании Всесоюзного общества «Техника массам». 19 октября 1929 г. / В. Толмачев // ГАРФ. Ф.5576. Оп.1. Д. 6. Л. 1–44.

38. Турмов, Г.П. У истоков высшей технической школы на Дальнем Востоке России (1918–1941): материалы к биографиям / Г.П. Турмов, Н.В. Хисамудинова. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. 130 с.: ил.

39. Устав Всесоюзного общества «Техника массам» // ГАРФ. Ф.5576. Оп.1. Д. 6. Л. 2.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абрамов В.Я.* 91, 104
Антипина М.Н. 72, 98, 122
Арановская В.И. 139, 180
Арбузова (Хорева) Е.П. 156
Арефина Э. 105
Аронова Б.Г. 123
Афанасьев В.Н. 40, 41, 57, 76
Афейчук Л.К. 148
Байкалова В. 134, 138
Бакланов 50
Баранова Т.А. 162
Барышаев И.Я. 104, 109
Батова Т.В. 163
Безручко В.С. 101, 114
Безручко Н. 194
Белокриницкая Л.С. 97, 99, 111, 113, 123, 146, 162, 173
Белоусова В. 92
Беляева О. 104, 122
Беркович И.Н. 102
Богатикова Т.Г. 187–189
Бойко В.В. 121
Бондаренко 50, 55
Борисенко (Дядищева) М.А. 173
Бортник С.В. 60
Братко Г.А. 133, 144
Бровкин П. 92
Брюзгин Д.Н. 163
Брюханов А.Г. 141, 142, 146, 194, 195, 202, 203
Будрин Д.Н. 29
Бурдюг А.Н. 81, 94, 195
Буркова В. 195
Вайнштейн 29
Василевская А.А. 121, 123
Василевская Н.П. 106, 143, 157, 162, 163, 203
Васильева Л.В. 138, 144, 149
Вахов А.А. 50, 51, 141
Вернер Б.В. 92, 123, 146
Вишайкин Н. 38, 39, 43
Вознесенский М.Б. 156
Волгин П.К. 26, 27, 29, 30, 32, 33, 105
Волошинова М.М. 6, 29, 30, 39, 61, 62, 74, 122
Воробьев А. 163
Воробьева Г.В. 143, 194
Гай (Плешков) А. 57
Галкина Н.А. 116, 146
Герасимова Т.З. 91, 94, 107–109
Герцев П.М. 96, 103, 104
Гладченков И.А. 136, 137
Глебов А.И. 19
Глушаков Б. 40
Глущенко В. 113, 148
Глущенко Н.А. 6, 91–93, 95
Головицков М.Н. 13
Гончар Г.В. 13, 24
Гончаров В.Ф. 185, 186, 191
Горбенкова Л.И. 85
Городнёва Р.Р. 92
Громов Г.И. 7, 51, 74, 81, 82, 84, 97, 104, 120, 136, 137, 148, 177, 178, 181, 186, 203
Гулай Л.А. 169
Гурко И.Ф. 7, 95, 108, 109, 130, 134, 148, 158, 162, 183, 203
Гурулева Н. 163

¹ В указатель включены имена только тех лиц, кто непосредственно участвовал в работе Приморского радио.

- Гурченков Э.В. 147, 190
Давид-хан Е.Н. 159, 163
Давыденко В.И. 131
Данилюк О. 194
Дахилейсер Л. 92
Деева (Сабанова) Т.И. 138, 141
Дека Н.В. 7, 126, 135, 139, 169, 170, 171, 176, 181–183, 187, 204
Демидова В.А. 122
Деркач В.А. 173
Дилакторская О.Г. 142
Доброхотова (Ларина) О. 104
Долговых М.К. 138, 180
Дурасов А. 46
Дядищева М.А. (см. Борисенко) 173
Евсеев М.Н. 7, 168, 173, 204
Евтушевский В.А. 173
Емельянов В.И. 132, 133, 149
Ем-Саур 43
Ермолаев В.Л. 29, 39, 61
Жиронкина Л.Л. 187–189, 192, 199
Журман О.В. 187–189
Задачин А.И. 121
Зайцев Н.А. 169
Залевский М.Ф. 55, 71, 89, 101
Заславский Л. 122
Звенияцкий Е.С. 142
Зверев А. 46
Здорик М.В. 173
Зевахина (Мялк) Г.Я. 127
Зельцман Л.Н. 6, 28, 29, 45, 49
Зильберман И. 93, 45
Золочевская Т.И. 173
Иванов Б.А. 91, 93
Иванов С.А. 6, 40, 41, 89, 142
Иванова Н.И. 85, 92, 106, 122, 143
Иванова Т. 104
Илюшин И.А. 193
Исаков В.И. 138
Исигов Г. 147
Кабанов В. 122
Кагановская (Смирнова, Старостина) Е. 143
Каганская Э.А. 91, 92
Калачев В. 40
Калинина В.А. 139
Кан С. 72
Кантакузова Е.И. 134, 139
Каширская З. 104
Квач А.С. 6, 17, 66, 68, 78
Керженцев П.М. 42–45, 52, 54, 56, 57, 59, 61
Кизеветтер 45, 74
Кирасирова Т. 187, 192
Кириллова (Невеличко) И.И. 162, 173
Кишиневский Л.С. 83, 84, 144, 147
Клейман Т.Е. 71, 76, 82, 85
Клименко М. 173
Климов Г.Г. 191
Князев Л.Н. 110, 204
Князева И.И. 127
Коваль Э.В. 142
Коварская Н.Р. 92, 106
Кожин Б.А. 148
Козел В.Г. 106
Козлов И. 173
Козлов В.М. 37, 38, 40, 41, 43, 46
Кокова И.Ф. 187
Колесов А.В. 7, 163, 204
Колмаков В.К. 114, 115, 117
Кондратенко Н.П. 122
Кондрашин В. 163
Кондрусь Л.А. 7, 143, 178, 204
Конев В. 97
Конев И. 97
Копейка А.К. 159, 162, 163, 185, 187–190, 192
Корешов Г.М. 57, 76
Коробченко Л.Г. 7, 122, 123, 127, 204
Королева З. 109
Коропотницкая 61
Короть И. 13
Корчагин С.П. 91
Костин Б. 104
Котлярова А.М. 85
Коханов С.П. 19, 32
Кохановский 28, 29
Краева Л. 173
Кравченко А.К. 138
Кривоногов С. 114
Куварзин В.А. 162, 163
Куделя В.Ф. 51
Кузьмина Р. 143
Кулакова 61
Куперман Ф.А. 156
Лалыкина 85

- Лауве К. 156
Лебедев А. 162
Лебедева И.Е. 135, 136, 143
Левин Г.И. 91, 94
Левин С.Д. 83
Лернер А. 187
Лившиц Б.И. 92, 104, 118
Литвищенко Т.И. 142
Лихачева Е.А. 6, 93, 120, 121, 123
Лобода М. 162, 163
Лысенко К.Ф. 143
Лясковская С. 143
Максименко Б.В. 104, 191, 202
Максименко С.В. (см. Волкова) 127, 183
Максимова А.Я. 85
Малахов Г. 81
Малыгин А.Л. 147, 183
Мальшиев Б.А. 109
Мандрыка 29
Марченко П.Ф. 90, 108, 114, 115, 117, 118, 127
Матвиенко А.В. 139, 162, 163
Машиуков И.Г. 46
Метелёв Б.В. 156, 158
Миньков 50, 55
Мирончик Н.Г. 126, 127
Митрофанова Ж.П. 97, 98
Моисеева Л.В. 78, 104, 109, 168, 169, 171, 188
Мордовцева Р.А. 143, 144
Муравьев В.Г. 126, 127, 202
Мурашова Л.М. 180
Муромцев С.П. 121, 126, 133
Мялк В.Я. 98, 113, 136, 137, 142
Мялк Г.Я. (см. Зевахина) 127
Невеличко И.И. (см. Кириллова) 162, 173
Нестреляева Н.П. 138, 162, 189
Никитин В. 142
Никола М. 201
Николаева Р.А. 97, 116, 138, 156, 162, 163
Никулин А. 57, 76
Никулин П.М. 7, 131, 174, 204
Новикова А.П. 148
Новосёлова Н. 143
Норкин Н. 144
Оберман 39
Овчинников Г. 156
Онопrienко С.Д. 133, 138, 183
Орлова Л.Г. 194
Орлова Н.Г. 162, 163
Остолопов Н. (Н. Ост, Николаев) 46
Островская Г.Я. 117, 193, 195, 196
Островский А.В. 163
Павлова Т.В. 109, 135
Паденко О.А. 104, 156, 163
Пекарский Д. 138
Пельтцер И. 38
Первушина З.Ф. 82, 85, 88, 130
Песчаницкая Е.Л. 162, 163, 193, 194
Петелин Г.И. 109, 147
Петелько А. 97
Петренко Г.М. 122
Пигаева Л.В. 168, 173
Пиляй Д.Т. 19, 25, 30
Плавская В. 156
Полещук Ю. 156
Поломских Н. 143
Прищепа В.В. 138
Проколова Ю.А. 38
Прозорова А.С. 109, 134, 143
Прокопенко И.Г. 127
Прокопцев Э.А. 142
Просветов Н.М. 159, 163
Пугина И. 163
Пушкин В. 156
Пуцин 61
Радаев А.В. 127
Радченко В. 147
Ралин Ю.Н. 162
Редиков И.Л. 38
Репина Э.Г. 143
Розанов Ю. 38
Романова Т. 116, 173
Ромашов В.И. 60, 73, 89, 122–124, 202
Рощина И.В. 131, 173
Сабанова Т.И. (см. Деева) 138, 141
Савицкий Л.Б. 104
Самунин М.Н. 74
Санцевич Н. 122
Сарычева С. 72
Селезнев К.Е. 55, 82, 91
Симонов Б. 19, 130
Симонов Н. 61
Ситник М. 147
Скарутин М. 131
Скорбач Р.С. 133

- Славская Е.В.* 143, 194
Слепенчук Р. 97
Смирнов В.М. 92
Смирнова Е. (см. Кагановская) 143
Смирнова О. 72
Соболь В.Л. 72
Солдатов В.И. 132, 133, 144, 148, 149, 162
Соловьева (Хисамутдинова) Н.В. 133, 138, 144, 149, 176, 177, 180, 181, 187, 192, 198, 204
Сорокин Г.П. 118, 183
Смышникова Н. 92
Старостина Е. (см. Кагановская) 143
Старченко Т.И. 147
Степанов А.А. 6, 17, 156, 198
Степанов Ю.М. 162, 163
Стрельникова И.В. 92
Стрижов С. 38
Строганова 61
Субботенко Л.М. 92, 104, 148, 177
Сурвилло В.И. 49, 50, 54
Суроедина (Чернеева) А.М. 7, 76, 91, 92, 96, 103, 110, 111
Сушков Б.А. 80
Сырых Л.А. 173
Тарнава Ю. 46, 76
Тежик Е.Г. 86, 98
Темен 61
Тертычный С. 40
Титаренко К. 92
Ткачев В.А. 6, 101, 104, 129, 130, 141, 146, 148, 152, 155, 161, 183, 205
Ткачев Л.А. 124, 142
Третьякова О.Н. 138
Тураев В.А. 7, 148, 155, 157, 158, 160, 162, 163, 176
Уманская З.Л. 92, 109
Фагорини 29, 39
Федоров К. 28, 29
Феоктистов В.В. 162, 191, 192
Фетисов А. 40, 57
Филатова Е. 138, 145
Фирсов Н.Т. 7, 131
Фирсова Е. 80, 204
Флусова С.И. 180
Френкель 29
Харыбин К.П. 156
Хортов А.А. 7, 121, 125–127, 204
Хромова Л.В. 188
Хрулькова Н.А. 7, 92–94, 98, 107, 113, 156, 162
Чалеева-Бельская Е.И. 39
Чекризов О.А. 109
Чекризова Н.Н. 133
Чекушев В. 127, 145
Черевченко А.И. 156
Черемисина Л. 92, 103, 143
Черепнин В.Е. 19, 24, 30
Чернеева А.М. (см. Суроедина) 7, 76, 91, 92, 96, 103, 110, 111
Чернышева С. 143
Чиквиладзе Б. 38
Шатино 87
Шварц П.И. 92, 109, 156, 162
Шевченко Е. 138, 179
Шемет (Шеремет) 29
Шестера К. 109
Шигина А.Н. 103
Шинкаренко А.И. 92
Шинкаренко А.Р. 75, 92, 103, 122, 146, 183
Шкленник О.М. 194
Штилько С.Р. 143, 145
Шувалов Л.С. 7, 97, 131, 146, 173, 194, 204
Щербович С. 104, 109
Юрченко С.В. 3, 86, 90, 91, 94, 96, 97–102, 104, 109, 112, 123, 130, 134, 155, 156
Яковенко А. 163
Якутович В.Е. 127
Ясенкова Т.В. 162, 163

Научное издание

Хисамутдинова Наталья Владимировна

ГОВОРИТ ВЛАДИВОСТОК

ДЕЛА И ЛЮДИ ПРИМОРСКОГО РАДИО

Монография

В авторской редакции
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Идея обложки Н.В. Хисамутдиновой. Использовано изображение радиорепродуктора 1930–40-х гг. и фотография коллектива радиостанции «Тихий океан» (1999 г.)

Подписано в печать 15.10.2019. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 17,2.
Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 [I–100] экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41